

III

С. С. ГЕЙЧЕНКО У ЛУКОМОРЬЯ

С. С. ГЕЙЧЕНКО

У ЛУКОМОРЬЯ

С. С. Г Е Й Ч Е Н К О

У ЛУКОМОРЬЯ

*Рассказы о сет хранитель
Пушкинского заповедника*

*Издание второе,
дополненное*

Л Е Н И З Д А Т • 1 9 7 3

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

*Фонетический и рисунки в тексте —
В. М. Звонцова,
переплет и титул — Б. А. Комарова*

Г $\frac{0732-001}{М 171(03)-73}$ 180-74

ХРАНИТЕЛЬ ЛУКОМОРЬЯ

Удивительными людьми держится мир, его история, его культура. Удивительные люди встречаются не часто, но все-таки встречаются, и от общения с ними, от их присутствия в нашей жизни хочется жить, делать, верить, тратить себя полней и целесообразней, взглядываться внимательнее в души людей, находить в них искры творческого начала и приобщать их к общему свету.

Это правда: не место красит человека, а человек место. Но иногда и само место очарованием своим благородит человека, делает его лучше, сыше, значительней. Это — обоюдная взаимосвязь.

Прекрасны в северо-западной полосе России пушкинские места — эта древняя земля, густо засеянная костями и политая кровью доблестных битв наших предков. Есть в этих бесконечных холмах и курганах, поросших сосновыми перелесками и березовыми рощами, заглядывающими в тишайшие воды бесчисленных озер западных отрогов Валдайской возвышенности, особая умудряющая и уравновешивающая человека красота.

Эти места когда-то очаровали нашего Пушкина, а он очаровал ими нас в своих стихах.

Не будь в судьбе Пушкина Михайловского, у нас, наверно, не было бы того Пушкина, которым мы дышим с детства.

Рядовой минометного расчета Семен Гейченко не дошел до Пушкинских Гор и не участвовал в боях за эту святую землю.

Его тяжело ранило под Новгородом. Форсировать Великую и Сороть, штурмовать Тригорское и Михайловское, врываться в Святогорский монастырь пришлось другим.

А бои в этих местах были жестокие. Какое дело было фашистам до святынь русской культуры.

Под знаменитым дубом в Тригорском, под тем самым дубом, при виде которого губы невольно шепчут: «У лукоморья дуб зеленый...», они сделали блиндаж. Само Михайловское было превращено в узел обороны, парк перерыл ходами сообщения, в доме Пушкина была огневая позиция артиллеристов. Колокольня в Святогорском монастыре была взорвана, а могила Пушкина заминирована.

Огонь, дым, пепел да зола, искореженная, оплетенная ржавой колючей проволокой, начиненная минами земля — вот что оставили, отступая, фашисты.

Вместо заповедника — пустыня. Рваная незатянувшаяся рана, боль и мертвая тишина.

Бывший тогда президентом Академии наук Сергей Иванович Вавилов, по старой памяти, через верных друзей разыскал Семена Степановича Гейченко. Он знал его давно как работника Пушкинского дома, как хранителя петергофских дворцов; ценил этого не ведающего покая ученого, умеющего мыслить и действовать.

Может быть, при встрече кто-нибудь из них произнес вслух, а может, каждый поодиночке, про себя вспомнил пушкинские слова, которые были для них с мальчишества клятвой верности:

*Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

— ...Я надеюсь на вас. Беритесь. Восстанавливайте! — сказал Сергей Иванович, заканчивая беседу.

Стоял апрель 1945 года. Война подходила к Берлину во всей своей нарастающей силе и беспощадности. Земля

оживала. Ее оживлял обретающий свое истинное призвание человек.

В это время на случайных попутных машинах, с вещмешком за плечами, по разъезженной, перевороченной железным тараном войны дороге, и приехал в Пушкинские Горы Семен Степанович Гейченко. Приехал, чтобы остаться здесь навсегда. Никаких «или» не могло быть. Только навсегда!

Надо было расчистить, разгрести эту опоганенную войной землю и на пепле восстановить всё так, как было при Пушкине. Это понимали все, об этом говорилось и в предписании Академии наук. Надо было восстановить равновесие и в своей собственной искореженной войной душе, восстановить эту душу, — об этом знал только он сам да, может быть, догадывалась жена, Любовь Джелаловна, которая приехала к нему вскоре.

Надо было найти в себе силы для этого двойного подвига.

Он отлично понимал, что восстанавливать гораздо трудней, чем строить заново. Но для него слово было делом.

— Ну что ж, милый, начнем... — сказал он не то себе, не то первому скворцу, которого увидел в чудом сохранившейся скворечне на полубогорелой, иссеченной осколками березе, одиноко стоящей у развалин фундамента домика няни. — Тебе-то легче, у тебя есть скворечник, а у меня ничего нет. Ну, хоть ты пой, — все-таки веселее...

За скворцами прилетели утки, цапли. Два аиста облюбовали старую ганнибаловскую липу со сбитой снарядом верхушкой и начали вить гнездо. Запела серебряную песню ивола.

— Раз аисты прилетели, значит, всё будет! — Это сказала тетя Шура Федорова, а может быть, дядя Леня Бельков, только что вернувшийся после ранения из госпиталя, а может быть, Вася Шпинев — мастер на все руки. Все они были местные жители, и Пушкин был для них своим,

родным человеком. И всем им надо было налаживать свои жизни на этом пустом месте.

Трава пошла в рост. Посеченные осколками березки чудом пускали новые побеги. На треть подпиленная могучая сосна, на которой был наблюдательный пункт и которую фашисты не успели срезать, заплывала смолой и оживала. Из-под векового дуба в Тригорском по бревнышку был вытаскен весь блиндаж, а пустое пространство было забито землей и навозом. И дуб стал охорашиваться и при некоторой доле воображения в его зеленых листьях можно было заметить скрывающихся русалок.

Могила Александра Сергеевича от взрыва оползла, и каменный склеп пришлось перекаладывать заново и укреплять.

Все было растащено, разгромлено, разворовано фашистами. Но директор заповедника и люди, работающие с ним, верили святой верой в то, что всё будет так, как было, и не жалели для этого сил, работая от зари и до зари.

Первым был восстановлен домик няни.

И тетя Шура, полушутя-полусерьезно изображая Арику Родионовну, села у окна светёлки, подперла двумя пальчиками щеку и певучим голосом сказала:

— Вот, бывало, зайдет сюда ко мне Александр Сергеевич и скажет: «А не выпить ли нам, Арина Родионовна?» — «Что ж, — отвечала я, — это можно...» — и шла в погребок за наливочкой, а погребок-то вот тут рядом, под окошком, и был.

Теперь этот погребок тоже восстановлен.

В 1949 году был отстроен дом Пушкина и состоялось торжественное открытие заповедника.

Я хорошо помню прекрасный июньский полнокровный день Пушкинского народного праздника. Я нарочно подчеркиваю народного, потому что на нем, в этот благословенный день, наполненный солнцем и грозой, ливнями света и радугами, свистом птиц и пересверком молний, ~~всех~~ — и почтенного академика, и колхозника — объединяла

одна святая любовь к чуду своего народа, к чуду своего языка — к вечному Пушкину.

Со всех континентов на это неумиряющее торжество поэзии съехались поэты, и их разноязыкие голоса, усиленные репродукторами, звенели в промытой буйной зелени, и к ним прислушивались пестрые праздничные толпы людей и в самом Сеятогорском, около могилы поэта, и в Михайловском, на широком лугу у входа в усадьбу.

Я запомнил на все времена, как люди входили в домик Арины Родионовны, разувшись, чтобы не запачкать полы и не спугнуть той святой тишины, которая свойственна только высокому духовному настрою.

А этим настроем был пронизан весь праздник рождения поэта.

И среди этой праздничной, восхищенной и замаранной толпы то тут, то там мелькала сухая высокая фигура резкого в движениях человека с выразительным острым лицом, с доброй улыбкой и густым наплывом русых волос, спадающих на глаза. Он то и дело поправлял их или единственной правой рукой, или характерным взмахом головы. Он объяснял, советовал, показывал. Он был весь в движении. И незримое чувство удовлетворенности содеянным, может быть даже неосознанное, делало его прекрасным.

Я залюбовался им.

Потом жизнь подарила мне Семена Степановича в друзья. И от этой дружбы я стал богаче, уверенней в жизни, наполненней.

И сам Пушкин стал для меня другим, куда более глубоким и многообразным, куда более трагическим в своем одиночестве. Только здесь во всей полноте я понял, насколько Пушкин народен.

Сколько раз я бывал в Михайловском, мне теперь уже и не припомнить. Я ездил туда ежегодно и зимой, и летом, и ранней весной, и в пору золотой осени. Ездил как к себе домой. Сколько вечеров мы прокоротали за разговорами

около лежанки в заставленной книжными полками квартире Семена Степановича или гуляя по тропинкам и аллеям заповедных парков и лесов, — уму непостижимо! Мне всегда там хорошо работалось, хорошо думалось и о мире, и о людях.

Сейчас в самом Михайловском, в Тригорском, в Святогорском монастыре восстановлено всё. Осталось только довосстановить усадьбу в Петровском, и — всё будет, как при Пушкине.

Важна даже не точность реставрации, важно то, что восстановлен сам дух природы, которая когда-то очаровала Пушкина. «Ель-шатер» рухнула, посеченная во время войны пулями и осколками, липы на аллее Керн подозрительно скрипят во время ветра, а иногда и падают замертво, — что поделаешь, деревья тоже старятся, — но вместо них растет новая поросль. На месте трех сосен поднимается вершинами другое «племя, младое, незнакомое». Но оно по духу своему похоже на то, которое видел сам Пушкин.

Оно от одних и тех же корней, из одних и тех же семян.

Четверть века отдал Семен Степанович Пушкинскому заповеднику. Хозяйство у него беспокойное, и, конечно, всё, что он делал и делает, он делает не один, он умеет заражать своим беспокойством окружающих. Он сумел породнить своих товарищей по труду с Пушкиным, впустил им любовь к жизни, справедливой и вечной. Это он заставил полуграмотного парня Васю Шпинева закончить десятилетку, а потом и Псковский педагогический институт, и теперь Василий Шпинева — хранитель заповедника, человек с обширными познаниями. Это он, директор, намекнул садовнику Володе Самородскому сделать «птичий дворец», и теперь этим сказочным домиком на старой липе любуются все посетители.

И во всё это вложена любовь, душа.

Число паломников Пушкинского заповедника давно перевалило за семизначную цифру. Сюда едут и идут со всей страны, со всего света.

Здесь ведется громадная воспитательная и научная работа.

Здесь всегда гостят ученые, поэты, писатели, художники, музыканты, студенты.

Здесь идет приобщение народа к духу творчества.

Экскурсия по заповедным пушкинским местам не просто экскурсия, а погружение в прекрасную пушкинскую душу.

А сколько этих экскурсий провел сам Семен Степанович!

Он знает Пушкина, как никто. Знает по-своему.

В его отлично систематизированном, уникальном по своим материалам архиве собраны рассказы старожилов обо всем, что касается жизни и самого поэта и его друзей.

Этот материал ждет обработки и, наверное, будет сформирован в книгу.

В поисках этих материалов была искожена и изъезжена вдоль и поперек вся округа и самого Пушкиногорского района, и Себежского, и Новоржевского.

Семен Степанович стал в этих местах своим человеком, заслужившим по достоинству и уважение и доверие.

Он посвятил Пушкину свою судьбу, талант, страсть. Только он да ближайшие сотрудники его знают, сколько трудов положено на поиски каждой пушкинской реликвии, выставленной в витринах заповедника.

Прекрасное очень тяжело создавать.

Но ради этого стоит жить!

Ради этого и живет хранитель пушкинского Лукоморья, редкостный человек — Семен Степанович Гейченко.

...Я ничего не сказал о книге. Вы прочтете ее и лишний раз убедитесь в том, что одаренность, талантливость никогда не бывают односторонними. «У Лукоморья» — рождение нового писателя, умеющего не только увлекательно рассказать об исторических фактах, но и наделенного редким умением «начинать работу там, где кончается документ», умеющего домысливать, придумывать, воображать, как в рассказе

«Из дневника игумена Святогорской обители» и других, касающихся жизни Пушкина в Михайловском, — одним словом, писателя, знающего и понимающего великое чудо жизни.

М. Дудин

Р. С. Первое издание книги «У Лукоморья» вышло в начале 1971 года и сразу же стало библиографической редкостью. Вниманию и доброжелательной заинтересованности, с которыми она была встречена и читателями и рецензентами, могла бы, без преувеличения, позавидовать любая книга.

В этом втором издании учтены деловые замечания, сделанные и автору и издательству, и автор счел возможным добавить несколько новых рассказов, расширяющих горизонт книги.

Я уверен, что и второе издание не будет последним, что книга будет расти вместе с читательским к ней интересом.

Она по-настоящему полюбилась самым различным людям, тем, кому дорога Поэзия, наш Пушкин и Русское слово, несущее в тревожный мир свет и гармонию.

М. Д.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПИСЬМЕНА

Когда люди уходят, после них остаются вещи. Вещи безмолвно свидетельствуют о самой древней истине — о том, что они долговечнее людей. Неодушевленных предметов нет. Есть неодушевленные люди. Без вещей Пушкина, без природы пушкинских мест трудно понять до конца его жизнь и творчество. Это хорошо знали еще современники поэта, и лучше всех Александр Иванович Тургенев, писавший о доме Пушкина, о соснах, сирени, гульбище и многом другом в Михайловском.

Сегодня вещи Пушкина — в заповедниках и музеях. Здесь они живут особой, таинственной жизнью, и хранители читают скрытые в них письма. Передо мной в Михайловском прошли сотни тысяч людей разных возрастов, знаний и стремлений. И все они хотели увидеть то, что окружало поэта. И вот я говорю им: «У этого окна любил сидеть Пушкин». Тут все они начинают смотреть на обыкновенное окошко и вдруг видят, что оно не обыкновенное, что никто из них такого окна раньше не видел, не видел около окна этого зеленого куста, что другого такого куста нет на всем свете, что над кустом небо, какое было при Пушкине, и облако, и отраженный стеклом силуэт пролетающей птицы, которую, может быть, видел и он.

Еще много-много лет после того, как совсем обветшали окна и двери, и порог пушкинского дома, — пышная сирень каждую весну раскрывала для людей свои душистые цветы. Когда-то ее сажали и ходили чьи-то заботливые руки,

и сирень заглядывала в комнату Пушкина. А потом всё кануло в Лету.

И вот теперь выровнялись и порог, и ступени, и окна пушкинского дома, и мы вновь посадили сирень, и, как прежде, дарит она мечтательному путнику свои цветы.

В каждом листике куста есть свои письма. Пушкин умел их читать. Чтобы понять деревенского Пушкина, нужно, чтобы всякий проходящий в Михайловское попробовал разобрать эти письма.

Когда Пушкина спрашивали про его кабинет, он отвечал: «Деревня — вот мой кабинет».

Деревня — это природа. Деревья, травы, кусты, птицы и звери. Пушкин любил эту землю. Он ходил по лесу без сюртука, в рубашке, часто на босу ногу, в ветер, и дождь, и прохладу, и не только когда было тихо и жарко. Он видел, что в природе всё безгранично и почти ничто в ней не меняется. Она — вечность. Это только мы меняемся, люди.

Весною, когда в Михайловском начинается всё заново и люди выходят на волю, они видят и слышат только воду. Так было при Пушкине, так и сейчас. Вода идет отовсюду, она заливает заветные луга, рождает огромное море и топтит в нем ручьи и реки, старицу реки и ее новь, — и вода эта стоит от одной горы до другой.

Природа Михайловского имеет своих стражей. О них Пушкин писал в стихотворении «Домовому». И самый верный страж этого места — вода.

Каждый день деревья, кусты, луга и поляны Михайловского проявляют свой характер по-новому. Каждое утро хранитель этой великолепной галереи заменяет одну из старых картин какой-нибудь новой и как бы говорит нам: «Всё это видел Пушкин. Посмотрите и вы. Станете лучше».

Когда будете в Михайловском, обязательно пойдите как-нибудь вечером на околицу усадьбы, станьте лицом к маленькому озеру и крикните громко: «Александр Сергеевич!» Уверю вас, он обязательно ответит: «А-у-у! Иду-у!»

9 АВГУСТА 1824 ГОДА

Благодатный летний день. Тишина такая, что слышно, о чем далеко за рекой спорят зимарёвские бабы.

Листья лип дрожат от обилия пчел, снимающих мед. Меду много, почитай на каждом дереве фунтов тридцать будет. Аппетитно хрукает траву старая кобылка, привязанная к колу на дерновом круге перед домом. Господский пес, развалившийся на крыльце, изредка ни с того ни с сего начинает облаивать кобылу. Тогда в окне дома открывается форточка и чей-то картавый голос кричит на собаку: «Руслан, silence!» * Форточка остается открытой, и из комнаты доносятся стихи:

Un voyageur s'est égaré.
Une lueur s'offre à sa vue.
Entre lui et nous n'est-il pas,
N'est-il pas quelque dépendance?
Nous voyageons tous ici-bas...

Пауза. И снова те же стихи, только уже по-русски:

Заблудившемуся путнику
Огонек, вдали мерцающий,
Возвращает силы прежние,
Льет отраду в душу страстную...
Так не правда ли, мой милый друг,
Мы все здесь ведь только путники?

---

* Замолчи! (Франц.)

Это голос хозяина дома — Сергея Львовича Пушкина. Он занят своим излюбленным делом — сочинительством стихов.

* * *

Июль 1824 года был на всей Псковщине жарким и душным, а август и того больше — совсем пёкло. Вся тварь изнывала. Кругом горели леса и травы. Болота высохли, по озеру Маленец — хоть гуляй. Дым пожаров заволакивал горизонт. Старики Пушкины скучали в Михайловском, в деревне они вообще всегда скучали, а сейчас и подавно. Изнывали.. Одна радость — когда после обеда перебирались из дому в горницу при баньке, в которой всегда было прохладно и сыровато. Рядом был погреб, откуда господа то и дело требовали себе то квасу, то медовой или брусничной воды, то холодной простокваши прямо со льда.

Жизнь без людей, без общества, без столичной суеты казалась невыносимой. И они изо дня в день только и ждали приглашения соседей — погостить, поиграть в карты, посмотреть заезжего танцора или фокусника, сыграть живые картины, которые тогда были в большой моде. Им было все равно к кому ехать — что к выжившей из ума Шелгунихе, что к предводителю-балаболке — Рокотову, или к суетливым сестрицам Пушиным, которые всё знали, всё слышали, всё видели, или в Тригорское, где всегда шумно и весело. Только бы не сидеть дома.

Хозяйство свое они не любили. Что делалось в их деревнях, в поле и на гумне, их не касалось. Вот парк и сад — это другое дело! Сюда Сергей Львович заходил часто, мечтая о разных новшествах и благоустройстве. Иной раз, начитавшись старых книг с рассуждениями о хозяйственных опытах доброго помещика-сеянина, Сергей Львович приказывал казачку крикнуть приказчика. Шел с ним осматривать усадьбу, оранжерею, вольер, пруды и разглагольствовал о том, как лучше устроить новые цветники, куртины и ра-

батки, как развести в огороде дыни, а в прудах — зеркальных карпов, где поставить новую беседку или грот и как превратить один из старинных курганов в Парнас.

Приказчик слушал вдохновенные барские речи, подобострастно кивал головой и говорил, что ему всё это отлично понятно и что всё будет завтра же готово. Сергей Львович удивленно смотрел на приказчика и выговаривал ему, переходя на французский: „*Se que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village est de tâcher de ne plus penser*“*.

Потом кричал: «Ах Мишель, Мишель, чучело ты гороховое, где тебе понять меня!..»

На что приказчик отвечал: «Покорно вами благодарны!»

И всё оставалось по-старому, до нового обхода.

Сергей Львович мечтал о том, чтобы перестроить обветшалый дедовский старый дом, эту, как он говорил, «бедную хижину», хотел увеличить его, убрать современными мебелью, превратить дом в сельский замок, наподобие английского коттеджа. Но как объяснить всё это бестолковому приказчику, да и где взять деньги, в которых всегда была нужда?

Еще мечтал он о своем хорошем портрете, который украсил бы залу господского дома, где висели портреты царей и предков. Дочка Ольга Сергеевна любила рисование. Одно

---

* Лучшее, что я могу сделать в своей печальной деревенской глуши, — это ни о чем не думать (*франц.*).

время даже хотела стать художницей. Сергей Львович часто заставлял ее писать с него портреты. Составляя программы в стихах и прозе, принимал позы. Читал вслух «Канон портретиста» Архипа Иванова — старинную книгу о портретном искусстве, которую как-то нашел в библиотеке Тригорского. Бывало, сильно тиранил художницу, придирался к каждой детали, распространялся о величии рода Пушкиных и Ганнибалов и почти всегда заканчивал свои рацы или рассуждениями о несчастной судьбе своего опального сына, или брал гитару и начинал напевать романс, сочиненный им на сей предмет:

Где ты, мой сын, — там мысль моя витает,
Туда стремятся все мои мечты,
И сердце быть с тобой желает, —
О Александр, где ты, где ты?

Я здесь, я в горьком чувств забвеньи,
Не вижу время долготы,
Я здесь не знаю наслажденья,
О Александр, где ты, где ты?

Приди ко мне, здесь жизнь светлее.
Я жду тебя, скорей приди...
Та-та-ра-ра, та-та-те-те-те...
О Александр, где ты, где ты?..

Вот и сегодня, сидя в затененной от мух и комаров спальне, перед туалетным зеркалом, и внимательно разглядывая в стекле свой орлиный профиль, он опять заговорил про «него», обращаясь к жене и дочке, склонившимся над пюльцами:

— Ну скажите вы мне на милость, почему Александр такой неблагоразумный? В кого он таким вышел? Ах, господи, каково-то ему там? Бедный! Подумать больно. Четыре года лишенный родительской ласки и заботы... Каково-то ему живется там, среди этих, как их, тамошних турков? У меня сердце кровью обливается, когда подумаю о рас-

стоянии, которое нас разделяет. Я никогда не привыкну к этой мысли. Он без нас, мы без него... Entre lui et nous n'est-il pas, n'est-il pas quelque?.. * Неужели бог не услышит молитвы любящего отца? Le Dieu c'est l'amour! ** Я знаю, он услышит, услышит, и Александр будет с нами. Вот возьмет и нагрянет! И будет счастье и большая радость!.. Не правда ли, мой друг? — спросил он Надежду Осиповну.

Та, не отрываясь от рукоделья (по-видимому, не слушала супруга), заговорила совсем о другом:

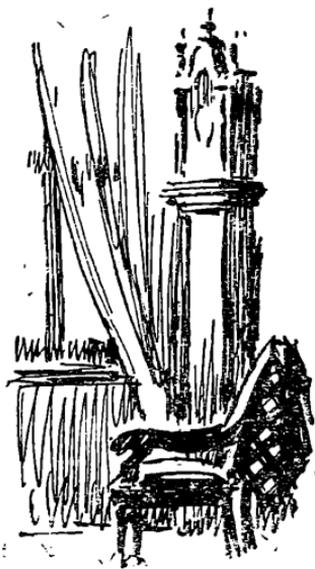
— Нет, я никак не могу понять Прасковью: подумать только, сорокалетняя женщина, а уже с утра старается расфуфыриться, словно на бал. Прическа в три этажа, тут и косы, и букли, и ленты, и банты, и громадный гребень. Это при ее-то фигуре! А духи?! Спрашиваешь ее о жизни — отвечает, что совсем больна, мучится спазмами, истерикой и что в животе у нее целая аптека с лекарствами. Вся пропахла гофманскими каплями. Всё плачет, говорит, что не может забыть своего Иванушку-дурачка... Боже мой! Дочки на выданьи, бьет их по щекам, при людях...

Сергей Львович удивленно слушал супругу. Та не успела закончить свои язвительные критики на тригорскую соседку, как вдруг в комнату, словно ветер, влетел младший сын Лёвнышка:

---

* Нет ли между ним и нами какой-то связи? (Франц.)

** Бог есть любовь! (Франц.)

— Мамонька, а к нам дядюшка Павел Исакович пожаловали!..

Перед домом остановилась коляска, запряженная парой взмысленных лошадей. Коляска была какая-то особенная и чем-то напоминала боевую походную колесницу древних. К передку ее был приделан шест, на котором развевался пестрый стяг с изображением ганнибаловского слона и надписью: «Fino» — стреляю. По бокам крыльев коляски вместо фонарей были поставлены две маленькие чугунные мортирки, к задку приделана шарманка с приводом к колесам. Когда карета двигалась, шарманка наигрывала веселую мелодию.

Об этой коляске в округе ходили легенды, как, впрочем, и о самом хозяине — развеселом человеке. В прошлом году на ярмарке в Святых Горах коляска сия наделала большого шума, когда Павел Исакович Ганнибал во время крестного хода въехал на ней в толпу, чем попам и монахам доставил большую досаду и испуг, а подгулявшему народу истинное удовольствие, и все кричали «ура». Тогда на ярмарке и песня сложилась о том, «как наш бравый господин Ганнибал во обитель прискакал...».

Павел Исакович был в гусарском доломане, через плечо — лента, на которой висел большой медный охотничий рог. На передке коляски сидел какой-то неизвестный в за-трапезном сюртуке и помятом картузе — не то купеческий сын, не то уездный стряпчий. На задке — ездовой, огромный верзила из дворовых, с красной нахальной рожей.

И Ганнибал и его товарищи были сильно навеселе. Увидев вышедших на крыльцо дома Пушкиных, Ганнибал бросился к ним с восторженным воплем:

— Сестрица, ангел, богиня! Братец, милый, ангел! Ручку, ручку!

Он галантно припал на одно колено, бросил шапку на землю и пополз к Надежде Осиповне, простирая руки. Та нехотя, но церемонно протянула гостю свою руку и молвила:

— Ну, ну, здравствуй, ястреб... Где это ты так нама-
скарадился? Какими чудесами к нам занесло? Редко жа-
луешь, а ежели и жалуешь, то всегда чудом и в эдаком
триумфе!

— Не чудом, не чудом, сестрица, а с приятным ошеломительным известием. Так сказать — Христос воскрес, и ангел вопиаше! Возрадуйтесь и возвеселитесь! Наш орел Александр Сергеевич в наши родные края прибыл. О радость, о счастье!.. Уже в Опочке... Приехал. В лапинском трактире лошадей дожидается. Отслужился. С дороги отдыхает. Винный заседатель господин Трояновский случайно встретил, сообщил, что по дороге из Опочки обогнал дворового человека Александра Сергеевича, который шествует сюда с известием и за лошадьми. А я, как только узнал сие, — как был, так прямо с места сюда марш-марш, на полном аллюре, к вам, вроде как архангел Гавриил с пальмовою ветвию...

Тут Ганнибал повернулся к коляске и крикнул:

— Митька, музыку! Полный ход вперед! Огонь! Победа!
Ура!

Грянула труба, загудела шарманка, ахнули мортирки, и Павел Исаакович исчез, как огонь из огнива.

Из людских изб стали сбегаться к крыльцу господского дома люди.

Сергей Львович словно обронзвел заживо. Медленно подняв руку к небу и указывая на солнце, воскликнул:

— Свершилось! Яко видеста очи мои. Услышал господь молитвы мои! — и стал медленно по ступенькам спускаться с лестницы.

Спустившись на землю, он оглядел всех толпившихся у крыльца и крикнул:

— Эй, люди! Где Михайла? Гришку сюда, Прошку, Архипа, Василису... Где Габриэль! Que diable! * Лошадей!

---

* Какого черта! (Франц.)

О мой сын, о Александр!.. Слушайте мое приказание: Гаврюшке — бежать на Поклонную гору и во все глаза глядеть на дорогу, а заметив путников, лететь стрелой ко мне для доношения. Архипу — запрячь лошадей и гнать в Опочку. Михею — зажечь лампы в часовне и зарядить пушку!

Помедлив, Сергей Львович повернулся к дому и, шествуя вверх по лестнице, простирая руки, словно библейский старец, встречающий блудного сына, продолжал:

— Слуги и рабы господина вашего! Велите заколоть лучшего агнца, приготовьте плоды, вина и брашна! Готовьте столы! Мой блудный сын грядет в отчий дом!

Заметив в толпе старую пляшку, он указал на нее пальцем и крикнул:

— А ты, мать, отправляйся на Воронич и скажи отцу Лариону, чтобы приготовился к молебствию!

Обернувшись к Надежде Осиповне и детям, Сергей Львович воскликнул:

— Жена моя, дети! Возрадуемся и возвеселимся! Пробыл час радости и веселья. Свершилось! «Начальнику хора — на струнных орудьях псалом Давида „Твердо уповал я на господа и он приклонился ко мне и услышал вопль мой. Аминь!..“»

Возгласив псалом, Сергей Львович театрально раскладываясь и вошел в дом, как за кулисы сцены...

* * *

Блудный сын прибыл домой лишь к ночи, когда родители, изрядно притомившись за целый день ожидания, изволили почивать. Не спала лишь пляшка Арина Родионовна, ночной сторож — глухой дед Василий, братец Лёвушка да старый пес Руслан.

Салюта не было, и вообще торжественная встреча не состоялась. Коляска подъехала к крыльцу. Пушкин соскочил на землю и сказал:

— Ну вот и приехали.

Увидев встречающих, он весело крикнул:

— Здравствуй, брат Лев, здравствуй, нянюшка, здорово дед! Здравствуйте, люди добрые, вот и я!

Сторож подошел к чугунной доске, подвешенной возле людской, и ударил полночь.

ПУШКИН УСТРАИВАЕТ СВОЙ КАБИНЕТ

По дому можно судить о его хозяине, и часто, взглянув на человека, можно представить себе его дом. Но иногда бывает, что дом и его хозяин по природе своей и по внешнему виду являются полной противоположностью друг другу, и невесело выглядят тогда и дом, и его обитатели. На всем лежит печать какого-то беспокойства и неустроенности. Но бывает и так, что человек настолько сроднится со своим жильем, что подчас и понять трудно, где кончается обиталище и начинаются обитатели.

Восстанавливая Михайловский дом, я много думал о жилище Пушкина, стараясь реально представить себе, как оно устроилось и как выглядело. Ведь сам Пушкин и его друзья, бывавшие у него в деревне, так были скупы на рассказы об этом доме!

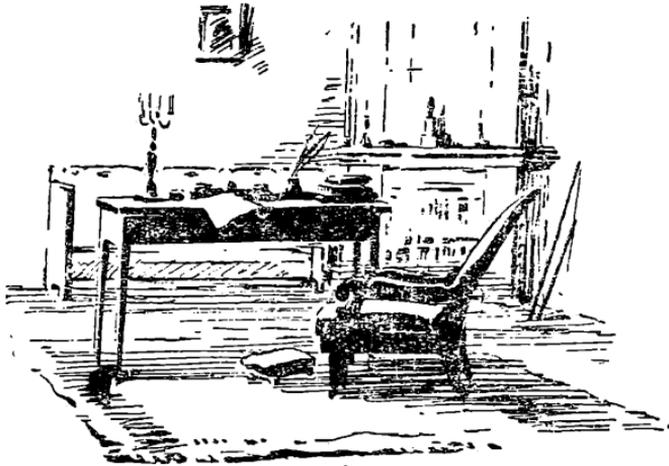
И вот как-то мне представилось: еще там, на юге, Пушкин заставил героев своего «Онегина» жить в такой же деревне, в окружении такой же природы, среди которой ему пришлось жить теперь самому в Михайловском. Там, на юге, он мечтал о старом господском доме, который был бы расположен на скате холма, в окружении лугов, за лугами вечно шумящие густые рощи, речка, огромный запущенный сад...

И вот теперь он и все вызванные им к жизни герои должны жить здесь, в таинственной северной глуши...

Он долго привыкал к Михайловскому дому. Беседовал сам с собой: а зачем ему в сущности все эти хоромы?.. Еще в лицее он понял великое таинство уединения, «жития в пещере». Все другие годы, где бы он ни был, он провел в «скромной келье», в одной комнате, — в Петербурге ли, Кишиневе, Одессе, в гостинице или трактире. В одной комнате он чувствовал себя как-то собранней, крепче. В ней всё под руками, всё только нужное. Никакой тебе суеты, гофинтендантских штучек и красотостей. Нет, никогда, никогда не станет он жить многими хоромами! Никогда и ни на что не променяет свою каморку-норку, свою пещеру, светёлку с заветным сундучком-подголовничком, дорожной лампадкой, чернильницей и верным кожаным баулом!

После отъезда родителей, прежде чем окончательно устроить свой кабинет, он долго присматривался к дедовским хоромам. Сперва ему показалась привлекательной комната в центре дома, где когда-то было Ганнибалово зальце с портретами предков. Стеклообразные окна и дверь в сторону Сороти вели на балкон, откуда открывался чудесный вид на окрестности. Но комната эта была проходной и ветхой, штофные обои ключьями свисали со стен, и кругом под штофом клопы, клопы... Поэтому передумал и переселился в комнату рядом, где была родительская спальня. Но она всегда была сумрачной, и в непогоду, в свирепые северные ветреные дни, ее продувало насквозь, так что даже бу маги слетали со стола.

В старых комнатах было порядочно вещей, любезных сердцу его деда и отца с матерью. Вот огромный комод, из которого так же трудно тянуть ящики, как открывать бутылку цимлянского с порченной пробкой. Вот кресла и стулья — доморощенные псковские «жакобы» и «чишпендейли», бильярд с неизменно заваливавшимися под рваное сукно шербатыми костяными шарами. Кровати двуспальные

и односпальные, шкапы, полушкапы, канапеи, гора изрезанной ножами и вилками фаянсовой посуды и просто черепье. В углу спальни — книжный шкаф. В нем землемерные планы имений, озер, лесов, деревень, бумаги по хозяйству, календари, месяцесловы, памятные книжки, Священное писание, несколько французских романов. Всё это сильно источено мышами и крысами.

А это — старенький альбом с оторванными бронзовыми петельками, перевязанный розовой ленточкой. Раскрыл. Стал листать. На первой странице нарисован венок из незабудок и якорь — символ надежды. Под ним старательно выведенная рукой отца надпись: «Ангелу души моей несравненной Надиньке от верного и нелюдимого супруга. Июля 1801 года». Дальше шли стишки, стихи и стишищи. Улыбнулся: «Верный и нелюдимый... Хм, хм!»

А все-таки как здорово получается — все Пушкины, вся фамилия — поэты! Отец, мать, брат, сестра, дядя один, дядя

другой и сам Александр Сергеев Пушкин! Поэтическая семейка. Поэтическая деревенька. Сплошной Парнас!

Надежда, Надежда, мой сладкий удел,
Куда ты, мой ангел, куда улетел?

И еще:

Сраженный бурей роковой,
На прахе дуб лежит, перунами разбитый,
С ним гибкий плющ, его обвитый,
О дружба, это образ твой!

Ах, тятенька, ах, Сергей Львович, душа поэтическая,
сколько ты бумаги намарал!

Опять полистал:

Жилище мирное, услада дней моих, —
И озеро, и лес, и сад, любимый мною,
Где слезы лил под сенью древ густых,
Где усаждали вы страдальца тишиною.

Где я, друзья, мечтал о вас!..
Простите все в последний раз!..

«Первые две строчки ничего, чем-то напоминают моего „Домового“...»

Захлопнув альбом, положил себе в карман...

Путешествие по дому закончилось. Он сделал окончательный выбор. Остановился на большой светлой комнате, выходящей окнами на юг, во двор, на гульбище, цветники. Здесь всегда было весело, солнечно. Вся усадьба видна как на ладони. Всё нужное рядом. Большой хороший камин. Чуланчик. Что еще нужно?

Велел вызвать старосту, дворовых, клякнул пяпку. Началось переселение вещей, изгнание иных из дому. Вещи упирались, как зажившиеся родственники. Не лезли в двери. Пришлось выкидывать через окно. Дворовые ужасались святотатству. Хозяин весело командовал и хохотал. Всё

мало-мальски стóбящее было свалено в родительской спальне, остальное отправлено в сарай.

Зальце приказано было ошпарить кипятком, обои подштопать, потолок побелить, после чего полагать аванзалом для приема знатных обоего пола персон первых пяти классов по табели о рангах, буде таковые попросят аудиенции.

Еще приказал: «В собственный нашего высокородия апартамент поставить: книжных шкапов — два, канапей один, туалет тож, кресел четыре. Кровать поставить в углу, завесив ее пологом, который приказано найти госпоже Родионовой незамедлительно. Дорожный баул — под диван, ящик с пистолетами и книгами не трогать, под страхом отправления в крепость! Всё!»

Оставшись один, раскрыл портфель, шкатулку, вынул памятную мелочь и стал размещать ее в кабинете. Стали на свои места портреты Жуковского, Байрона, «столбик с куклою чугунной», табачница, подсвечник, чернильница, «черная тетрадь», болван для шляпы.

Пододвинув кресло к окну, забрался на него с ногами, свернулся калачом, оперся локтями на подоконник и уставился во двор: «Господи, а здесь всё же ничего! Но, боже мой, боже, угодники и святители, неужели мне суждено жить здесь долго? А вдруг вечно, до конца жизни?.. Нет! Нет! Нет!» Встал, открыл ящик с пистолетами, подошел к окну, взвел курок, прицелился в небо и бабахнул.

С вершин деревьев слетела стая ворон.

ВЕСЕЛАЯ ТРАПЕЗА

В Михайловском доме было настолько тихо, что он казался необитаемым. Да он и был сегодня необитаем. Старуха нянька с другими дворовыми бабами ушла на богомолье в Опочку, хозяин заперся в своей каморке, приказав всем-всем не тревожить его под страхом гнева. Без задвижки — крепкой щеколды — и спущенных на окнах шторах он работать не мог. А работалось сегодня усердно. Но вот кто-то нарушил приказанье. Вошел в соседнюю комнату. Постоля. Взялся за дверную ручку. Вдохнул, как мрачный волк.

— Эй, кто там? — крикнул Пушкин.

Молчание...

— Ах, мать моя богородица, кто там?

— Вашего приходу добрый пастырь, — прорычал волк. — Это я, отец Ларион Воронецкий, по вашему приказанию явился, Александр Сергеевич.

Пушкин задул свечи, откинул занавески и открыл щеколду.

— А... батя! Гряди, гряди, отче... Здравствуй, святой отец! — Пушкин смиренно сложил руки, сделав вид, что хочет подойти под благословение как все обычно делают, когда встречаются со своим духовным пастырем. — Зачем пожаловал, отче?

Поп смешался:

— Да вот насчет сочинения я пришел, как вы приказывали. Историю воронического погоста принес. С древней церковной книги переписал собственноручно.. А вот это, —

он протянул Пушкину завязанную узелком белую салфетку, — моя благоверная гостинца вам прислала — свеженьких просвирочек, только что из печи, горяченьких. Просила откусывать.

Топая, как лошадь, поп вошел в комнату, положил на стул узелок и оглушительно крикнул. Оглядев комнату, книги, он развел руками и пророкотал:

— Вот он, храм наук и искусств!

Пушкин схватил узелок и стал его развязывать. Просвирки выскочили на стол, как ядреные бабки, и тут он затараторил, как сорока на сосне:

— Уважаю тело Христово. Эх, дух, дух-то какой! Отче Ларивоне, а ведь недурно бы к этому телу добавить и крови бога живого. А? Вы ведь вкушаете, я знаю...

— Как будет милость ваша, — ответил поп. — Аз есмь грешен и многогрешен. Как говорится в писании: «Сподоби, господи, в сей день слегка напиться нам!»

— Аминь! — добавил Пушкин. — Вы, отче, пока устраивайтесь тут, а я сбегаю распорядиться по хозяйству. — И Пушкин выскочил в сенцы.

Поп остался в кабинете один. Поднявшись с дивана, он стал разглядывать комнату. Остановился перед портретом английского поэта, пытаюсь прочитать нерусскую надпись «Байрон». «Хм, красив как девка. — И прочитал надпись вслух по-русски: — «Вучоп!» М-да. Вучоп какой-то...»

Крутом были книги, книги, книги. На стенах, на полу, на полках. Открытые. Закрытые. В углу поленица навалена. На столе бумаги, писания...

Увидев отдельно лежащую на маленьком столике толстую книжицу в кожаном переплете, с крестом на обложке, ухмыльнулся и подумал про себя: «Похоже на нашу премудрость. Библия, сразу видно». Колупнув пальцем застёжки, он раскрыл книгу. «Что Библия — это верно, а только бес знает по-каковски писана, не по-церковному». Из Библии посыпались листки бумаги. Опять писания. Взял

листок, поднес к глазам: невозможно понять, что писано, каракули какие-то да рисунки разные. Люди. Головы... Господи, да ведь это бабьи ноги! А это что, неужто сам Александр Сергеевич? Только почему с рогами?.. Тьфу, пасть — мыши с хвостами! Да кой леший мыши — черти это! Хм! Неужели хиромантией какой занимается, колдовством?

Отец Ларион крепко задумался, громко крикнул и только хотел закрыть «священную книгу», как дверь вдруг распахнулась и в комнату влетел Пушкин. Поп не успел положить книгу на место. Застигнутый врасплох, он покраснел как вареный рак.

— Всё любопытствуешь, отец Ларион? — усмехнулся Пушкин и, взяв со стола щипцы-съемцы, поднес их к носу попа. — А ты знаешь, что с любопытным случилось на балагане? А?

— Простите, сударь, я это не из любопытства, а от нескромности изображенцев, — пролепетал отец Ларион, — к чему они? Ну, писание — оно писание и есть, ведь понятная — то есть мысли, сочинения разные, художества. А вот рисованы-то вы зачем, и в эдаком, извините, тревожном естестве? Извините меня, вы, значит, что ж, в нечистую силу верите?

— А то как же? — ответил Пушкин. — Есть бог, значит, есть и черти. Об этом ведь и в писании ясно сказано. А ты-то сам, отче Ларивоне, как, в какую силу больше веришь, в чистую или нечистую? Да ты не тряпись и не крестись. Это и самому богу не очень-то ведомо. А знаешь, что такое нечистая сила? Сила эта — искушенье. Искушенье духовное и телесное, искушенье сердца и ума. Искушенье, которое заставляет человека думать, задачи решать, песни сочинять, книжки писать. Ведь вот ты пришел ко мне с крестом и молитвой, со святым делом. А какая сила стоит в сердце твоём — чистая или нечистая! По-моему, нечистая! — рявкнул Пушкин, ткнув пальцем в свои бумаги с нарисованными чертями. Черти забегали по бумаге.

Поп схватился за нателный крест. Ноги его обмякли, и он чуть не повалился на стул.

— Ну, хватит! — крикнул Пушкин. — До чертиков дело еще дойдет, а пока что давай сюда...

В комнату внесли поднос с вином и закусками. Пушкин пододвинул столик к окну, поставил стулья себе и гостю и пригласил к трапезе.

— Благослови, владыко, питье и брашно сие, — протянул он нараспев. — Начнем пожалуй!

...Шла четвертая бутылка доморощенной. За кого и за что только не пили. Пили за отцов-матерей, бабок-пупорезниц, за всех поящих, кормящих, милосердие творящих. Потом стали пить за добрых людей во здравии и в болезнях и в нетях обретающихся. Потом, захмелев, стали возглашать многолетье полоненным, заключенным, затюремным, царской службой угнетенным.

Особую чару отец Ларион поднял за здоровье покровителей храма своего — знатный род Ганнибалов и Пушкиных, за здоровье своего возлюбленного кума Вениамина Петровича Ганнибала, по-дьяконски прокричав ему эдакое многолетие, что у Пушкина даже мурашки по коже пошли.

— Ну и труба иерихонская! — воскликнул он.

Когда уже были на последнем взводе, начались особо важные разговоры. Пушкин говорил о смысле жизни. Отец Ларион жаловался на свои убытки, на господ помещиков, которые неисправны в помощи священнослужителям, и что это потому, что все они аспиды и василиски.

Незаметно разговор перешел на божественное. Тут Пушкин словно вскочил на боевого коня, дав ему шпоры под бока. Началась катавасия. Отец Ларион кричал, что это богохульство и канальство, что за такие безбожные речи ему, Пушкину, Сибирь полагается и вырывание ноздрей. Пушкин же летел все выше и выше, и, словно из поднебесья, на голову отца Лариона полетели срамные стихи про царя Никиту и его милых сорок дочерей...

— Нечестивец, анафема! — кричал пьяный поп. — Упеку! Всё благочинному пропишу. Быть тебе уже в Соловках! Быть! Отдай мою историю! Где салфет? Ухожу. Ноги моей в этом вертепе не будет!

— Накося выкуси! — в свою очередь крикнул Пушкин и пустил под потолок бумажки отца Лариона.

...Возвращался поп домой, совсем уже поздно было. Шел берегом Маленца, выдельвая ногами кренделя. Вдруг навстречу ему — нечистая сила под видом барского служителя, едущего на чудесной тройке. Остановил человек лошадей и кричит отцу Лариону: «Садись, батюшка, приятным мигом до дому вас доведу!» Обрадовался поп, сел в карету и кричит: «Ну, давай, трогай с богом!» Только сказал — «с богом», а вдруг видит: нет ни лошадей, ни кареты, а сам он по самую бороду в Маленце. Тонет. Сразу отрезвел. Молился. Матерился. Еле выбрался на берег.

Вернулся домой туча тучей. Поповна к нему:

— Тятенька, ну как михайловский барин?

А отец Ларион шапкой об землю ударил да как заорет:

— Мартын Задека твой михайловский барин. Алхимец он и безбожник, вот что! Разругался я с ним — вот до чего! Ушел, прости господи, не попрощавшись. Спасибо, ноги сами унесли...

И батюшка, как был в мокрых сапогах и подряснике, повалился на постель...

На другое утро под окошком поповского дома остановился всадник. Он постучал в окошко плеткой и крикнул:

— Люди добрые, скажите, отец Ларион дома? Лежит, говорите, недужит? Дайте ему стакашек зубровочки. Полегчает. По себе знаю... Да передайте, что Александр Сергеев Пушкин мириться приезжал. Будет через час-два, к чаю. Да чтобы просвирочек свеженьких приготовили, таких же, как вчера. Он до них большой охотник!

И Пушкин ускакал в поле.

ИЗ ДНЕВНИКА ИГУМЕНА СВЯТОГОРСКОЙ ОБИТЕЛИ

Игумен Святогорской обители отец Иона давно был не в ладу со своею братией, крепко не в ладу. Обитель значилась в особых списках как исправительная — для прощтрафившихся священнослужителей. Здесь все монахи были ссыльными — кто за развращенность ума и сердца, кто за прелюбодейство, кто за воровство или какие-нибудь другие большие прегрешения. Все были обидчивы, сварливы, злы, как осы осенью. Ну где ему с ними справиться? Тут нужен кнут и цепи, а не доброе слово пастыря. Правда, цепи в монастыре были давно заведены, еще при игумене Созопте, после того как монах отец Варсанафий ограбил все монастырские кружки для подаяний и поджег питейный дом в слободке... А тут еще особое дело свалилось на игумена, дело государственной важности, — неусыпное наблюдение за прихожанами селца Михайловского, и господами и их крестьянами, и особенно за сыном помещика Пушкина, Александром Сергеевым, который сослан за вольнолюбие и «афеизм» в родительское имение, без права куда-нибудь отлучаться, даже в Псков...

Господи, спаси и помилуй! Ну откуда ему, немощному, исправлять это дело, когда сам-то он попал в обитель не по хотению сердца, а по распоряжению начальства, в наказание за нерадивость и разные оплошности! Ведь и над ним, Ионой, есть поди наблюдение, чье-то недремающее око, высматривающее его грешную жизнь. Только кто сие?

Так думал, сидя в своей горнице, святогорский пастырь. Разные темные дела монахов и ложные доносы их совсем одолели игумена. И он ожесточился и сам стал сочинять на смутьянов доносительства. Но на его доносы духовная консистория смотрела криво, потому что был он у нее в недоверии за некогда совершенные им по молодости лет различные провинности и блудни. И тогда игумен решил писать книгу про свое монастырское житье и о прегрешениях братии. Он считал, что ежели случится какая ревизия, то такая книга поможет ему вспомнить, что нужно и кто в чем виновен.

Как-то, будучи в Пскове, он купил синей сахарной бумаги, сшил листы, сделал переплет с застежками и замочком, нарисовал на переплете сердце и вписал в него греческое слово «Диариуш», что значит по-русски — дневник.

И стал отец Иона, как древний летописец, записывать про свою жизнь, про жизнь своей братии и все ее прегрешения.

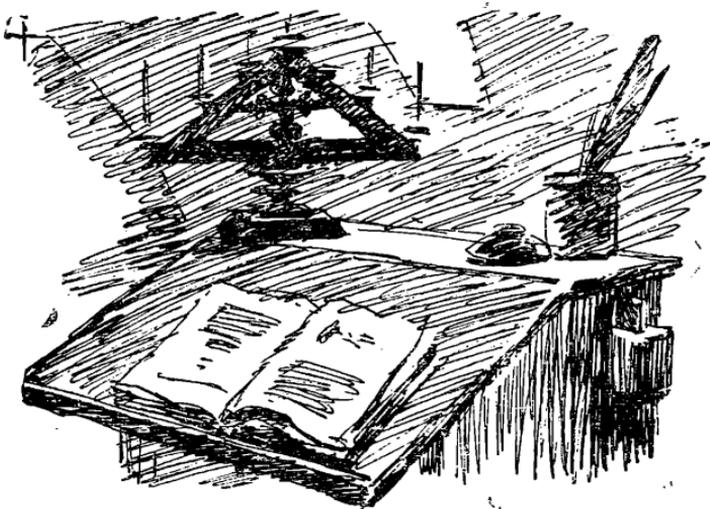
Украшив первый лист красивою заглавною буквою, он надписал:

«Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Писал сию книгу Святогорского Успенского третьего класса монастыря игумен Иона».

Далее следовали записи.

«4 мая 1824 года.

Разные грязные материи и ложные бумаги одолевают дни мои. Открываюсь и признаюсь книге сей чистосердечно: всё, что в ней мною записано, — Истина. Говорят, что я своекорыстен, люблю подношения, целые дни провожу в соблазнительных встречах с господами помещиками, что я жаден до вина. А кто говорит? Да всё они, здешние недруги мои... Каюсь. Грешен я, вкушаю и принимаю, но ума своего не теряю и сундуки мои не бренчат златом.

20 мая 1824 года.

Решил я в книгу сию сделать выписки из монастырских журналов про то и про сё, про все худые поступки окружающих.

Меня из сего и слепой узрит — кто из нас праведник, а кто грешник. У меня еще загудят все монастырские колокола, и в Пскове узнают истину, когда я свое писание приведу в порядок.

Раз пришел отец Василий в церковь к вечернему пению совсем пьяный, в продолжение коего силы его так ослабели, что он едва мог кончить служение. Не вечерня получилась, а комедийный феатр. После сего сел он на скамейку, неподалеку от святого престола, потом встал, затрясся, аки бес пред заутреней, и испустил ... !!! Все видели, и никто не возмущился, потому что не такое еще видели прихожане.

15 июня 1824 года.

Вчера в святой обители и по всей Ворончанщине праздновался день святых отец наших, апостолов Петра и Павла. Обедню в Успенском соборе служил сам преосвященный епископ Псковский Евгений. Служба была веделепная, одних священнослужителей собралось, полагаю, осьмнадцать — из Велья, Опочки, Новоржева, Острова и Воронича. На правом клиросе пел хор братии Святогорского монастыря, а на верхнем клиросе, где я прошлый месяц ставил на балконе новые балясы, пел хор Псковского Мирожского монастыря. Когда оба хора слились воедино и запели «Достойно» — душа моя раю приблизилась. После службы я и вся моя братия — а именно: о. Василий, о. Иоанн, о. Александр, о. Моисей, о. Агафон, о. Вениамин и все прочие, общим числом 15 персон, — были приглашены епископом к генерал-майору Петру Абрамовичу Аннибалу в его сельцо Петровское для молебствия и освящения имения, рабов и плодов земных. Для сего его превосходительством были присланы линейки пароконные и городской экипаж, именуемый «Эгоистка», специально для подвезения высокого духовного гостя, то есть отца Евгения.

При входе на усадьбу владельцем была устроена нашему духовному воинству истинно генеральская встреча, а именно: на подъезде стояло полукружием коленопреклоненно хамово отродье, включая всех дворовых людей мужеска и женска полу во главе со старостою. На отлете, ближе к господскому дому, играл оркестр «Марш, марш, марш, воевода наш!». Звуки лились из многих труб, литавров и других орудий, а иные играли на скрипичах и гуслях, и всем сим заправлял генеральский сын Вениамин Аннибал, отменно махая палкою.

На балконе со всеми регалиями стоял его великолепное естество сам генерал Аннибал, опираясь на трость и отставив одну ногу в сторону. Сделав тростию знак оркестру, он пошел навстречу епископу и, подошед, воскликнул:

«Благословен грядый!» — и склонил голову под благословение. И вновь дал тростью знак музыке, и та грянула пуще врежнего.

Тут произошла конфузия, то есть заминка. Благословив хозяина и осенив крестным знаменем всех людей и строевния, преосвященный воздел руку к генералу для целования, но Аннибал встряхнул всею левою стороною тела, дернулся в сторону — будто это ему некасаемо и не входит в этикет. После заминки сей он разинул зев и громко, как из орудия, выпалил: «Расходиться!»

Стоявший за спиной Аннибаловой его клевет — известный в округе староста Михайло Калашников, у коего сам генерал всех детей крестил и был ему кумом, — изогнувшись фертом, отбежал к крыльцу и обеими руками распахнул нам парадные двери, и мы все, чин за чином, как лебедушки за лебедем, взошли внутрь господского дома. Через прихожую проследовали мы в главную залу без всякого промедления, где уже был накрыт большой аглицкий стол с такими пятами и яствами, каких обыкновенная утроба человеческая восхотеть даже не смеет. В красном углу перед Святыми возжеки были все лампы, особая большая горела пред образом святых апостолов Петра и Павла. Тут не премину приписать историческое известие. Икона сия была подарена в 1719 году родителю сего Аннибала самим Императорским Величеством Петром Великим Всероссийским, о чем на ризе золотом крупно и написано.

Зная мой писательский талант и постоянное записывание всего примечательного, преосвященный, толкнув меня тихонько большим перстом в пузо, кивнул на стол и заметил: «Чтобы воспеть такой стол, нужен талант Гаврилы Романовича Державина!»

На сие замечание сделал я владыке известный всем духовным семинарский знак, коему отец Евгений усмехнулся и, наклонясь к уху моему, добавил тихо: «Как сядем за стол, так писательское свое искусство забудь...» Что я впо-

следствии и исполнил, хотя и жалею теперь, ибо после обильной трапезы и возлияния здесь, в Петровском, случились с нами такие чудеса, припадки, анекдоты и неблагопристойности, какие не всякому смертному и во сне присятся. Одним словом была великая анцибальщина!!!

Однако, хотя и дал я слово преосвященному положить на перо мое замок, я не могу не записать того, что случилось со мною и со всею братнею после отъезда в Псков преосвященного, который отъехал из Петровского в десятом часу пополудни в экипаже Аннибаловом, с его фолетором.

Под конец пира всякое соображение нас оставило. Генерал нас покинул, и мы догуливали в одиночестве. Наконец я дал отбой. Приказано было к отъезду для обратного в монастырь прибытия к вечерней молитве. И тут случилось бедствие, которое в конце привело к полному беспорядку обители.

В дороге наш поезд встретил около деревни Бутрово крестьянин Алексей Михайлов и, несмотря на расстроенный вид наш, стал умолять направить к его дому чудотворные иконы и братию для молебствия и прошения ко господу о избавлении от болезни жены его, которую кусил змей. По человеколюбию моему сие было сделано, и мы разгрузились и молебствие свершили, но тут опять случился обильный стол, питие и яства, хотя и старое в нас еще не перебродило.

Сильно захмелев, диакон Иван Федоров стал делать неприличные соблазны, подсев к хозяйской дочери, стал песни свадебные петь и говорить скоромные речи. Я, видя сие, крикнул команду погрузить его на телегу и всем ехать к себе домой. Диакон кричал и вырывался, и мы еле довели его до Святогорья, чуть и иных монахов не растеряв по дороге. Возвратясь в обитель, скоро пошел он, Иван, на скотный двор и стал таскать за власы послушника младого, а потом полез к пастуховой жене на квартиру. Та закрылась на

деколду. Дьякон, взяв тынину, ударил ею в окончину, в коей все звенья выбил, ругаясь матерно-скверно разными словесы. Потом выбил тыниной двери. Пастухова жена хотела бежать с малым ребенком, но дьякон стал бить ее по щекам и дубиною, которая сломалась, тогда, схватя ее за волосы и косы обвинив около рук своих, таскал и бил, сколько ему было угодно, отчего у нее видны были боевые знаки и рубаха рваная. И бысть вопль и стенания на дворе до шестого часа пополудни, пока сей несчастный не был пойман, скручен вервием и посажен мною на цепь железную.

Вскоре зазвонили к ранней обедне и началась служба. День сей эпитимной. Вызывал всю братию по очереди и всем греховодникам отдавал должное.

25 июля 1824 года.

Дни стоят жаркие, и вся тварь жаждет. Для питья прихожанам и всем прочим поставлены по моему приказанию две дубовые бочки. Около Святых ворот. Не поспевают воду подавать. Другие ворота мною заперты по причине множества людей и безобразий. Сие пришлось не по сердцу иным власть имущим, говорят, от ворот до ворот путь далек, и они стали совершать недозволенные действия. Так, 17 июня новоржевский помещик Петр Петров Жеребцов, подъехав к воротам и видя их взаперти, ударил послушника костылем, сбил замок и не вошел, а даже въехал на Святой двор, целя на людей и крича и стуча, как враг. А и въехал он не для богомоления, а для испытания от жаркости природы монастырского квасу и для удовлетворения своей к купечеству некоторой надобности, коя расположена на Торговом дворе. Возвращаясь, приказал господин Жеребцов ехать другими воротами, крикнув своим гайдукам выломать и в них замок, что поставлен был еще в 1795 году иждивением опочечного купца Лапина, а прибой взять и в овраг забросить. Отъехав, господин Жеребцов громко кричал и поносил братию обид-

ными словами, как то «долгогривые» и проч. И смеялся, когда из ворот пошли за ним вслед лотошники и мелкие купчишки, не уплатя постоя на Торговом дворе, чем обителю был нанесен ущерб. Несмотря на всю зависимость, написал я архимандриту доношение для воздействия на сего разбойника Жеребцова, дабы иным не повадно было делать такие нападения на обитель.

12 сентября 1825 года.

Камо пойду от скверного духа братии и от лица их камо бегу?! Ей господи, мазурики сущие, особенно отец Иоанн Федоров. Он тать и разбойник первостатейный. Это его рук дело, что открыл ревизор. Сердцем чую! В Успенском соборе в образе Успения выдраи жемчуг, в венце нет камня голубого. В иконе Тихвинской богоматери не оказалось мелких жемчужин. На Евангелии серебряной застежки и звезды не оказалось. Серебряное кадило тоже пропало. Записано: «Всё сие произошло по слабости игумена!» Вечером молился. Отбил пред образом владычицы триста земных поклонов, а сам всё думал — это дело рук отца Иоанна. Почему написал в консисторию доношение о дурной нравственности отца Иоанна и о необходимости закрытия питейного дома в слободке. Оттуда и идет вся зараза и грехи моей братии.

14 сентября 1825 года.

Всю ночь писал Сочинение для братии «Како вообще всякому монаху сохраняться потребно», или иначе — «Суд святости».

Сочинять-то сочинял, а все равно перед очами вежество не вставало. Учить моих молодцов — для сего застенков гишпанский нужен, а не райская куща. Сколько воду ни толки, елею не получишь. А писать нужно, — консистория требует, хоть умри.

Вот и сочинил.

Главнейшие правила хранения естества и чувств монастырской братии

1-е. Ум — от лукавых помыслов.

2-е. Сердце — от злых похотей и вознесения.

3-е. Взор — от женских прелестей.

4-е. Слух — от суетных и стихотворных бесед, а наипаче злословных на подчиняющихся, сиречь начальствующих.

5-е. Язык — от осуждения и ропота на все сущия движения и действия.

6-е. Всего себя и сущее в теле от сластолюбия и пьянственного излишества!

Хранить-то хранить, а вот как быть пастырю, ежели уже нетути того, что хранению надлежит, егда все развезано и нечистою силою захвачено и в адской консистории Вельзевулом в свою книгу записано? Как тут быть?

Ох, ох, ододела темная сила обитель мою!

16 сентября 1825 года.

В воскресенье приходил ко мне сиделец Иван и жаловался на монаха Агафона, что он 15-го дня, в субботу, был в кабаке и просил вина в долг у жены сидельцевой, а как она в долг ему не давала, то он, вскоча в застою, бил ее, изодрав рубаху и руку обкусав. В которые дни монах Агафон самовольно отлучился в слободку и дрался близ кабака с мужиками, и не был в монастыре сутки двои, сказывался больным и привезен был в телеге. Назавтра не был к заутрене, в обедню пришел пьяный, и я приказал Кирилы вывести его, за что и был посажен после обедни при всей братии на цепь большую. Сидя на цепи, рычал, аки лютый зверь. Эх Агафон, Агафон, страшило ты монастырское! Теперь твоим именем детей пугают, а монастырю от тебя поношение.

2 октября 1825 года.

Горести и недомогание. Вчера во время утренней службы обошел все кельи и нашел в сундуке отца Иоанна донос на меня. Пишет от имени всей братии, будто я подозрительный человек и, кроме разорения обители, ничем не отличился. Донос сей поднес я к лампаде и предал огню, развеяв и затоптав пепел в великом гневе.

Сидя пред окном в своей светёлке, предавался унылым мечтам, держа в руках книгу сию и перо. Вдруг увидел бегущего, как тать, послушника Ивана Дементьева, у коего живот вздулся, словно в обременении. Взяло меня сомнение. Кликнул в окно, заставил послушника показать, что у него под рубашкой, и нашел братские сетки, кои нес он к шинкарке в промен на винище. Экое паскудство! Куда идем? Сетки забрал, а лиходею дал по загровку костылем и приказал в вечерню отбить в соборе пятьсот земных поклонов пред иконой «Умиления».

26 июля 1826 года.

Преосвященный затребовал срочно к себе в Псков нарочного и вручил ему пакет со своею печатью для немедленного доставления мне. Спал плохо, видел страшные сны, а про что не помню. Наконец нарочный прибыл, и я вскрыл пакет, на коем было напечатано: «Совершенно секретно, в собственные руки игумену». Приказано с получением сного, по воле высочайшего указа, без всякого промедления высочайше опробованное благодарственное молебное пение господу богу, даровавшему победу на ниспровержение в 14-й день декабря 1825 года крамолы, угрожавшей бедствиями всему российскому государству, елико торжественно учинить с полным колокольным звоном и с крестным хождением вокруг всея обители.

На другой день дадено всем знать о молебствии, что и учреждено в воскресенье со всею торжественностью.

На молебствии присутствовали все господа помещики окрестных сел и иные прихожане. Из Петровского, Батова, Лысой Горы, Тригорского, Воронича, Вече, Воскресенского, Васильевского, Михайловского, Савкина и иных прочих. О чем и ответствовано срочно в духовную консисторию с присовокуплением извещения о том, что никаких возмутительных речей или восклицаний среди молящихся замечено мною не было.

15 июля 1826 года.

Сегодня явился ко мне некто, предъявил секретную бумагу, дал мне ее прочесть, а потом взял обратно. Спрашивал — не возмущает ли кто из окрестных помещиков крестьян к неповелеванию и к вольности. Я стал жаловаться на свою братию, и он сказал, что это не по его ведомству. Еще спрашивал о молодом Пушкине, его поведении, что я слышал и видел, бывает ли он в храме, когда последний раз говел и причащался святых тайн, был ли на молебне по поводу победы над супостатами 14 декабря. На что я ответил, что бывает на всех праздниках и так в гости заходит, а нянька его — та бегаёт в монастырь чуть не каждый день, всё с молебнами и панихидами по его заказу, что дружит Пушкин с семьею госпожи Осиповой в Тригорском, днюет и ночует у нее. Ничего плохого о нем не слыхивал. На благодарственном молебне присутствовал. Сам я с братией бываю у него на праздниках, на Рождество, Пасху, в Михайлов день. Живет одиноко, как красная девка, и ни в чем подозрительном не замечен. Сей некто, кажется, остался мною чем-то недоволен, даже от трапезы отказался. Внес в монастырь вклад 5 рублей, спросил, нет ли покороче дороги на Порхов, и уехал.

1 сентября 1826 года.

Воистину гром может грянуть и с ясного неба. Поздно вечером, яко тать в нощи, явился в обитель отец архимандрит Венедикт. Был он скучен, рассеян и придиричив. Подошел

к диакону отцу Агафону, спросил его, читала ли братия сего дня поучения, на что диакон объявил, что он, Агафон, слаб глазами и при себе очков не имеет, почему и не читал. Архимандрит потребовал книгу, дал диакону свои очки — читай-де, что тот с превеликим заиканьем и свершил, а мне за нерадивость братии было записано в объездном журнале замечание.

26 декабря 1826 года.

Кому Рождество Христово, а мне — Успенье! Ей господи, свершилось то, чего я так боялся. Пришло определение, утвержденное Его превосходительством. Записано об увольнении меня за непорядочное управление монастырем. Переводят в Торопецкий Троицкий монастырь. А я ли не старался держать порядок в обители? Но всё напрасно. Василиск останется василиском, аспид — аспидом, прах — прахом!

Святогорские монахи — сущие беглые солдаты, а не святые отцы, им нужен не отец Иона, а хороший унтер-лейтенант с большою дубиною!

29 декабря 1826 года.

Весь день составлял реестр собственному имению своему, прижитому в обители и оставляющему здесь на время, в связи с выбытием моим навсегда.

1. Образ пророка Ионы на липовой доске.
2. Крест кипарисовый в серебряной оправе.
3. Молитвослов киевской печати.
4. Новый завет.
5. Акафисты киевской печати.
6. Библия сильно потертая в телячьей коже московской печати 1760 года.
7. Пять оловянных ложек.
8. История римская 1798 года.
9. Часы серебряные с ключом и цепью. Подарок.
10. Сокращенный катехизис.

11. Книга, именуемая «Начатки христианского учения».
12. Книга чистописанья. Книга о Святогорской обители сочинения отца Евгения с дарственной надписью, 1821 года.
13. Тюфяк кожаный.
14. Чемодан кожаный.
15. Сундуков четыре разных.
16. Минел месячная.
17. Книга о княжестве Псковском. Подарок.
18. Мантия камлотовое.
19. Клетчатого тигу 10 аршин. Подарок.
20. Холста тонкого 33 аршина. Подарок.
21. Холста редеевого. Подарок — 18 аршин.
22. Верховного холста 3 аршина. Подарок.
23. Тонкого холста в 7 трубках числом 105 аршин. Подарок тоже.
24. Набойков льняных 102 аршина.
25. Шкур волчьих 5.
26. Шкур лисьих 16.
27. Сукна домотканого, без промера.
28. Ниток в кругах, кругов 5.
29. Посуда разная.
30. Погребец ореховый.
31. Чайница дорожная с чайником.
32. Шкатулка вишневая с секретным замком.

Чует сердце мое, что по слабости здоровья скоро мне быть больничным игуменом. Аминь!»

На последней странице запись чья-то, приписка:

*«Сия книга записана в архив под № 783.
Подканцелярист Михайло Тюшкин.*

*г. Псков, 12 Января
1829 года».*

ПОКЛОННИК ПУШКИНА

Так уж повелось со время оно — старое хочет, чтобы молодое жило по-старому, а молодое не хочет старого и ищет нового... Как ни старался опочедкий купец Игнатий Григорьевич Лапин образумить свое единственное чадо Ивана, как ни учил его жить жизнью отцов и дедов, — ничего не получалось. В конце концов он махнул на сына рукой в надежде, что придет время и все образуется само собой. Старик дорожил своим родом и своим делом. Имя Лапиных было записано в древней книге Крестовоздвиженской церкви Опочки еще в 1686 году. Купеческий дом, построенный далеко за сто лет тому назад, был сущей крепостью. Маленькие щелевидные окна вразбежку, ворота дубовые, с железными заклепками, цепями, хитроумными замками, на окнах — глухие ставни и кованые решетки... Дом строился еще тогда, когда польский рубеж был недалек от Опочки и враг часто погуливал по окрестностям.

Имел Игнатий известную всему уезду большую лавку, в которой было всё, что нужно людям: кумач и шелк, шерсть и меха, полотно и китайка. Здесь можно было купить соль, сахар, ножи, кушаки, платки, свечи, хомуты, картины печатные, книги, пряники, бумагу, рюмки, помаду, чубуки, вина заморские, подковы лошадиные и даже апельсины. Продавались здесь и разные марамляшки, ленты-банты, плоски и ложки. Сам хозяин выделывал и продавал конфеты собственного изобретения. Они напоминали свадебные свечи, покрытые серебряной канителью. На каждой

конфетине — «билет», на котором были написаны добрые пожелания, сочиненные самим Игнатием Григорьевичем: «Полсердца в радости, полсердца в утешеньи, и оба принесут вам равное мученье», «Утолить вас нету мочи, коль пленили черны очи»...

Такие лавки, как лапинская в Опочке, были в то время во всех уездах и заштатных городах. Это были своего рода маленькие универмаги, вполне удовлетворявшие потребности сельского жителя — как помещика средней руки, так и крестьянина.

За товаром для лавки ездили на лошадях в Псков, Москву, Петербург, Ригу, Ревель. В Пскове у Лапиных находился большой складской магазин, куда свозили привезенную издалека всякую всячину. О поступлении свежего товара и новинок окрестное население оповещалось особыми «билетами», рассылаемыми «гг. помещикам и их приказчикам».

За нужными в доме припасами ездили в Опочку и Пушкины. Кроме лавки Лапин содержал питейный дом, ренсковый погреб с заморскими винами и трактир с двумя большими горницами — одной для «лиц подлого состояния» — то есть мужиков и солдат, и другой для «гг. помещиков и офицеров». Для последних были и отдельные номера.

Пока старик был крепок, вся торговля была в его руках и в руках жены его, Матрены Гавриловны. Сын рос в барстве. Его лелеяли и баловали. Мальчишка, родившийся весной 1799 года, был от природы живым, любознательным и довольно миловидным. Одевали его по самой последней моде, по-модному стригли ему волосы у полкового цирюльника, долго служившего в Петербурге в государевой гвардии. Для обучения сына разным наукам отец нанял трех учителей — старого, бывшего уже не у дел чиновника Варькина, дьякона соборной церкви отца Гервасия и французженку, мамзель Веронику. Чиновник и дьякон учили молодца истории российской и древней, географии, латыни, числительству и красноречию, а французженка научила мо-

лодого Жана щебетать по-французски и читать веселые французские книжки, а также приятным манерам и модным танцам «экосезкадриль, алагрек и вальсё».

Эта француженка случайно залетела из Франции в Опочку в 1816 году с каким-то лихим уланом, который, поиграв с нею в любовь, оставил ее в псковской глухомани, а сам перебрался не то в Тамбов, не то в Тулу. Когда мамзель скончалась от неустроенной жизни, бед и обид, старик Лапин похоронил ее на окраине городского кладбища, поставив над ее могилой камень с надписью:

«Здесь покоится несчастная Вераника Лаланть, потерявшая Родину и скончавшаяся от печали по Ней».

Молодой Лапин неплохо усвоил все преподанные ему науки. Умел к месту употребить изречения древних — Горация и Овидия, много читал, завел собственную библиотеку, в которой было всё, что можно было в то время встретить в обычной помещицкой библиотеке. Тут и Вольтер, и Ломоносов, и Державин, и Дмитриев, и древняя римская история, сочинения мадам Жанлис, и знаменитая «Кларисса» — роман «отменно длинный, длинный...». Он зачитал

до дыр «Письмовник» Курганова и «Сельскую энциклопедию». Научился переплетать свои книги, и первое, что переплел, был комплект журнала «Вестник Европы».

Начитавшись французских и английских романов, он стал жить в каком-то своем, вымышленном мире, среди рыцарей, прекрасных дам, замков и их таинственных обитателей. Освобождал от тиранов разных прелестниц. Совершал воображаемые путешествия в неведомые страны. Завел себе шпагу, шляпу с перьями, пистолет. Одевался то рыцарем, то разбойником, то кавказцем. Мнил себя смелым дуэлянтом. Был немного художником. Рисовал «натуру» и «прелести природы». С пятнадцати лет стал вести дневник, в котором писал не только по-русски, но и по-латыни и даже «массонскую азбукою», которой научил его проживавший порядочное время в лапинском трактире какой-то гвардейский корнет.

Ему всюду мерещились нимфы, зефиры, бахусы, борей и морфеи. Любил музыку. Научился играть на флейте и ходил с оною на вечеринки, городское гульбище, изображая собою Орфея, потерявшего Эвридику.

На одной из дуэлей, возникшей на почве оскорбления уездным писарем любезной Лапину «нимфы», нашему Жану был поврежден левый глаз, и он навсегда окривел. Будучи веселого нрава, он скоро свыкся с этим недостатком и даже боспел свою дуэль в стихах.

Стихи вообще были его страстью. В его альбомах были переписаны стихи Державина, Панаева, Гнедича, Жуковского, Воейкова, Батюшкова. Здесь были стихи и доморощенных сельских пинтов, и даже стихи игумена Святогорского монастыря, которые ему напел один загулявший на ярмарке в Святых Горах монах:

Певец прекрасный, милый,
Приятный соловей!
Утешь мой дух унылый
Ты песенкой своей.

Ведь ты, мой друг, на воле,
Не в клеточке сидишь,
Почто ж так медлишь доле
И к милой не летишь?..

Были в альбомах и стихи собственного сочинения. Он по-своему отдал дань «дедушке классицизму». Писал их по-русски и по-немецки. Потом многие из них зачеркнул, оставив только первые строчки: «Храни меня ты в памяти своей...», «Люблю тебя, но тщетно...», «Не презирай мной ты клятвы...», «Heer Bruder, ich will dir etwas sagen...»*.

В те времена в Опочке в общественном сарае близ магистрата был открыт театр, в котором ставились комедии «Отец по случаю» и «Новый век» господина Коцебу. Изредка здесь ставилась «тальянская опера», и во оном представлении были «Действия королевы Дидоны, князя Енея — любовника Дидонья и Жоржа Дидор — короля арапского». Здесь же можно было увидеть выступления некоего солдата, «который представлял чудесную маску игумена во всем виде и пел разные шуточные ирмосы, и представленье двух кукол, которые, выскочив из подобия гроба, плясали весело...». Бывали здесь и фокусники, «один из них ел серу горящую, а также сургуч, брал в руки раскаленное железо и мыл ноги растопленным оловом». Наш Жан не пропускал ни одного представления и после каждого спектакля долго сидел по ночам перед своим дневником. Только ему он доверял все свои тайны, радости и печали.

Он рано постиг «науку страсти нежной», стремился беспрерывно ухаживать за опочечками «нимфочками» и «верками».

Влюбленность он считал естественным состоянием человека, стремясь пребывать в нем постоянно, меняя лишь предметы своего обожания.

---

* «Милый брат, я хочу с тобой поговорить...» (нем.)

Тятка и мамка не понимали его, но прощали шалости, надеясь, что со временем дурь пройдет и сын возьмется за ум...

* * *

В один из последних сентябрьских дней 1824 года у дома Лапиных остановились две большие запыленные кареты. Из карет слышался девичий смех. Подобрав лошадей к коновязи, ездовые открыли дверцы, и из карет выскочил целый выводок молодых дев под командованием Пушкина.

— Эй, малой! — крикнул Пушкин Жану, кормившему голубей у крыльца. — Эй! Места в «Надежде» есть? — продолжал кричать Пушкин, указывая тростью на большую вывеску, висящую над крыльцом: «Трактир Приятная Надежда». — Кому я говорю! Есть места для путешествующих и страждущих или нет?!

Лапин молчал, словно воды в рот набрал.

— Да ты что, глухой, что ли?

Разглядывая молодого Лапина, Пушкин увидел на нем приличное городское платье и заметил пристальный взгляд его...

— Эта милашка язык проглотила, увидав такой букет красивых дам, — сказал Пушкин по-французски, обращаясь к своим спутникам.

— Ха-ха-ха, милашка... да он просто тучело, — рассмеялась самая молоденькая.

— Вы сами дерзкая девчонка, не умеющая себя вести, — вдруг крикнул ей тоже по-французски Лапин.

Дева покраснелась и отвернулась...

— О, о... вот так фунт! Вот это здорово!.. — воскликнул Пушкин уже по-русски. — С кем имеем честь говорить, милостивый государь!

— Я Лапин. Жан Лапин... Это наш дом. Мы будем рады видеть в нем вас, господин Пушкин, и ваших дам. — Жан сделал поклон дамам.

— Хм! А откуда вы меня знаете? — продолжал заинтересованный Пушкин.

— Да я вас однажды уже видел. Это было месяца полтора-два тому назад, когда вы, едуци к себе в Михайловское откуда-то издалека, остановились в нашей «Надежде», в ожидании, когда ваши родные пришлют сюда лошадей для дальнейшего следования в Святые Горы. Вы тогда расписались в книге приезжих. Обедали у нас. Смотрели мою библиотеку, даже подарили свою книжку «Бахчисарайский фонтан», который я выучил наизусть... Вы меня забыли, а я помню и не забуду никогда...

— О, о, тогда здравствуй, мой старый знакомец! — И Пушкин крепко пожал его руку и спросил: — Дорогой, нам нужна комната. Места в отеле есть?

— Для вас всегда и всё в этом доме есть и будет!

Устроившись, Пушкин и приехавшие с ним его соседки по имению — Осиповы из Тригорского — долго гуляли по Опочке. Были на городском валу. Лапин сбегал в лавку за фейерверками-бураками, жгли их, и они лопались, как пистолетные выстрелы. Потом пели хором «Ленок» и «Золото». Водили хоровод. Катались на качелях. На базаре купили корзину яблок и кидались ими, как мячиками. Возвратясь в дом, зашли в лавку, где Пушкин купил всем подарки: книгу «Товарищ разумный и замысловатый» — Лапину, золоченые сережки — Аннет, портрет Витгенштейна с саблей наголо — Нетти, коробку из слоновой кости с чернильницей — Евпраксии и назидательную картинку «Странствующий пилигрим с посохом „Надежды“» подарил себе самому. И всем, всем, всем — по кульку кедровых орехов, изюму, миндалю и по конфетине-свечечке.

На прощанье Жан вынес шампанского. Пушкин крикнул:

— За славный город Опочку, за милых дам, за вас, господин Жан!..

После отъезда гостей Лапин долго был как во сне.

День девятой пятницы по пасхе Лапин любил особенно. К «девятнику» готовились загодя. Это был не простой, а уездный праздник, и проводился он в Святых Горах вместе с ярмаркою. В Святые Горы обычно устремлялись все, и прежде всего торговцы. Возглавлял лапинский выезд обычно Жан, он и торговал в Святых Горах. Отец с удовольствием поручал ему это дело, в надежде, что это приведет к осуществлению его заветной мечты и Иван полюбит торговое дело. Собираясь на ярмарку, Жан заранее сочинял вирши, которыми потом зазывал покупателей к своему прилавку:

— Эй вы, тетки и бабки,
 Малашки, Аришки, Наташки,
 Привез я вам глиняные чашки!
 Честные господа, пожалуйста сюда!
 Красным девкам — мое почтение.
 Старикам — разное угощенье.
 Мир крещеный, неси к нам
 Мешок холщовый.
 Тем ленты и банты,
 У кого глазки словно брильянты,
 Тому, кто с Велья, — роскошное зелье.
 Кто из Опочки — тому барские порточки.
 А кто из самого Пскова —
 Тому заморского вища густова!

Выезжали из Опочки на неделю, а то и две, смотря по погоде. Июнь в здешних местах обычно мокрый бывает. В Святых Горах жили цыганским порядком: в шатрах, на сене, при кострах. Ярмарки были шумны. Народу — тысяча, и все развеселые, и всё пьяным-пьяно. Веселился и наш Жан. Если торговцы в ярмарку эту выручали кто тысячу, а кто и две тысячи рублей, то Жан больше двухсот домой не привозил, а то и совсем возвращался с мелочью, как это было, например, в 1823 году. Ему не сиделось за прилав-

ком, тянуло все необычное, новое, невиданное. Если на ярмарке появлялся какой-нибудь заезжий и показывал редких зверей, он был тут как тут. Он торчал там, где располагались цыгане, слепцы, кудесники, балагуры, раёшники. В своем дневнике он потом подробно записывал всё виденное и слышанное: «Ярмарка была величественная. Колес, лык, дровень, решет, марамяшек разных — изобильно и неопишимо! Встретясь со своею опочецкою приятельницею Анною Лаврентьевной, проходил с ней ярмарку от края в край. Накупил всякой всячины: кадильницу, трость ольховую искусной работы, книжечку по истории Святогорской обители, сочиненную преосвященным исковским Евгением. В продолжение нашего путешествия по столь обширной картине, встретил взором своим много забавных сцен между черного народа. Анна Лаврентьевна увидала старца, поющего гимны божеству, сжалась над ним, дали мы ему несколько копеек».

На Святогорской ярмарке 1825 года судьба вновь свела его с Пушкиным. Только странной была эта встреча. Он сразу даже не узнал Александра Сергеевича. Так изменились его лицо и внешность. В своем дневнике он записал об этом событии так: «Был я вносъ в Святых Горах о девятой пятнице и ехал довольно счастливо, потому что еще в Свешниковом бору дожидалась меня Аннушка М., с кося я, почти не разлучаясь, доехал до Рождественского погоста. Торговал на ярмарке рублей 200 с небольшим. И здесь имел счастье видеть Александру Сергеевича, господина Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а например: у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубую ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными черными бакенбардами, которые более походят на бороду, также с предлинными ногтями, когорыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю, около полдюжины...»

Лапин увидел, как Пушкин сделал какое-то замечание толкнувшему его полицейскому чину, тот взнегодовал, полагая по его костюму, что это какой-нибудь цыган. Полицейский вызвал караул, и Пушкина повели в кордегардию. Страх ради Иван Лапин не пошел вслед арестованному, чтобы увидеть, что дальше будет, хотя ему очень того хотелось. Страх ради он и в дневник свой не записал сего происшествия. Только долго ломал голову: что бы это значило? Почему Пушкин был не брит, не стрижен и в эдаком странном виде?.. Что случилось? А может быть, это и не Пушкин вовсе, а какой-нибудь действительно цыган?..

И в следующем, 1826-м и в последующем, 1827 году, отправляясь на очередную ярмарку, Лапин надеялся вновь увидеть Пушкина, но тот на ярмарке больше не появлялся.

Почему? Об этом Лапин узнал только осенью 1827 года. Совершенно случайно. Однажды в лапинском трактире остановились какие-то дворовые люди, везшие в Петербург из Михайловского старуху. Эта старуха оказалась нянькой Александра Сергеевича. Она отправлялась на постоянное проживание в Петербург. Ехала в обычной телеге, уставленной разными ящиками, мешками и узлами. В дороге ее сильно подрастрясло, и она целый день отлеживалась в «мужичьей комнате» трактира.

Лапин долго вертелся возле Родионовны, не решаясь ее расспрашивать про Пушкина. Потом все-таки подошел.

— Мой кормилец теперь в Москве живет, — сказала она ему. — Его вызвал сам царь. К себе приблизил, в большом чине теперь. Важные книги пишет. А меня не забывает. Письма присылает, и деньги, и гостинцы. Намедни пятьдесят рублей прислал. И я ему пишу... Всё думала, что вернется мой соколик. Только, видно, нет. Теперь еду жить к свонной сестрице Ольге Сергеевне...

— Ты уж извини меня, бабка, — перебил ее Лапин, — а почему он в эдаком странном виде на ярмарке разгуливал? Всё думаю про это, да никак ума не приложу к истине.

— А про то только он сам знает. У него нрав непростой. И не всё мне, старой, в нем понятно...

Больше о Пушкине он ничего не слышал до самого 1837 года, когда Лапина как-то весною вызвал к себе опочечский предводитель и спросил, знал ли он Пушкина и читал ли что из его книг. Лапин смутился, но сказал всю правду про свою благоговейную любовь к поэту.

Тогда предводитель сообщил ему, что Пушкин скончался и российская словесность лишилась одного из замечательных талантов, ее украшавших. Оставил он после себя сирот — жену и детей, и что государь милостиво разрешил издать книги его сочинений за государственный счет, а деньги за продажу отдать сиротам. И что надо бы и ему, Лапину, купить билет на собрание сочинений Александра Сергеевича в шести томах, ценою 36 рублей с пересылкою, что Лапин и совершил, подписавшись со всем почтением к Александру Сергеевичу.

Да и то сказать, во всем Опочечком уезде, по сведениям, поступившим к губернатору Пещурову, нашлось только два человека, подписавшихся на издание; одним из них был купец Иван Лапин.

* * *

В 1828 году тяжело заболел старый Игнат Лапин. Чув свой скорый конец, он решил женить сына, что вскорости и произошло. После этого важного события и смерти родителя жизнь Ивана переменялась. Поэтическая полоса его бытия кончилась. Дневник превратился в простую лавочную книгу, в которой он обозначал уже только одни торговые обороты.

В 50-х годах Лапин переехал в Псков, где у него было торговое подворье. Там он и жил до конца своих дней, завещав перед смертью библиотеку, бумаги и дневник сыну своему Александру.

В центре Богословского кладбища Пскова находится фамильный склеп Лапиных. В нем похоронены Иван Лапкин, его сын Александр и дети последнего. Над склепом — мраморное надгробие. Странно видеть его в здешнем месте. Оно повторяет черты надгробия Пушкина в Святогорском монастыре — тот же мраморный обелиск, акротерий, цокольный камень, гранитные ступени...

«Страшные бывают сближенья...» — говорил когда-то Пушкин...»

ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ МИХАЙЛОВСКОГО

В первые дни ссылки деревня показалась Пушкину тюрьмой. Бешенству его не было предела. Всё его раздражало. Он хандрил, скандалил, бывал во хмелю. С утра приказывал седлать и уезжал в никуда. Стремительно несущегося всадника можно было встретить очень далеко от Михайловского. И конь и седок возвращались домой в мыле. Он исколесил всю округу — деревни и села Новоржева, Опочки, Острова, Пскова, Порхова.

Потом всё переменилось, и он стал чувствовать себя в деревне как у бога за пазухой. Что же произошло?

Его спасла работа. Он полюбил природу этих мест. Он нашел верных друзей в Тригорском... Но не только это. Он пришел к простым людям, и они пришли к нему. Он полюбил их, и они полюбили его. Перед ним раскрылся мир неизведанного, мир народного творчества. Он стал дневать и ночевать в своих деревнях, часто забегал в людскую. Увидел воочию торжественный обряд русской свадьбы и записал его. Бывал гостем на крестьянских праздниках. Крестил ребят. В радоницу ходил со всеми на могилки и подпевал поминающим мертвых вечно живую песнь «От юности моя мнози борют мя страсти...». Любил зимними вечерами сидеть в людской и в горнице няньки и слушать деревенские сказки и песни. Записывал их и обрабатывал. Полюбил балалайку и понял, что этот нехитрый инструмент — кусок души народной. Он полюбил деревенскую девушку и был любим сам. Хорошо узнал жизнь крестьянского люда не только во всем

ее тогдашнем ужасе, но и во всей красе и бессмертии древних обрядов и традиций, познал тайну русского народного характера. Всё это пришло к нему здесь, в Михайловском.

Есть у нас во Пскове, в Государственном архиве, «Ревизские сказки» Михайловского 1825, 1836 и 1838 годов. И благодаря им мы знаем имена людей «мужеска и женска полу», живших в Михайловском, когда там жил и Пушкин. Знаем не только имена людей, но и чем они занимались, в каком были возрасте. В год ссылки поэта их было семнадцать душ, а в год гибели только девять. Остальные по воле родительской или были переведены в Болдино, или взяты в услужение в Петербург.

В «Описи Михайловского, учиненной во исполнение указа Опочечкой дворянской опеки над семьей и имуществом А. С. Пушкина 18 мая 1838 года земским исправником Васюковым и стряпчим Пастуховским при двух благородных свидетелях» перечислено все движимое и недвижимое имущество сельца Пушкиных, в том числе и дворовые люди.

Вот их имена:

Еремей Сидоров, 75 лет, пастух,

Авдотья Сергеева, его жена, 61 года, скотница,

ее зять Павел Курочкин, 51 года, кучер, конюх и кузнец,

жена его Авдотья, 36, скотница,

птичница Авдотья Архипова, 37 лет,

Дмитрий Васильев, 31 года, полесовник, сторож и садовник,

Прасковья, племянница Ульяны старой, живущей в Петербурге у А. С. Пушкина няней, 18 лет, по общему хозяйству дворовая,

Настасья Василия Михайлова дочь, 23 лет, в услужении при господском доме и флигелях,

и дочка Андреевой Дарьи, что в Петербурге у Ольги Сергеевны Пушкиной, малолеток 7 лет.

А как они выглядели, сохранились ли их изображения?

Считается, что нет. Только утверждение это неверно. Изображения есть.

Весной 1837 года, по просьбе А. И. Тургенева, М. Ю. Вильгорского, Г. А. Строганова, Натальи Николаевны Пушкиной, при содействии псковского губернатора А. Н. Пещурова псковский землемер Илья Иванов приехал в Михайловское, чтобы запечатлеть вид места, где жил и творил Пушкин. С рисунка Иванова известный художник П. А. Александров сделал литографию. Ее теперь все знают. Она воспроизводилась тысячи раз. На ней изображены двор, усадьба Михайловского, дом поэта, флигеля, куртины, сад, дорожки, Пушкин на коне верхом, Осиповы, едущие в карете, на ветхом крыльце дома няня—Арина Родионовна. Но не только это изобразил Иванов. Есть в литографии еще одна деталь. Все думают, что это просто группа крестьян, изображенная для оживления пейзажа. Ан вряд ли!

А что это за старик с клюкой, идущий мимо усадьбы? А не старик ли это Еремей? А кто эти семеро, возвращающиеся с граблями и косами с сенокоса? А может, это и есть дворовые: Прасковья — племянница Ульяны, Настасья Михайлова, Дмитрий Васильев и другие? А что это за

маленькая *девочка*, идущая рядом со взрослыми? Да это, конечно же, дочка Андреевой Дарьи — малолеток с косичками.

Вот и выходит, что «Сельцо Михайловское» Иванова — это не только изображение усадьбы Пушкина, но и портреты близких к нему людей, начиная от Арины Родионовны до девочки-малолетки, дочки Дарьи Андреевой.

Илья Степанович Иванов не был художником. Он был всего лишь землемером-топографом, чертежником. Он, конечно, старался быть точным в своем рисунке. На литографии словно ожившая опись Михайловского. Других изображений исторического сельца у нас нет. Поэтому ивановский рисунок бесценен.

ЖИЗНЁНОК

Он был любим, по крайней мере так думал он, и был счастлив. Работалось легко и радостно. Был в ладу со всеми окружающими и самим собой. Носился по комнатам колесом, пел на все лады, хохотал, лаял на пса, сидевшего на крепкой цепи около людской. Палил из пистолетов и дедовской пушчонки, пугая кур и индюшек, теснившихся возле погреба. Всюду совал свой нос: на конюшню, в птичник, на гумно, в пчельник, кузницу, сад. Был добр и ласков со всеми.

В это утро он проснулся рано. Ногой откинул полог, высунулся из кровати, лохматый, как домовый. Вскочил, подбежал к окну, ударил ладонью по раме и с треском распахнул створки. Крикнул во двор: «Во благодать-то!»

Сидевший под окном на кусте сирени скворец испуганно шараясь в сторону и закричал, как подстреленный. На его крик отозвался весь выводок мелюзги, теснившейся в скворечнике под окошком. Поперхнулась иволга, голосившая на вершине березы.

Махнул рукой — да ну вас!

Накинул рубашку. Подошел к зеркалу. Сделал страшную рожу. Отодвинулся. Погладил кудри. Причесался. Подумал: «Великолепен, многая лета болярину Александру!» Вздохнул. Сел верхом на локотник кресла. За отсутствием живых собеседников он любил в своем осадном сидении вести воображаемые разговоры с друзьями, с царем. Говорил,

говорил, говорил... После таких разговоров на душе становилось легче и свежее.

Еще вчера, по получении очередного послания от брата Льва, решил по душам поговорить с ним. Ужо ему!.. Взял трубку. Потянулся за огоньком к лампадке. Раскурил табак. Всё вокруг стало как в тумане. Пересел в кресло так, чтобы в зеркале отражался портрет Жуковского — «побежденного учителя». Закинул ногу на скамейку, принял удобную позу. Пустил еще раз облако дыма и стал выговаривать брату:

— Милый друг мой, братец Лёвинька! Все вы давно за мной наблюдаете. Справки собираете... Я ведь всё знаю. Встревожились?! Извините, дорогие. Да, у меня всё не так, как вы хотите. Всё не так... Ах, как мне тошно от всех ваших родственннх поучений, от всех этих «веди себя как следует, веди себя как следует...». Он должен вести себя как следует! Надоело! Мать вашу в рифму! Pardon. Ecoutez bien. Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? Non? Миль пардон! *

Так вот, слушай меня хорошенько, мой дорогой братец! Я прошу тебя запомнить раз и навсегда. Преображение мое совершилось, и я воскрес душой. Между мною и всеми вами теперь легла великая пропасть. Вы — и те, и те, и те — на том, а я на другом берегу. Вы на этом, а я на другом свете. Поймите это хорошенько...

Брат Лев. Остановись, что ты говоришь! Как я боюсь за тебя!

Пушкин. Не бойся, хуже не будет. Не может быть! И не суди, пожалуйста, мои поступки вашим столичным аршином. Я порвал со всеми моими идолами. Мне теперь стыдно за себя. Святое провиденье открыло предо мной путь к свету. Теперь я знаю — что я, где я, зачем я, для чего я!..

---

* Простите. Слушайте хорошенько. Знаете ли вы, почему я хотел с вами поругаться? Нет? Тысяча извинений! (Франц.)

За окном громко запела иволга. Пушкин повернулся от зеркала к окну и увидел скворца, который сидел на ветке сирени, не решаясь приблизиться к скворечне. Птенцы ревели истошно.

— Ну иди, иди скорей, дурья голова, — крикнул ему Пушкин и захлопнул окно. И вновь стал выговаривать брату:

— Ну что, милый, хочешь мои новые стихи послушать? Слушай же и не перебивай:

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела:
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало...

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее...

Брат Лев. Что это?

Пушкин. Нравится? Это про нее... Про мою Лену...

Девы, радости моей,
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастья со мною?..

Брат Лев. Прекрасно! Мило!

Пушкин. Мило?! Это — душа моя; недоступное для всех, всех, всех, и для тебя в том числе, хранилище моих помыслов, куда ни коварный глаз неприязни, ни предупредительный родственный взор не могут проникнуть. Там на страже меч архистратига, моего михайловского заступника...

Брат Лев. Нет, все же кто она?..

Пушкин. Ах, ты вот о чем? Не знаешь будто?! Пожалуйста. Она — та, кого я сегодня люблю. Люблю искренне и нежно... Та, которая вас всех так напугала, и вы решили

меня навестить, чтобы предупредить, как вы говорите, страшные последствия... Ха! Ну что вы все толкуете, как мой святогорский игумен: «Подумай о будущем, сын мой, подумай о будущем!» Да я не хочу думать об этом будущем. Будущее мое не в этом... А впрочем, будущее... вероятно, оно будет невеселым. Но, как любит говорить дорогой Василий Андренч, мой старший друг и наставник на путях истины, «когда любят искренне — не думают»...

...Кто посмеет под луною
Спорить в счастье со мною?..

Тут Пушкин нахмурился и стал кричать:

— Это всё ты, болван! Бегашь по гостинным, тлякаешь, как левретка: «А вы слышали, наш-то Александр Сергеевич чудит... Променил музу свою на какую-то деревенскую девку, не то птичницу, не то телятницу, и занимается уже не поэзией, а прозой!» И друзья тоже хороши, и этот, — Пушкин покосился на портрет, — благостный тихоня... Ах, бог ты мой, ну я знаю, мы с ней не ровня... Но я люблю ее. Люблю! Почему вы думаете, что всё должно обернуться подлостью? А деды наши, а дядья наши — Василий Львович, Венямин Петрович, а Вревские, Шереметевы? Они тоже любили своих дворовых, прижили с ними детей, дали им свое звание, фамилию. Они любили их...

Брат Лев (*перебивая Пушкина*). То они, а то ты.

Пушкин вскочил с кресла и ринулся на брата:

— Ну так пусть это дело будет только моим, моей совестью, и ничьей больше. Моя любовь! Мое божье испытание. Я сам себе бог, судья, царь!..

Тут Пушкин совсем разъярился, побледнел, стал неузнаваем. Стал крепко браниться по-русски, по-французски, всяко... Схватил трубку и, как копье, бросил ее в своего собеседника. Закрыв глаза. Застыл. Рванулся к столу, схватил перо. Полоснул им о свою белую рубашку, словно ножом по

сердцу. Сдвинул со стола вороха бумаги и стал быстро перебирать листы. Бумаги разлетелись по комнате... Разорвал лист, который был посвободнее, склонился к бумаге, навалился на стол всем телом и быстро вывел: «Нетерпение сердца. Судьба». Запнулся и медленно приписал еще одно слово: «Цыганка». Рухнул в кресло. Откинул голову и долго сидел, ничего не видя. Еще там, на юге, где всё было не так, как здесь, он был другим, он сам нагадал себе такую жизнь, какую ведет сейчас в деревне и должен будет вести дальше. Россия. Поля. Роши. Деревня. Любовь. Она...

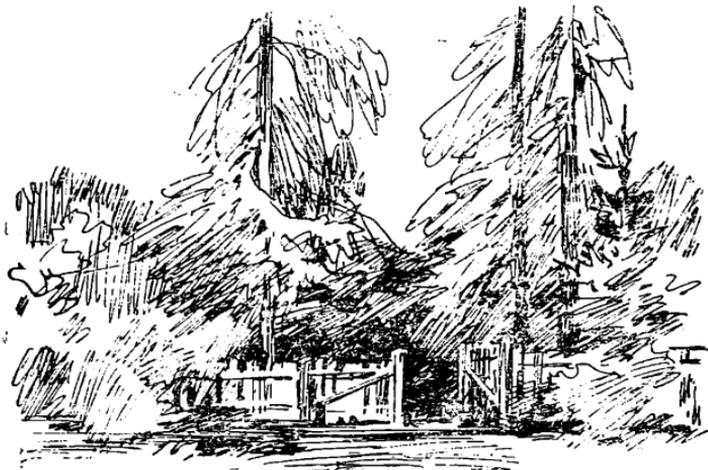
На окне красивый букет полевых цветов. Взял букет в руки, как священник чашу со святыми дарами, и долго сидел так.

Встал. Медленно выволочился на крыльцо. Остановился у стеклянной двери. Дверь отворилась. Зажмурился. В глазах потемнело. Стал считать: «Раз, два, три... Душой. Тобой. Ясен. Прекрасен... Раз, два, три...» Схватился за косяк двери. Подтянулся и повис. В голову ринулись слова, всё новые и новые. Они заполняли промежутки между строчками, наконец стали сливаться в одно целое, сплетаясь в сплошной перепутанный клубок, в котором не осталось ни единого белого просвета, в сплошной черный клубок слов, непроницаемый и отчаянный, как вопль. «Раз, два, три...» Медленно открыл глаза, глянул на цветущее гульбище перед домом и удивился, увидев торжественную праздничность раннего июньского утра. Воскликнул радостно: «Господи, а все-таки здесь рай!»

На усадьбе всё еще спало. Это только он, скворец да иволга предупредили зари восход. Ночью роса вышила крупным бисером дерновый круг перед домом. В каждой капельке сияли солнце и звезды.

Подтянул повыше штаны и пошел босыми ногами через круг к амбарчику. У амбарной лестнички встретился с котом, гревшимся на солнышке.

— Ну, как, брат Котофейч, хорошо тебе?

Кот промурлыкал, что ему здесь очень хорошо, что ночь была чудесной и что вообще по утрам лучшего места, чтобы полежать на солнышке, на всей усадьбе не сыщешь.

— И то правда, — вздохнул Пушкин, поправил рубашку и привалился к нему рядком.

У Пушкина очень широкая, красивая деревенская белая рубашка, вся в чудесных кружевах. Это подарок, поднесенный ему в день рождения, 26 мая... ею.

Лежал и судил себя: «Разбойник. Святотатец. Тать?! Нет, нет, нет!...»

...Ты взором, мирною душой
Небесный ангел утешенья...

Вскочил. Ждать больше не было мочи. Пошел. Остановился у низенького домика, в котором жила она, его возлюбленная... Припал к оконцу. Тихо постучал. Оконце открылось. Прошептал:

— Вставай, милая. Пора!

Она была уже готова.

Мнилось, легче вокруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился..

* * *

Они шли по берегу маленького озера. Озеро было синее, и небо синее, и у нее глаза синие. Часто останавливались, и он шептал ей: «Дай еще поглядеть!» Она вскидывала голову, и он смотрел ей в глаза и через их синь видел бездонное синее небо. Шел и думал: «Вот иду как царь». Рядом шла она. И смирялась тревога души, и он чувствовал себя высоким, головой до самого неба. И шел всё быстрее и быстрее. Рядом шла шагами великана его тень. А она — еле за ним попевала, милое божье создание!

С нею всё было просто. С нею он не кокетничал, не паляничал. Ему не нужно было искать вычурных слов. Всё было просто и насущно, как хлеб и свежая вода в доме! Скажет: «Постоим. Сядем. Посмотри! Знаешь, милая?» И вдруг как крикнет: «Вот я!» И лес, и дол, и воды отвечали ему: «Да, да, да!..»

* * *

Цыгане приехали в Михайловское накануне вечером. Об этом ему доложил полесовник. Здесь, у дороги, «изрытой дождями», где она поднимается в Савкино, встали их шатры. На берегу Маленца паслись стреноженные кони. Около них, как статуя, стоял молодой красивый цыган, опершись на длинный кнут. Он любовался своими лошадьми. Такова уж цыганская природа.

Дым костров мягко стелился по земле. Завидев приближающихся людей, залаяли собаки.

Из крайнего шатра вышел другой цыган. Остановился в ожиданье.

— Добры день, лагоды вес, — сказал Пушкин, протягивая руку.

— Добры день, — ответил удивленный цыган и добавил: — Анатыр, туме, джанон ромено?

Пушкин весело засмеялся и ответил:

— А ту надыххеса, сомырым кокоро?

— Похоже-то похоже, что вы здешний барин. Но мы вас раньше не видели... А ее, — он кивнул на девушку, — мы знаем, она дочка Михайлы Иваныча... Красавица!.. Зачем пожаловали?

— Да вот пришел в гости к себе звать. Хочу песни ваши послушать. Люблю цыганские песни и много их знаю.

На разговор из шатра вышла цыганка с маленьким цыганенком на руках. Низко поклонилась и сразу же начала свое:

— Погадаем, жизнёнок, погадаем, краля!

— Ну, мне гадать, я сам гадать умею, а вот ты ей погадай, да хорошенько, хорошенько...

Цыганка протянула руку:

— Положи денежку... На кого гадать будем? — И она лукаво глянула на Пушкина.

Пушкин вынул из кармана золотой и положил гадалке на ладонь. Глаза цыганки вспыхнули радостью.

— А теперь, жизнёнок, иди... Это наше бабье дело... А ты, дитёнок, иди сюда!

Женщины отошли в сторону, уселись у костра, и началось гаданье.

Пушкин подошел к молодому цыгану. Залюбовался красивой лошастью.

— Меняться будем! У меня конь-огонь!

— А мои чем хуже? — отвечал цыган. — Попробуй!

Пушкин лихо вскочил на коня и понесся вскачь по Тригорскому проселку. Цыган вдогонку стал стрелять кнутом — трах! трах! трах!..

* * *

...Когда пришло время уходить, она низко поклонилась гадалке и еле слышно промолвила:

— За ваши речи — бог вам навстречу!

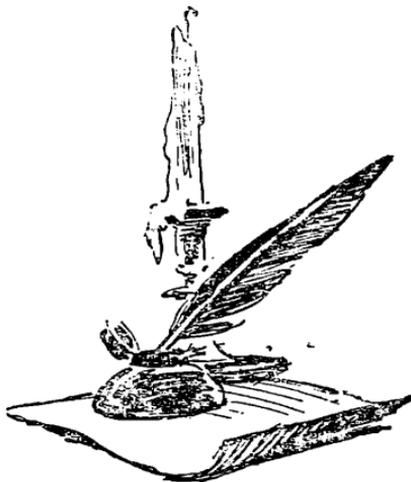
А потом, когда они отошли к дороге, горько зарыдала.

— Что с тобой, душа моя? — спросил Пушкин.

Она взглянула на него и, махнув рукой, промолвила тихо:

— Не знаю... так... — И добавила: — Недостойная я!

— Ангел мой, — перебил ее Пушкин. — Не надо, не надо... Всё будет хорошо...

* * *

Мать и отец всё видели. Гневались и убивались за судьбу единственной дочери. Отец кричал, что убьет, ежели она осрамит семью. Виданное ли это дело! О чем девка думает? На что надеется?..

Ночью, когда весь дом засыпал, она и мать становились на колени перед образом святогорской владычицы и шептали:

— Пресвятая дева, благодетельница, херувимов святейшая и серафимов честнейшая, воспетая, непрестанно пред вседержителем о всех девах молящаяся и обо мне, недостойной, — воспошли прощенье! Избави меня от совета лукавого и от всякого обстояния и сохрани мене неповрежденной. Соблюди меня своим заступлением и помощью. Прими,

заступница, усердную горькую молитву мою. Мать-заступница, прими мой грех, беду мою безмерную, помоги мне, неможной, дай опереться на тебя любви моей. Нет мне иной помощи, кроме тебя, утешительница. Спаси меня! Помилуй и спаси нас!

Но владычица смотрела с иконы на молящихся черными глазами дьяганки и не принимала ни горячей молитвы девы, ни мольбы ее матери.

* * *

В келье Пушкина всю ночь тоже горела лампадка. Он сидел молчаливо и тихо за столом и переписывал свои стихи:

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

Переписав стихи набело, он взглянул на портрет Жуковского, подмигнул ему и приписал название — «Младенцу». Затем открыл крышку сундучка-подголовника, положил в него рукопись, закрыл сундучок на ключ. Взял чистый лист бумаги и стал писать письмо брату Льву.

В КОНЦЕ «ОСАДНОГО СИДЕНИЯ»

Целью моего направления в Псковскую губернию было сколько возможно тайное и обстоятельное исследование поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к вольности крестьян.

*Из донесения тайного полицейского агента
А. К. Бошняка начальнику главного штаба
личной его императорского величества
канцелярии. Июль 1826 г.*

19 ноября 1825 года умер Александр I. Грянули декабрьские события. Пошли аресты, и аресты людей близких, единомышленников... Казни.

Пушкин испытывал глубокие страдания не только от потери друзей, его, естественно, беспокоила и собственная участь. Пушкин сам ждет допросов, ареста. Сжигает свои дневники. В крайнем возбуждении громко разговаривает в одиночестве сам с собой, представляет себе мысленно ход его допроса аудитором. Тяжелое настроение усугубляется еще и тем, что «преступниками» оказались и его псковские знакомые, ушедшие потом в далекую ссылку: Михаил Назимов, Иосиф Поджио, Нил Кожевников, сошедший с ума и заключенный в суздальский монастырь «бывший» князь Федор Шаховской. В Опочечком уезде жила графиня Коновницына, мать «преступника», «бывшего» графа Коновницына, она же теща сосланного на каторгу М. М. Нарышкина.

Начались крестьянские бунты. Запылали помещичьи имения. По ночам из окна своего дома Пушкин наблюдал грозное зарево на горизонте.

Под влиянием всех этих событий в глухой псковской провинции поползли толки, догадки, слухи, один другого тревожнее и нелепее. Распространение их, само собой разумеется, строго преследовалось.

Но находились неосторожные, у которых в особенности под хмелем, язык излишне развязывался, и за это им приходилось жестоко расплачиваться. Рождалось грозное «государственно-уголовное» дело.

Одно из таких, заведомо дутых, «политических» дел, вряд ли оставшееся неизвестным Пушкину, возникло в его соседстве, во Пскове. Печальным героем его оказался человек, с которым Пушкина связала судьба, В. И. Всеволодов — «искусный коновал», как в шутку называл его Пушкин.

Как раз в это смутное время, в апреле 1826 года, перед самыми пасхальными праздниками, инспектор Псковской врачебной управы Всеволодов вернулся к себе в город из очень неприятной командировки в Порховский уезд, где он оперировал раненных во время бунта помещичьих крестьян.

19 апреля, на пасхе, он в 11 часов ночи производил свой очередной обход в управляемой им местной городской больнице. В ней лечились, между прочим, и больные военного ведомства, а к ним прикомандировывались для ближайшего обслуживания особые гарнизонные фельдшера, которые таким образом имели два начальства — военное и гражданское, последнее в лице Всеволодова.

Один из военных фельдшеров, находившихся под двойным начальством, Константин Иванов, пришел в больницу во время «вечерней визитации» Всеволодова, чтобы поздравить его с праздником и с ним похристосоваться. Как полагается в великий праздник, фельдшер был zelo пьян. Всеволодов отказался с ним целоваться. «Ты не стоишь того по дурному поведению», — сказал он ему. Хмельной Иванов стал ругаться и грозить Всеволодову каким-то доносом. Тогда Всеволодов велел присутствовавшим унтер-офицеру и другому фельдшеру связать Иванова. Тот вынул нож и при-

грозил их зарезать. Вызванные караульные одолели буяна, связали его и потащили в арестантскую.

— Никого и ничего я не боюсь, — вопил, как неступленный, пьяный фельдшер, вырываясь от них, — потому Кольке не долго царем быть. Пятнадцатого мая будет новый царь в России, всамделишный, император Константин Павлович, а он в обиду не даст...

Несколько человек, караульные, фельдшер, унтер-офицер, кое-кто из больных, слышали эти страшные слова. Всеволодов в своем рапорте не решился замолчать то, о чем в буйном хмелю кричал Иванов.

В тот же день была образована следственная по этому делу комиссия. Двенадцать свидетелей подтвердили рапорт Всеволодова.

Однако двое из них, фельдшер и унтер-офицер, как раз те, которых Иванов грозил зарезать, дополнили рапорт врачебного начальства одной подробностью, весьма характерной, с одной стороны, для того времени вообще, и в частности для Всеволодова, а с другой стороны, ярко характеризующей и товарищей Иванова. «Когда пьяный Константин Иванов уселся во дворе на дрожки Всеволодова, — сообщили они, — то его высокоблагородие треснуло Иванова по уху за то, что тот смел сидеть в их присутствии».

Обвиняемый при допросе сначала заявил обычное «был пьян и ничего не помню», но потом принужден был разговориться.

— Не говорил я господину Всеволодову, — показывал он, — что ничего не боюсь, а сказывал только, что не боюсь их, Всеволодова.

При дальнейшем допросе Иванов обвинял Всеволодова в различных злоупотреблениях по службе и что «бьет он, Всеволодов, Иванова нещадно за малейшую провинность».

После допроса Иванова, как важного преступника, заковали, посадили на гауптвахту и предали военному суду. В защиту Иванова, однако, вступилось военное начальство,

считавшее битье солдат своей прерогативой и не позволявшее штатским прикладывать руку к воинским чинам.

В результате длинной судебной волокиты Аудиторский департамент в качестве высшей военно-судебной инстанции вынес резолюцию весьма неожиданную и для Всеволодова и для Иванова.

Пугнув в своем грозном постановлении Иванова лишением унтер-офицерского звания, наказанием кнутом и ссылкой в Сибирь на каторгу, департамент объявил Иванову высочайшее послабление с разжалованием в ротные фельдшера. Поступок же Всеволодова, «закрывающийся в неприличном взыскании с фельдшера Иванова с причинением ему своеручно побоев за неисправность по должности, постановил предоставить на рассмотрение псковскому гражданскому губернатору».

В разгар всех этих напумевших в Пскове событий друзья из Петербурга дают знать Пушкину в Михайловское, что настала пора просить нового императора о снятии ошала. Однако предприятие может увенчаться успехом, предупреждают его, только в том случае, если Пушкин выполнит намеченную ими программу. Во исполнение этих указаний Пушкин должен прежде всего подвергнуть себя медицинскому освидетельствованию, после чего ему надлежит подать на высочайшее имя прошение с приложением обязательства о непринадлежности к тайным обществам и свидетельства о болезни.

Появляется на сцене «аневризм» — болезнь Пушкина.

За свидетельством о болезни Пушкин по совету своих псковских друзей обращается к Всеволодову, как к инспектору Псковской врачебной управы и как к известному хирургу. Друзья познакомили его с «псковским коновалом» еще год тому назад...

Медицинский осмотр Пушкина производится, причем предусмотрительно не единолично Всеволодовым, а целой ученой коллегией Пскова под председательством Всеволо-

дова, и ученая коллегия единогласно свидетельствует, что Пушкин «действительно имеет на нижних конечностях, а в особенности на правой голени, повсеместное расширение кровезовратных жил, от чего г. коллежский секретарь Пушкин затруднен в движении вообще».

Свидетельство это за подписью Всеволодова было приобщено к прошению Пушкина, которое заканчивалось следующими словами: «Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края».

Псковский губернатор Адеркас отправил эти документы к эстляндскому генерал-губернатору маркизу Пауллуччи, в ведении которого состояла и Псковская губерния. Тот переслал их в Петербург графу Нессельроде, прибавив от себя благоприятный отзыв о Пушкине, вместе с тем, однако, высказываясь против отъезда Пушкина за границу.

Дальше прошение Пушкина с приложениями пропутешествовало в Москву, где оно лежало без движения до дня коронации нового императора. В частности, не производило, по-видимому, никакого впечатления и всеволодовское свидетельство об аневризме.

Вместо доктора «на помощь» больному Пушкину из Петербурга в конце июля 1826 года прибыл в окрестности Михайловского специальный шпион, коллежский советник Бошняк, секретно собиравший сведения совсем не о здоровье Пушкина, а о том, «не возмущал ли Пушкин к вольности крестьян...».

«Исследование» Бошняка было для Пушкина относительно благожелательным. Вскоре после рапорта доносителя Пушкин был вызван царем в Москву. «Осадное сидение» поэта в Михайловском завершилось. Из-под надзора псковских адеркасов и бошняков он был переведен под непосредственный надзор самого царя...

«ТВОЯ ОТ ТВОИХ»

В душе он уже давно распрощался с Михайловским. Родные еще в 1835 году решили продать свое сельцо, чтобы поправить тяжелое материальное положение. Для них Михайловское было только вотчиной, дачей. Для него же — местом высокого духовного преображенья и спасенья от жизненных бед и обид. Он не мыслил жизни без своей деревеньки и только после мучительного раздумья, споров с родителями, сестрой и ее мужем дал наконец свое согласие на продажу.

...И вот он опять в родных краях. Приехал потому, что мать перед смертью ему так велела. Она умерла от тяжелой болезни. Знала, что умирает, звала его. Просила прощенья за то, что всю жизнь отдавала свою любовь не ему, а другому — его брату. Этот грех ее мучил, потому что любовь ее к тому, другому, оказалась пустой. А нелюбимый пришел, просил прощенья, и они вместе плакали и убивались. Он просил прощенья за свою сыновью гордыню, за суетность, говорил ей ласковые успокоительные слова, и эти слова действовали на нее во сто крат лучше, чем исповедь, спасительные молитвы священника, соборованье.

Когда пришел ее смертный час, она взяла с него слово, что он не оставит ее прах в Петербурге.

— Я знаю, ты занят, тебе некогда, — говорила она. — Поклявшись, что отвезешь меня в нашу деревню.

И он дал клятвенное обещание.

Мать скончалась у него на руках в пасхальную неделю.

С ее смертью навалились на Пушкина многие трудности. Гроб, попы, отпевание, беготня по канцеляриям за разрешением на вывоз покойницы из Петербурга. Деньги, деньги — все равно под какие проценты.

И вот, наконец, дорога... Он в четырехместной обшарпанной карете, взятой в Петербургском главном почтамте, а гроб — в большой фуре, специально приспособленной для дальних перевозок печальных грузов.

Ехали медленно. Весна 1836 года была дружная. Дорога совсем раскисла. За Лугой уже не дорога, а сплошная пучина.

Останавливаться возле заезжих домов и трактиров было неудобно, да и дорожным похоронным листом это запрещалось. Можно было останавливаться только возле церквей. Поэтому останавливались в Гатчине, Луге, Краснополе, Пскове, Острове. И всюду — то лития, то панихида.

Дорога казалась бесконечной. От ухабов и рытин ныло все тело. От ладана, заунывного церковного пения тошнило. Чувствовал себя донельзя плохо.

Прибыв в Псков, хотел зайти к губернатору — добрейшему Алексею Никитичу Пешурову, но, представив себе его расспросы, покарные слова соблезнования, решил не заезжать. Зашел в лавку купца Лапина, приказал ездовым выдать водки, а сам направился в архиерейский дом отметить дорожный лист и заказать очередную панихиду.

В Святые Горы добрались только на четвертый день — утром, на заре. Монастырь еще спал. Долго и зло стучался в ворота, пока не вышел привратник-послушник. Еле удержался, чтобы не двинуть кулаком в его заспанную рожу. Привратник побежал к игумену. Игумен скоро показался, взял у Пушкина открытый разрешительный лист и предписание, пробежал глазами документы, погладил пальцами большую сургучную круглую, похожую на медный пятак печать и спросил:

— Как прикажете служить, сударь?

— То есть как это? — перебил его Пушкин:

— Я говорю — как будем служить, по большому или малому чину? В главном храме, при полном освещении, с хором? Или просто? — продолжал монах.

— Всё, всё, всё... — ответил Пушкин и махнул рукой.

Игумен повернулся к привратнику и приказал впустить в обитель траурный поезд, внести гроб в верхнюю церковь и зажечь свечи и лампы.

Пушкин попросил игумена послать кого-нибудь из послушников в Михайловское, чтобы тот передал старосте немедля снарядить в монастырь людей копать могилу.

Начинался последний день святой недели, — самой радостной недели в году. Монастырские колокола вызванивали пасхальные плясовые напевы. Появились богомольцы, большей частью навеселе. В эти дни, по старинному русскому правилу, всем грешным и безгрешным были дозволены все радости жизни — ешь, пей, веселись!.. И только одному Пушкину было невесело. Веселость покинула его давно, и

он даже представить не мог, как он выглядит, когда ему весело...

Вышел на Святой двор. Постоял у паперти нижней деревянной Никольской церкви, где, как и десять лет назад, висела назидательная картина о краткости жизни земной, с виршами, сочиненными игуменом Ионой. На картине были изображены здешнее небо и земля, луна и солнце, и круглые часы, напоминающие о быстротечном времени, и неумолимая смерть с косой, указующая костлявой рукой на эти часы. Под часами — старая кривая сосна, на которой художник повесил развернутый свиток с печальными стихами:

Взираи с прилежаньем, тлепный человек,
Как вск твой проходит и смерть педалече!
Готовься на всяк час, рыдай со слезами,
Яко смерть тя восхитит с твоими делами.
Неумолимо она известзует
И краткость жизни перстом показует,
Текут часы времени лет во мгновенье ока,
Как солнце, шествуя на запад с востока.
Гляди, человек, с верой просвещенной,
Гляди в обитель кротко и смиренно,
Молитву прилежно к богу возсылая,
На сие писание умильно взирая.

Окружили воспоминания. Вот могила Пимена — одного из первых настоятелей обители. Здесь впервые явилась Пушкину тень царя Бориса... Вот ограда монастырская. Вот келья, где когда-то проводил он часы в душевспасительных беседах со своим пастырем, игуменом Ионой. А вот келья его дружка, монаха отца Василия — чудесного ссыльного за-булдыги, монастырского библиотекаря и архивариуса, благодаря которому он тогда понял, что не так уж страшен черт, как его малюют...

Где все они? Всё прошло. Нет ни Ионы, ни отца Василия. И монахи другие, и послушники уже не те, да и сам он совсем другой...

Поднялся на холм. Шел и считал каменные ступени. Ступеней было тридцать семь. Подумал — и мне скоро тридцать семь... Странно! Подошел к родовому кладбищу. Подоздоровался с мужиками. Присел на скамеечку и стал смотреть, как они лихо выбрасывают сухой золотистый песок из ямы.

А хорошо всё же здесь! Высоко. Сухо. Деревья шумят. Никакой тебе суеты. И этот белый древний храм, словно богатырь, и этот проселок, по которому он часто хаживал сюда, в обитель древнюю. «Всельтер и Гёте, и Расин, являлся Пушкин знаменитый...» Чье это? Ах да, Языкова...

Являлся... Являлся... И вдруг он ясно представил себе собственную «таинственную сень». Я — где? Где? Там, в свинском Петербурге? О, нет! Ни за что. Здесь! Только здесь. Здесь хорошо... «Твоя от твоих...» Только как это делается, если хочешь закрепить за собою место на родном кладбище?

Эта мысль прилепилась к нему крепко, и весь день не давали покоя слова древнего канона о Великом Покое: «Твоя от твоих, к тебе приносяще, о всех и за вся»...

Мать похоронили в два часа пополудни. По окончании церемонии он уехал в Михайловское. Долго ходил по комнатам и всё приглядывался к вещам, будто что-то искал. Закрылся в своем кабинете и сразу же лег спать, не приказывая ничего. Утром велел подать лошадь и опять покатила в Святые Горы. С полдороги вернул лошадь обратно, а сам пошел пешком: когда идешь пешком — лучше думается. Войдя в монастырь, поднялся на могильный холм, к матери. Могила была уложена дерном. Заботливые руки дворни украсили холмик подснежниками и вербой. На могиле стоял простой сосновый крест. Надо бы сочинить надпись. А зачем? Отец сделает. Он мастер сочинять эпитафии.

Было очень тихо. Пасхальная неделя кончилась. Никого вокруг. Ни мужиков, толкующих о приезде михайловского барина, ни монахов, вдвоём накануне насмотревшихся на

знаменитого арапа... Вчерашняя мысль о собственной могиле созрела в душе окончательно: «Здесь лежит Пушкин. Здесь должен лежать Пушкин. Здесь, и нигде больше».

С мучительной ясностью пришла мысль: Пушкина больше нет. Он безвозвратно мертв, как те, что лежат вот там, у подножья холма... Нет! Не хочу... А впрочем, что смерть? Ведь дела людей не измеряются только пределами их земной жизни!.. И снова мысль о «гробовом входе», о собственной могиле на родной земле. «Твоя от твоих...»

Эх, жаль, что нет Войныча рядом. Он всё знает, всё умеет. И Пушкин стал мысленно сочинять письмо Нащокину: «Войныч, милый друг! Вот ты всё болеешь, а о том не хочешь подумать, что и умереть можешь. Приходится мне думать об этом за тебя. Вопрос о кладбище — вопрос не праздный, а очень важный. Так вот, знаешь, милый, лучшего кладбища, чем в моей псковской деревне, вряд ли где в другом месте сыщешь. Земля — не земля, а пух. А вид, вид вокруг — загляденье... Когда я преставлюсь, завещаю похоронить себя рядом с тобою, клянусь честью!..»

В этот день, вечером, накануне возвращения в Петербург, Пушкин внес в монастырскую казну деньги, закрепив за собой клочок земли на случай смерти. В книге прихода и расхода монастырских сумм за 1836 год игумен Геннадий записал: «Получено от г-на Пушкина за место на кладбище 10 рублей. Сделан г-ном Пушкиным обители вклад — шандал бронзовый с малахитом и икона богородицы — пядичная, в серебряном окладе с жемчугом».

Эти вещи Пушкин взял из своего Михайловского дома. Он знал, что покидает его навсегда. Солнце дважды в день не восходит. Михайловское для него — уже только вчера. Сегодня его уже нет. Остались лишь одни воспоминания, а завтра и от этих воспоминаний, быть может, ничего не останется.

«БЕЗ БОЯЗНИ ОБЛИЧАХУ»

— Ваше величество, с похоронами Пушкина надо поторопиться. В городе много шума. Есть известия, что либералы хотят нести гроб на руках до самого кладбища... — докладывал царю Бенкендорф.

— Но я же решил хоронить его в псковской деревце?! Вдова его, Жуковский очень просят, говорят, что сам покойник так велел. Так будет лучше, — перебил Бенкендорфа Николай. — Госпожа Пушкина вначале просила направить в качестве сопровождающего подполковника Данзаса. Я счел это недопустимым. Он ведь под арестом, ждет суда и следствия... Пусть едет Александр Тургенев, давнишний знакомец Пушкиных. За него они тоже очень просили... А кого ты можешь послать в Псков из своего корпуса? Нужно бы направить жандарма порасторопнее...

— Я полагаю, Ваше величество, что для сего дела лучше всех будет капитан Ракеев. Он — сама преданность, исполнительность, усердие.

— Ну что ж, пусть будет так. Приготовь нужные предписанья. Да не забудь приказать о негласном надзоре на всем пути следования и там, на месте, в Святых Горах! Выезд из Петербурга назначай на полночь 3 февраля. Тихонько, без шума. Конюшенную площадь нужно бы с вечера оцепить...

Итак, решено! Ракеев и Тургенев, и никого более. Всё!

Так судьбой было определено самому старшему другу Пушкина Александру Ивановичу Тургеневу сопровождать

тело убитого к месту его последнего пристанища в Святых Горах.

Февраль 1837 года был суровым. Дороги на Псковщине всюду занесло глубоким снегом. Кони, везшие гроб, совсем притомились. От Острова траурный поезд бежал уже не по дороге, а по реке Великой. Снежный покров на реке был слаб, лошадям скользко. То та, то другая оступались или падали. Плохонькая кляча, которую с трудом удалось раздобыть на Островской почтовой станции взамен одной из пристяжных, поломавшей ногу, совсем стала.

Вокруг на полях снег, снег, снег... И только благодаря Никите Козлову, дядьке Пушкина, сопровождавшему сани с телом убитого, ямщики ехали правильно и не сбились с пути.

Мороз был крут, ветер, гулявший по Великой, продувал насквозь. Наконец повернули на Сороть. Жандармский офицер то и дело приказывал ямщику остановиться и спрашивал Козлова: «Далече ли еще?»

Наконец замелькали в тумане огоньки церковей Вороница и в большом тригорском доме.

— Теперь, почитай, приехали, — сказал Козлов. — Вот и имяние Прасковьи Александровны! — И, махнув рукой куда-то в сумерки, добавил: — А там вон и Михайловское... Отсюда до Святых Гор рукой подать, не больше пяти верст. Слава богу, скоро в тепле будем!

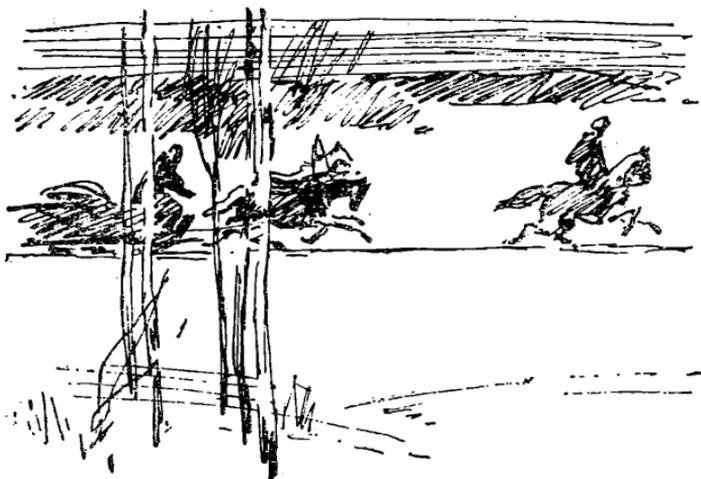
Где-то залаяли собаки. Ночной сторож Тригорского отбил в чугунную доску семь часов. Гул поплыл по реке. В такт ему гулко треснул где-то лед...

— А ну, постой, поворачивай к дому Осиповых, — распорядился жандарм.

— Как прикажете, ваше благородие, — ответил Козлов. Жандарм глянул в сторону и, крикнув, добавил:

— Ненадолго...

Подъехали к дому. Услыхав под окном звон почтовых колокольцев, кто-то распахнул двери. Ракеев и Козлов вошли в тускло освещенные сени и стали стряхивать с шуб снег,

Показался лакей в домашней ливрее и закутанная в большой теплый платок маленькая старушка, лицо ее было еле видно. Ей явно нездоровилось.

— Кто это? — тревожно спросила она вошедших, оставив свой взор на жандарме.

Приезжие поклонились. Офицер звякнул шпорами:

— Я — капитан Ракеев, сударыня! Господин Тургенев уже здесь? — Помолчав, Ракеев добавил: — Я к вам, господа Осипова, с недоброю вестию... Привез Александра Сергеевича... тело... по предписанию государя императора...

Вновь услышав страшные слова, Прасковья Александровна схватилась за голову, бросилась в комнаты с воплем:

— Знаю, знаю... убили, господа, убили!

Показался Тургенев, прибывший в Тригорское четыре часа тому назад. Выбежали дети, слуги, дом наполнился плачем и стенаниями.

Ракеев был милостив. Он разрешил отслужить в Тригорском панихиду, очень уж все просили, да и согреться хотелось.

Скоро в церкви на Ворониче загудел траурный колокольный звон. Так начались похороны Пушкина.

* * *

В том приделе Успенского собора Святогорского монастыря, где в ночь с 5 на 6 февраля 1837 года игумен и Ракеев разрешили поставить гроб с телом поэта, среди других изображений, повествующих о похоронах Пушкина, есть портрет Александра Ивановича Тургенева. Это копия с литографского портрета, висящего в кабинете Прасковьи Александровны в Тригорском. Тургенев подарил его Осиповой после своего возвращения из Святых Гор в Петербург, в том же феврале 1837 года. Портрет сопровождался письмом, в котором Тургенев благодарил Прасковью Александровну и ее дочь Марию Ивановну за радушный прием и беседы с ним о Пушкине в ту незабываемую ночь.

Он писал: «Минуты, проведенные мною с вами в сельце и домике поэта, оставили во мне неизгладимые впечатления. Беседы наши и всё вокруг вас его так живо напоминают! В деревенской жизни Пушкина было так много поэзии, а вы так верно передаете эту жизнь. Я пересказал многое, что слышал от вас о поэте, Михайловском и Тригорском здеи-ним друзьям его. Все желают и просят вас описать подробно, пером дружбы и истории, Михайловское и его окрестности, сохранить для России воспоминание об образе жизни поэта в деревне, о его прогулках в Тригорское, о его любимых двух соснах, о местоположении, словом — всё то, что осталось в душе вашей неумирающего от поэта и человека».

В этом же письме Тургенев подробно рассказывает историю своего портрета: «Вы желали иметь мой портрет, коего оригинал писан Брюлловым. Под эгидою таланта посылаю я его для тригорского вашего кабинета. Но позвольте, во избежание недоразумений, объяснить некоторые надписи и слова на сем листе. «Без боязни обличаху» — текст из

летописца Троицкого Сергиевского монастыря Авраамия Палицына, который, описывая патриотически-смелый поступок предка нашего Петра Тургенева (и Плещеева), кои обличали Самозванца в самозванстве и за то побиты им камнями на Красной площади, говорит о сих двух героях искренности и любви к Отечеству «без боязни обличаху». Это приняли мы девизом нашим».

Брюлловский портрет был перерисован художником Виньеродем для литографа Энгельмана, сделавшего в 1830-х годах с этого рисунка литографию, отпечатанную в нескольких экземплярах. Один из них и прислал Тургенев Осиповой.

На этом портрете Тургенев изображен сидящим за столом; правая рука его заложена за борт сюртука, в левой он держит развернутое письмо, на котором видны слова: «До нас ли! 1821. Константинополь». На столе книга с надписью на корешке: «О налогах», а под нею листы бумаги с надписями: «К Отечеству» и «Элегия».

В своем письме Тургенев подробно поясняет эти детали: «„Элегия“ написана братом Андреем, первым другом Жуковского, открывшим в ней гений и сердце его. «К Отечеству» — его же стихи, кои несколько лет по его кончине читаны были в Таврическом дворце, в собрании дворянства, когда Россия воспламенилась против Наполеона. «Книга о налогах» — осужденного навек брата Николая, о коем лучше молчать. Книги сей было два издания, — и теперь нет в продаже ни одного экземпляра». Далее Тургенев продолжает: «Письмо, которое я держу в руках, писано братом Сергеем в 1821 году из Царя-града, во время чумы и ярости турок против греков. Правительство позволило брату оставить посольство и успокоить мать свою; он не думал о спасении своей жизни — не оставил посольство, но, описав положение греков, сказал: «До нас ли!» Я хотел сохранить это чувство, а вас прошу принять сии изъяснения свидетельством моего к вам уважения и не пенять за сии подробности, без коих все сии слова были бы непонятны».

«Без боязни обличаху» братья Тургеневы всякие скверны тогдашней жизни с ее крепостным укладом. За это особенно любил их Пушкин.

С радостью поздравил он Сергея 21 апреля 1821 года с возвращением «из Турции чужой в Турцию родную»..

С Александром Пушкин был в дружбе и переписке всю жизнь, с юных дней до предсмертного часа. Последнее письмо он послал Александру Ивановичу за день до своей гибели. На этом письме сохранилась помета рукой Тургенева: «Последняя записка ко мне Пушкина накануне дуэли».

Судьба декабриста Николая Тургенева, случайно избежавшего царской петли или каторги, всегда волновала Пушкина. Когда до Михайловского в 1826 году дошли слухи о том, что Николай Тургенев якобы арестован в Англии и выдан царскому правительству, Пушкин написал Вяземскому свое знаменитое стихотворение «Так море, древний душегубец», в котором клеймил свой гнусный век с его тиранами и предателями.

Поясняя Осиповой надписи на своем портрете и подчеркивая патриотические заслуги братьев и предков, Александр Иванович еще раз хотел напомнить ей, что воспоминания о Пушкине, которые она хотела написать для потомства, — ее патриотический долг и написать их она должна «без боязни обличаху» всех, кто этого заслуживал.

Судьба портрета не простая. До революции он находился на своем месте в Тригорском. В 1902 году его видел в доме Осиповых известный пушкиновед Б. Л. Модзалевский, автор книги «Поездка в село Тригорское в 1902 году». Позже портрет был передан в собрание Пушкинского дома Академии наук, откуда поступил в Михайловское, когда в нем открылся музей. При разгроме заповедника гитлеровцами в 1944 году он был увезен в Германию, откуда возвратился в октябре 1945 года в числе немногих других памятных вещей Тригорского.

ДЯДЬКА ПУШКИНА

Когда говорят о Пушкине, то невольно вспоминают имена его друзей, лицейских братьев, товарищей. И все же некоторых из них незаслуженно забывают, в особенности простых «маленьких людей» — спутников удивительной жизни Пушкина. А люди эти — интересные, настоящие, достойные светлой памяти. И первый из них — Никита Тимофеевич Козлов, дядька поэта.

Между прославленной няней Ариной Родионовной и дядькой Пушкина очень много общего. Они были потомственными крепостными крестьянами. Всю жизнь прожили при господском дворе. Состояли между собой в родстве. Никита Тимофеевич был женат на дочери Арины Родионовны Надежде Федоровне.

Родившись в 1770 году в нижегородской вотчине Пушкиных селе Большое Болдино, Козлов прошел весь путь тяжелой неволи крепостного человека, испробовал всю горечь беспросветной горюхинской нищеты, подвергаясь самым разнообразным превратностям жизни.

Будучи от природы любознательным и настойчивым, он самоучкой освоил грамоту. Малым мальчонкой был взят Сергеем Львовичем ко двору, причислен к дворне и скоро занял в ней не последнее место, ибо был грамотей, балагур и остряк. В начале своего поприща он был казачком: разжигал барину трубку, бегал на побегушках.

Потом возвысился и стал лампочником и, наконец, к семнадцати годам был возведен в ранг камердинера. Натура

поэтическая, он увлеклся игрой на балалайке и гитаре, не был лишен интереса к стихотворству и сочинял сказки.

В своих воспоминаниях сестра Пушкина Ольга Сергеевна так рассказывает о литературных опытах дядьки: «В доме деда и бабушки благоденствовала и процветала поэзия. Процветала она и благоденствовала до такой степени, что в передней комнате Пушкиных (комнате, где толпились слуги) поклонялись музе доморожденные стихотворцы... из многочисленной дворни обоего пола, знаменитый представитель которой, Никита Тимофеевич, поклонявшийся одновременно и богу Вакху, на общем основании состряпал нечто вроде баллады о «Соловье Разбойнике», богатыре широкогрудом Еруслане Лазаревиче и златокудрой царевне Милитрисе Кирбитьевне. Безграмотная рукопись Тимофеевича, в которой был нарисован в ужасном, по его выражению, виде Змей Горыныч, долгое время хранилась у моей матери...»

Мы не знаем подробного содержания этой баллады. Знаем только, что основой ее послужила древняя русская былина о русской удали, силе, любви, светлой победе доброго над злым.

Будущий автор «Руслана и Людмилы», который в те годы был от горшка два вершка, не раз слышал сказку своего дядьки, и она крепко запала ему в душу.

Никите было уже далеко за тридцать, когда Сергей Львович обратил на него особое внимание. Подраставшему сыну пришло время расстаться с нянькой. И вот Никита Тимофеевич объявляется дядькой маленького барина; ему доверили его растить, учить жизни, уму-разуму. С этих пор Никита Тимофеевич становится спутником всей жизни Пушкина, до его гробовой доски. Он был при маленьком мальчишке в Москве. Водил его на народные гулянья. Он заставлял своего «Сашку» лазать на колокольню Ивана Великого, показывал кремлевские древности и святыни. С Пушкиным-юношей он жил в Петербурге после лицей.

В дядьке своем Пушкин, по его словам, видел настоящего русского человека, услужливого, но без раболепства, чувствующего свое достоинство, самобытного, смышленного.

Познания дядьки были обширны. Его простая, умная речь обращала на себя внимание друзей молодого поэта.

Крамольные стихи — «Деревня», «Вольность», эпиграммы на «барство дикое» — Пушкин отдавал на сохранение верному своему дядьке. По свидетельству современников, они стали известны многим грамотным дворовым. Так, например, дворовый Алексей — дядька И. И. Пушина (друга Александра Сергеевича, будущего декабриста) — хорошо знал эти стихотворения.

О замечательном демократизме Пушкина, о его уважении к своему слуге свидетельствует событие, закрепившее навсегда дружеские отношения между ними.

В Петербурге в одном доме с Пушкиным жил его лицейский товарищ, барон, впоследствии граф, Модест Андреевич Корф — большой барин, крепостник. Однажды Корф ни за что ни про что побил Никиту Тимофеевича. Дядька прибежал жаловаться Пушкину. «Александр Сергеевич, — рассказывает об этом Павлищев, — вспылал и заступился за дядьку, вызвал Корфа на дуэль. На письменный вызов Пушкина Корф ответил по-французски: «Я не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы»... Буря, — продолжает свой рассказ Павлищев, — повела к тому, что Александр Сергеевич начал коситься на Корфа и стал его избивать».

Для Пушкина всякий простой человек, все равно, кем бы он ни был — кучером, кухаркой или ямщиком, — был прежде всего человеком, имевшим такое же чувство достоинства, как Корф и другие господа.

Никита Тимофеевич на всю жизнь запомнил его заступничество и вскорости отблагодарил Пушкина должным образом.

Царь Александр I, информированный агентурой, не превеличивал, когда при встрече с Е. А. Энгельгардтом сказал ему: «Пушкин наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь их читает. Пушкина надобно сослать в Сибирь!»

2 апреля 1820 года царь приказал генерал-губернатору Милорадовичу сделать обыск у Пушкина и, в случае необходимости, арестовать его. Полицейский сыщик Фогель, придя к Пушкину в его отсутствие, встретил Никиту Тимофеевича и стал просить почитать рукописи Пушкина. Фогель принужден был рьяным поклонником поэта, но Никита, предупрежденный Александром Сергеевичем о возможности такого визита, наотрез отказал Фогелю. Тогда сыщик стал предлагать Никите деньги, и немалые, — 50 рублей. Но Никита открыл дверь и выпроводил гостя.

Когда Пушкин возвратился домой, он увидел сияющего дядьку.

— Что так весел, Никитушка?

— Да как же не радоваться, когда беда ушла со двора... — И Никита рассказал Пушкину во всех подробностях о визите сыщика.

Об этой истории потом рассказывал Ф. Н. Глинка, состоявший при генерале Милорадовиче чиновником для особых поручений. Вот этот рассказ:

«Раз утром выхожу я из своей квартиры на Театральной площади и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как всегда, бодр и свеж, но обычная (по крайней мере при встречах со мной) улыбка не играла на его лице и легкий оттенок бледности замечался на щеках.

— Я к вам.

— А я от себя!

И мы пошли по площади. Пушкин заговорил первым.

— Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих пьесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый

дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему 50 рублей, прося ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, и я взял да и сжег все мои бумаги...»

Ф. Н. Глинка сообщал также, что Пушкин из рассказа Никиты Козлова о таинственном посетителе сразу понял, что над ним нависла угроза и дело пахнет Аракчеевым, Сибирью или Соловками.

Наступили тревожные дни...

5 мая 1820 года А. И. Тургенев сообщил П. А. Вяземскому: «Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется в ссылку».

Царский приказ был строг. Сборы были недолги.

— Что ж, едем, Тимофенч?

— Едем, батюшка!

— А куда едем, знаешь, старче?

— Да по России, куда ж еще! — отвечал Никита.

6 мая Пушкин и Никита Козлов покинули Петербург. До Царского Села вызвались проводить друзья — лидейские братья Дельвиг и Яковлев. В Царском долго прощались. Спрыснули дорожку, чтоб пыльно не было. Наконец селые сели на перекладные и по скучному белорусскому тракту тронулись в далекий, далекий путь. В дороге сразу же скинули городское платье: Пушкин — свой городской сюртук, Никита — свою «ливрею». В красных рубашках, опоясках и высоких сапогах, порт и его дядька выглядели довольно забавно...

17 мая прибыли наконец в Екатеринослав. Остановились в дурном трактире, где их чуть заживо не съели клопы. В городе было пыльно и душно. С утра отправились купаться на Днепр.

Пушкин любил уплывать далеко. Никита волновался, кричал, умолял держаться ближе к берегу... В одну из поездок на лодке, после кунаря, Пушкин схватил ли-

хорадку. Несколько дней пролежал в бреду. Никита натирал больного водкой, бегал в больницу за порошками. Спасибо, подъехали Раевские. С ними после выздоровления поехали дальше.

Как-то, стоя на берегу Днепра, Пушкин и Тимофенч смотрели, как два скованных железными цепями арестанта — побочные сыновья помещика Засорина, ставшие разбойниками, — спасались вплавь через Днепр. Этот эпизод запомнился поэту и его дядьке. Позже он послужил Пушкину основой для поэмы «Братья-разбойники».

Однажды, несколько месяцев спустя по приезде в Кишинев, Пушкин рассказал об этом в кругу своих знакомых. Кто-то из присутствующих выразил сомнение в возможности такого побега. Тогда Пушкин крикнул Никиту:

— А ну, Тимофенч, расскажи им, как мы с тобой смотрели арестантов на Днепре! — И Никита Тимофеевич подтвердил справедливость повествования Пушкина. Об этом можно прочитать в «Материалах к биографии Пушкина», подобранных в 1851 году Баргеновым.

В Кишиневе Никита жил в одной из двух комнат, отведенных Пушкину в доме его начальника генерала Инзова, почтенного, доброго старика. Никита Тимофеевич делил с Пушкиным все тяготы, лишения и нужду. А тягот было немало. Трудно было вольному поэту переносить притеснения со стороны власть имущих, начальства, церкви. Ему, числившемуся на государственной службе, полагалось регулярно ходить в церковь, в местный архиерейский дом или, как там его называли, «Митрополию», нужно было говеть, исповедоваться. Это было обязательно. Неисполнение наказывалось.

«Дай, Никита, мне одеться: в «Митрополию» звонят!» — писал Пушкин в одном из своих шуточных стихотворений, семеняющих местные кислые нравы и обычаи. Он любил читать эти стихи вслух, подражая глухому басу церковного колокола.

Из письма Никиты Тимофеевича Козлова, «Главного камердинера Его высочайшего Александра Сергеевича Пушкина к супруге моей Надежде Федоровне Козловой из г. Одес 15 сентября 1823 года.

Милостивая государыня супруга моя Надежда Федоровна!

Пишет ваш законный муж Никита Тимофеевич! Долгота разлуки нашей сделала меня несчастным человеком, но, не смотря на плачевное состояние мое, я жив и здоров, чего и вам от господа бога желаю. Извещаю вас, что мы теперь перебрались в другой город, именуемый Одес. Жизнь наша имеет мало покоя. Слова мои весьма бессильны и не могут стремиться к вам с необходимой ясностью, потому что жизнь эта полна смятения и беспокойства. Но никто как бог и его святые угодники! Разлетятся все суетные привидения, и пути наши прояснятся! Посылаю я к вам 15 рублей для утешения. В здешних краях деньги весьма дороги, и мы всегда терпим от них многие неприятности и обиды.

Кланяюсь вам низко. Муж ваш Никита Тимофеевич.

Еще низко кланяемся вашей родной матушке Ирине Родионовне и моей дорогой куме, еще кланяюсь Михаилу Ивановичу с детками его и всем родственным и соседям.

Супруг ваш Н. Козлов.

Писано в г. Одес.

Жизнь Пушкина, «опального вольнодумца и афеиста», закончилась на юге ссорой с «придворным холопом и мелким эгоистом» — графом М. С. Воронцовым. Это и привело к ссылке в Псковскую губернию, в село Михайловское.

29 июля 1824 года одесский градоначальник граф Гурьев прислал Пушкину бумагу. Эту бумагу предлагалось немедленно подписать.

Никита развернул пакет, надел очки и стал читать: «Нижеподписавшийся сим обязывается по данному от г. одесского градоначальника маршруту без замедления отправиться к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде по своему произволу... На сей путь числено прогонных на три лошади триста восемьдесят девять рублей четыре копейки.

Получил.....

Коллежский секретарь .....

— Ну, и слава тебе, господи! Хотя и не густо отвалили... — И Никита, перекрестясь, положил бумагу на письменный стол Александра Сергеевича.

В дорогу собирались спешно. Никита бегал к разным лицам с записочками Пушкина об одолжении 20, 30, 50 рублей... На деньги, взятые у Веры Федоровны Вяземской, купили дорожную, модную, даже щегольскую, коляску. «Потом кому-нибудь продадим», — заметил Пушкин.

Наконец всё было кончено. 31 июля утром шикарная карета, запряженная тремя старыми казенными одрами, ехала по улицам шумной, чванливой Одессы.

В карете сидели двое — один молодой, маленький, смуглый, с голубыми чуть навывкате глазами, другой высокий, степенный старик. «В желтых нанковых, небрежно надетых шароварах, в русской цветной измятой рубашке, подвязанной вытертым черным шейным платком, Пушкин показался мне при встрече в Чернигове похожим на своего бедно одетого слугу...» — писал юноша Подольский своим родным о встрече на дороге с Пушкиным.

Ехали долго, через многие губернии. Проехали Елизаветград, Кременчуг. Не доезжая до Кременчуга, на станции Семеновой, Пушкин крикнул Никите: «Вспомнил! Стой! Ночевать будем здесь. Будешь ждать меня!» А сам верхом, без седла, на почтовой лошади, не снимая хомута, поскакал к своему товарищу Родзянке, жившему отсюда в четырех верстах... Только Родзянки дома не было. Вернулся скоро,

и сразу же тронулись дальше. Проехали Прилуки, Нежин, Чернигов, Оршу, Витебск, Полоцк. Мужики и бабы, работавшие в поле, с удивлением рассматривали страшную пару... В дороге изрядно обносились. Похудели.

Наконец 9 августа показались холмы Опочки. Дальше казна отказывалась везти на своих лошадях. Нужно было дать знать в Михайловское. Подождали в трактире у Лапина и, как прислали лошадей, тронулись восвояси.

На другой день после приезда Никита был вызван в кабинет к старому барину на расправу.

Сергей Львович бегал по комнате, размахивал руками и кричал:

— Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, ничего не донес о сыне... Как ты исполнял свою должность! Ах ты, развратный старый черт! Да я тебя пошлю свиной пасти! Прочь с моих глаз... На конюшню... Выпороть стервеца!

Разжалованный Никита был отнят у Александра Сергеевича и вскоре отправлен в Петербург «с сельскими припасами». Впоследствии он был назначен в услужение Льву Сергеевичу.

Как жил Никита Тимофеевич у Льва Сергеевича, мы знаем очень мало, да и жил он с ним недолго...

«Утром достопамятного 14 декабря 1825 года, — рассказывает сын Ольги Сергеевны А. Н. Павлищев, — дядя Лев исчезает из родительского дома...» Как известно, Лев Сергеевич оказался на Сенатской площади. Туда же направился и Никита.

В этот день было много любопытных, толпившихся около Сенатской площади, глазевших из соседних улиц на «действие». На стройке Исаакиевского собора — и на лесах, и возле них — толпились рабочие, разного рода мелкие служащие, дворовые. Тут же устроился и Никита Тимофеевич, симпатии которого были всецело на стороне восставших. Среди них было много друзей Александра Сергеевича. Неко-

торых он хорошо знал... Он увидел, как Лев Сергеевич появился в центре площади, занятой восставшими, подошел к Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру. Заметив Льва Сергеевича, Кюхельбекер, указывая на Пушкина Одоевскому, крикнул: «Господа, примем и этого молодого воина!»

Потом началась пальба и душегубство, и Никита в ужасе побежал домой.

Весть о восстании дошла и до Сергея Львовича. Когда он заметил отсутствие Льва Сергеевича, страшное подозрение зашевелилось в его душе...

— Никиту! Позвать мне Никиту! — истошно завопил он.

Никита долго не появлялся. Наконец, как рассказывает Павлищев, «знаменитый Никита Тимофеевич явился к деду в кабинет с растрепанными чувствами».

— Где ты пропадал?

— Виноват, — ответил Никита, — ей-богу у ворот стоял!

— А Леон Сергеевич где?

И тут Никита доложил, что на Сенатской площади солдаты передрались и искалеченных видимо-невидимо, а губернатор Милорадович уже на том свете, а Лев Сергеевич там...

«Никита, — продолжает свой рассказ Павлищев, — видя, что произвел эффект, напустил на себя пушью важность и занялся причитанием: «Красное солнышко, ты батюшко, Сергей Львович! Душенька моя переворачивается, что моего ненаглядного Левона Сергенча нет. Где он пропадает, родименький?» Сергей Львович от такого причитания напугался еще больше и рассудил тут же попотчевать причитальщика здоровенной тукманкой и бежать за Львом немедленно».

Лев Сергеевич, слава богу, остался жив. Из этой истории он выпутался безнаказанным.

Зимой 1826 года Никита Тимофеевич выехал с Сергеем Львовичем в нижегородское имение Пушкиных, где Сергей Львович входил во владение селом Кистеневом. По распоряжению барина «за усердие и расторопность» Никите был

пожалован бараний тулуп, о чем и «в амбарную книгу было записано».

Сидя в заснеженном Кистеневе, Сергей Львович заставлял Никиту по вечерам сказки сказывать, толковать сны: Никита считался большим мастером этого дела. В одном из своих писем Сергей Львович писал: «Я сильно беспокоился о Саше, да и теперь беспокоюсь, потому что видел сегодня во сне, будто он женился. Рассказал я свой сон Никите, а этот старый хрен: «Батюшка, ясное солнышко ты наше, Сергей Львович! Сон ведь твой не к ладу!» Знаешь манеру нашего Никитки утешать...»

В сентябре 1826 года, на радостях по случаю освобождения сына из ссылки, Никита Козлов, по распоряжению Сергея Львовича, вновь назначается в услужение к Александру Сергеевичу. Никита жил с ним в Москве в период сватовства к Н. Н. Гончаровой и после женитьбы неотлучно был при нем в Петербурге.

Он наблюдал за Пушкиным, как за ребенком. Гордился его славой, гремевшей по всему государству, гордился собой и свое «я» неразрывно связывал с именем великого поэта. Он ревностно оберегал все, что ему было доверено.

В середине июня 1830 года в Москве на квартиру Пушкина как-то зашел с визитом его приятель князь В. Голицын. Пушкина не оказалось дома. Голицын разговорился с Никитой. Тот, хорошо зная Голицына, обстоятельно рассказал о житье-бытье своего Александра Сергеевича и сообщил о том, что вскоре будет свадьба. Свою беседу с Никитой Тимофеевичем Голицын описал в стихах:

«Кн. Голицын.

Никитушка, скажи, где Пушкин царь-поэт?

Никита.

Давным-давно, сударь, его уж дома нет,

Не усидит никак приятель ваш на месте:

То к дяде на поклон, то полетит к невесте.

К н. Голицын.

А скоро ль женишься твой мудрый господин?

Никита.

Осталось месяц лишь гулять ему один...

Вот моя беседа с Вашим камердинером. Я продолжил бы ее в стихах, если бы не так стремился сказать Вам прозой, как бесконечно я раздосадован, что не застал Вас дома. Всего лучшего! Вл. Г.».

Особенно ревниво хранил Козлов книги Пушкина, его рукописи, переписку. Он считал себя чем-то вроде секретаря поэта. Временами даже переусердствовал. Однажды он, по просьбе Александра Сергеевича, так припрятал некоторые его книги, что Пушкин никак не мог их найти.

В январе 1832 года он писал из Петербурга в Тригорское Прасковье Александровне: «Велите спросить наших людей в Михайловском, нет ли там еще сундука, посланного в деревню вместе с ящиками моих книг. Подозреваю, что Архип (садовник) или кто-либо другой утаивает его по просьбе Никиты, моего слуги. Он должен заключать (я разумею сундук, а не Никиту) его платье и пожитки, а также и мои веши и еще несколько книг, которых я не могу отыскать...»

В конце января Осипова в ответ на это письмо пишет: «В сундуке, который, как говорят, принадлежит Никите, я нашла лишь те книги, которые я вам послала, и поломанную чайницу. Но я велю сделать обыск — мне хотелось бы знать, какого вида был сундук Никиты, так как очень может быть, что мне подсовывают другой, а настоящий прячут».

Для старого дядьки тридцатилетний Пушкин был таким же мальчиком, ребенком, требовавшим отеческой заботы, каким он был двадцать пять лет назад.

В последние годы жизни Пушкина Никита был уже не старейшим балагур и весельчак, а импозантный, строгий и

к себе и к людям старик. Он сознавал, кем был Пушкин в его царстве-государстве.

В 16-м томе академического полного собрания сочинений Пушкина, в письме неизвестного к поэту, датированном 19 июля 1836 года, мы читаем любопытные строки о старом, заботливом дядьке. Неизвестный пишет: «Я к Вам заходил на прошлой неделе, но благообразный служитель Ваш доложил мне, что Вы, живя теперь на даче, редко заезжаете сюда, и то, говорит, покажетесь — как огонь из огнива. Поэтическое сравнение это напомнило мне пословицу „Tel maître — tel valet“» *.

Когда в 1833 году Пушкин, работая над «Историей Пугачевского бунта», предпринял тяжелое путешествие в Оренбург, он не решился взять с собою дядьку, жалея его старые кости. Но в пути он не раз вспоминал славного Тимофеича, его заботу и ласку. Молодой слуга, взятый в дорогу взамен

---

* Каков хозяин — таков и слуга (франц.).

Козлова, оказался человеком никудышным. «Он через день нян, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом», — писал Пушкин жене 10 сентября.

В своей «Капитанской дочке» в образе старого Савельича Пушкин несомненно запечатлел незабвенные черты своего доброго, заботливого Тимофеича.

Единственно, чем он утруждал Никиту в последние дни, — это беготней по делам своего доброго детища — журнала «Современник». А беготни было много. Пушкина жестоко жала цензура. Приходилось по двадцать раз посылать рукописи, гранки набора в цензуру, типографию.

В апреле 1836 года, в день порохов матери, Пушкин сказал сопровождавшему его дядьке, что внес в монастырскую казну деньги за место для собственной могилы, и указал, где надлежало положить его тело, буде он печально умрет.

Старый Никита, конечно, не знал, на краю какой пропасти стоял Пушкин в эти последние его дни. Борьба поэта со всем «свинским» Петербургом неумолимо вела его к гибели. Умудренный годами Никита чувствовал сердцем эту беду. Но чем он мог помочь затравленному, погибающему человеку?

Велико и безысходно было горе старого дядьки в тяжелые январские дни 1837 года. В. А. Жуковский рассказывает, что, когда карета с Пушкиным подъехала к дому, на крыльцо выбежал растерянный Никита. Он взял Пушкина, как ребенка, на руки и, горько плача, понес по лестнице.

— Грустно тебе нести меня? — спросил у него Пушкин.

Мы не знаем, что ответил ему Никита. Вероятнее всего, сильнее зарыдал...

Всю ночь и весь день и опять всю ночь Никита бегал по городу к докторам, к аптекарю, в лавку за морошкой, которой попросил умирающий...

Когда Пушкин скончался, Никита безотлучно стоял около гроба, и, по свидетельству современников, «рассказывал публике всем теперь известные эпизоды смерти Пушкина».

На другой день после отпевания он снял с крышки гроба шляпу с плюмажем Пушкина и отнес ее, как драгоценную реликвию, знакомому Пушкина Н. Тарасенкову-Отрешкову.

Вместе с А. И. Тургеневым Никита Тимофеевич проводил поэта в последний путь.

«3-го (15-го) февраля, — рассказывает А. И. Тургенев, — в полночь, мы отправились из Конюшенной церкви с телом Пушкина в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы».

Жандарм приказал лететь быстро, нигде не задерживаться. Ходили слухи, что в Пскове народ хочет распрячь лошадей и нести гроб на руках до Святых Гор.

— Шкуру сдеру, ежели что, — шипел жандарм, давая напутствие ямщикам.

И кони летели. За Псковом пала одна из лошадей. Пришлось задержаться в Острове.

Морозы в тот год стояли лютые. А Никита как встал на задок возка, прижав головой к гробу, так и застыл. На что уж жесток был жандармский офицер Ракеев, сопровождавший гроб Пушкина, и тот был потрясен, видя доброго старика еле-еле живого.

«Человек у него был, — вспоминал Ракеев, — что за преданный был слуга! Смотреть даже было больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: не ест, не пьет...»

5 февраля, в десятом часу вечера, взмыленные кони остановились у ворот монастыря. Монастырь спал. Игумен

распорядился внести гроб в верхнюю церковь. Никита побежал в Михайловское, чтобы собрать людей рыть могилу. Возвратясь, всю ночь простоял у гроба, распоряжался устройством могилы. Говорил Тургеневу: «Александр Сергеевич приказывал хоронить здесь, возле матушки...»

Рано утром другого дня гроб Пушкина был вынесен из соборного придела на руках крестьян и опущен в свежерытую могилу.

Плакали крестьяне. Плакал Никита. Плакал древний колокол.

После панихиды Тургенев попросил Козлова приготовить ему узелок земли и еловую ветвь, чтобы увезти с собою в Петербург...

Всё было кончено. Тургенев уехал. Никита остался, чтобы отслужить панихиду в своем церковном приходе, на Ворониче.

В Михайловском были поминки: пришли все дворовые и крестьяне пушкинских деревень.

Как он ехал обратно, как добрался до Петербурга, Никита помнил плохо. Приехав — заболел простудною болезнью и чуть богу душу не отдал.

И. И. Панаев, будущий редактор «Современника», которому пришлось вместе с Краевским и Сахаровым заняться разборкой книг в кабинете Пушкина, вспоминает о Никите Козлове:

«Во время наших занятий на пороге двери кабинета появился высокий седой лакей. Он вздохнул и, покачивая головой, завел с нами речь: «Не думал я, чтобы мне, старику, пришлось отвозить Александра Сергеевича... Я помню, как он родился, я на руках его нашивал...» И потом старик рассказал нам некоторые подробности о том, как они везли тело, в каком месте Святогорского кладбища погребено оно и прочее».

Дом Пушкина без Александра Сергеевича был не дом для Никиты. Всё в нем было чужое и как бы пустое. И вот,

узнав, что над имуществом и сочинениями Пушкина организована опека, а в опеке всеми делами заправляют Жуковский, Виельгорский и Тарасенков-Отрешков, Никита пришел к ним на заседание.

Упав на колени, он протянул им свое заявление, в котором просил «не оставить его, старика, своею милостью».

— Да что вы, голубчик. Встаньте! Не нужно так, — обратился к старику Жуковский.

— Заставьте богу молиться, возьмите хоть рассыльным. Я ведь и прежде много употреблялся Александром Сергеевичем по таким делам.

Просьбу старого дядьки уважили, и он был зачислен в опеку рассыльным. В протоколе заседания опеки об этом записано так: «Для надзора за движимым имуществом А. С. Пушкина и для употребления по необходимым рассылкам по изданию сочинений его нужно нанять отдельного человека. Для сего надежнее было бы назначить крепостного человека его Никиту Тимофеева, и прежде употреблявшегося Пушкиным по таким же делам, назначить ему и жене его обоим 30 рублей ассигнациями харчевых, считая со дня употребления его, а именно с 1 февраля 1837 года, с производством жалованья обоим 40 рублей в месяц, считая с того же 1 февраля».

Так и после смерти Пушкина Никита Тимофеевич Козлов продолжал состоять по литературным делам покойного!

В мае 1837 года он упаковывает и перевозит в кладовые Гостиного двора рукописи «Пугачевского бунта». В марте 1838 года он едет к детской писательнице Ишимовой с поручением доставить письмо к ней Пушкина, написанное за час до дуэли. В мае 1839 года он доставляет в опеку из Экспедиции заготовления государственных бумаг тираж первого издания сочинений Пушкина. В 1840 году едет в Москву к Соболевскому «с нужными бумагами». В 1841 году упаковывает и перевозит из Петербурга в Михайловское библиотеку поэта. В 1842 году он сопровождает жену и де-

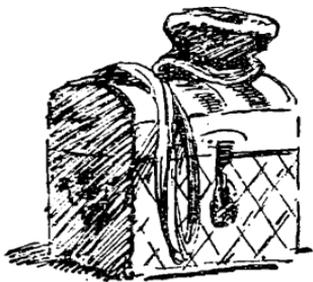
тей Александра Сергеевича в Михайловское, ведет детей в Святогорский монастырь, рассказывает им, где «отдал он земле тело их дорогого батюшки».

В 1848 году Никита Тимофеевич явился с визитом к сестре Пушкина О. С. Павлицевой, сетуя на свое житье-бытье. «Он пришел, рыдая целовал мне руки», — говорит об этой встрече Ольга Сергеевна.

В последний раз имя его упоминается в воспоминаниях Ольги Сергеевны, написанных ею 26 октября 1851 года. В этих воспоминаниях Ольга Сергеевна пишет: «Никита Тимофеевич — курьер при опекунстве, старик лет 80-ти, еще живой».

Умер верный друг великого поэта в 1854 году в возрасте 84 лет. Перед смертью он просил жену похоронить его в Святых Горах, в ногах Александра Сергеевича.

Была ли исполнена эта просьба, мы не знаем, да и вряд ли когда узнаем!

«ОТМЩЕНЬЯ, ГОСУДАРЬ, ОТМЩЕНЬЯ!»

1837 год начался для царя беспокойно. Смерть Пушкина. Одни похороны чего стоили правителю!.. Ему казалось, что прощание народа с телом покойного поэта сулило вылиться в бунт. Царь был твердо уверен, что Пушкин и после смерти продолжал производить смуту в государстве. И он принимал всякие меры, чтобы предотвратить действия «либералистов». А все эти подметные письма, разные стихи на смерть поэта... Особенно эти... как его... Лермонтова: «Отмщенья, государь, отмщенья...», «...есть божий суд...», «...вы не смаете всей вашей черной кровью...». Кто это «вы»? Кому отмщенье? Ведь я же осудил Дантеса, разжаловал, выслал его из России, заставил покинуть Петербург и эту каналью Геккерна... А кто обеспечил осиротевшую семью, кто дал приказание отпечатать все его сочинения за счет казны? А кто погасил долги Пушкина, устроил судьбу его малолетних детей?.. «Отмщенье»? А разве не я отмстил его недругам? Я поверил в него... А может быть, все же было бы лучше разрешить ему в свое время покинуть Петербург и уехать в пековскую деревню? Пусть бы жил помещиком...

Так думал Николай. Совесть подсказывала ему, что с поэтом он поступил коварно. И дуэль можно было бы предотвратить, а с похоронами он поступил и вовсе нехорошо... Единственный, кто всегда успокаивающе действовал на раздраженное сердце царя, был Александр Христофорович Бенкендорф — «мое левое око», — как любил говорить о нем Николай.

Шеф жандармов имел право появляться к царю во всякое время дня и ночи. С ним он говорил обо всем. Так было заведено с того злосчастного 1825 года... Он всё знал. У него были тысячи глаз и ушей во всех уголках страны. Из секретных донесений осведомителей, доносителей, шпииков Бенкендорф самолично составлял для царя резюме. И каждое утро, и каждый вечер он являлся к нему в кабинет и докладывал, что и где случилось. Вся жизнь Пушкина — личная, домашняя, интимная — не раз была предметом бесед царя с его «левым оком»...

Во время одного из весенних парадов Бенкендорф жестоко простудился, долго болел, и лейб-медик Арендт говорил царю, что шефу еле-еле удалось уйти из объятий смерти... Император перепугался и объявил ежедневное церковное служение в дворцовой церкви, а в придворный поминальник «о здравии» собственноручно вписал имя «раба божьего Александра». Кто это, знал только он один, другие не знали или делали вид, что не знают...

Что это — возмездие?!

А потом пришла весна и с нею тяжелая болезнь и нервные припадки царицы, которые делались все чаще и чаще с того памятного 1825 года. На пасхальной неделе императрице совсем стало плохо, и ее чуть не на руках пришлось отправить из Петербурга в петергофскую Александрию, где она долго отлеживалась в Фермерском дворце на попечении придворных лекарей. Возмездие?!

На летних маневрах случилась опять беда. Объявив тревогу уланам, он как бешеный поскакал к приготовленному просмоленному столбу, который надлежало ему зажечь и тем объявить начало тревоги. Конь испугался факела, взвился на дыбы, шарахнулся в сторону, упал, задавил ординарца и чуть ему, царю, не свернул шею...

В августе Николай отправился на юг, где должны были состояться самые большие маневры 1837 года. Выехав из Царского Села 13 августа, он направился в Псков, там ему

была приготовлена торжественная встреча — с колокольным звоном, крестным ходом, иллюминацией. 15 августа он прибыл, «всемиловейше» принял губернатора, осмотрел древности, храмы, тюрьму. Просмотрел списки местных помещиков и отметил про себя именно Пушкиных... Проезжая по Киевскому шоссе мимо поворота на Святогорье и Новоржев, он, обратясь к губернатору Пешурову и указывая на дорожный столб с надписью, спросил: «А там что?..» — и, не дожидаясь ответа, дал шпоры копыту...

Вспоминая поездку с царем на юг в 1837 году, Н. Ф. Арендт рассказывал, что в тот несчастный год, будучи на Кавказе, царь чуть было не свалился с горы в пропасть, когда почтовые лошади близ Тифлиса, чего-то испугавшись, бешено понесли коляску с высокой горы под откос. Царь сидел в коляске с графом Орловым... Все бывшие тогда в свите сочли спасение чудом, а царь смутно почувствовал в нем новое предзнаменование...

Как-то, по возвращении с юга, царь и шеф вечером в Зимнем перебирали донесения иностранных и отечественных агентов.

— Друг мой, — заметил Николай, — ты представить себе не можешь, как я устал от ожидания какой-то беды...

И беда наконец-таки пришла.

Конец 1837 года. Весело ожидали придворные и весь сановный Петербург рождественских праздников! Как всегда, ждали рескриптов, орденов, повышений по службе, балов, катанья с гор на Неве...

И вдруг, как гром среди ясного неба, раздался по всей столице звон набата. Запылал Зимний дворец. Это случилось в ночь на 17 декабря. Огонь быстро охватил все здание, всю тысячу его комнат. Огромное зарево зловеще осветило город. Гудели колокола всех церквей. С верков Петропавловской крепости били пушки. Отсвет пожара был виден чуть ли не за сто верст от столицы.

Гвардия оцепила площади и главные улицы. Въезд в город был закрыт. В церквях приказано было непрерывно служить молебствие о спасении царя добра. Корпус жандармов повсюду рассылал агентов: царю и жандармам мерещились темные силы, поджигатели, мятежники.

Царская резиденция горела целую неделю. Николай смотрел из окон Адмиралтейства, как огонь уничтожал императорскую сокровищницу, как выносили из пылающего здания портреты царей и цариц, их регалии.

Простой народ видел в пожаре божью кару. По городу ползли слухи, что в огне «погиб царский трон», что-де «сгорел целый полк гвардии»...

Когда пожар прекратился, Дворцовая площадь представляла собой картину настоящего светопреставления.

Через несколько дней царь приказал министру двора собрать всех министров и сенаторов в Аничковом дворце. Он вошел в залу своим обычным, твердым солдатским шагом. Сумрачным взглядом оглядел собравшихся и замер. Вместе с ним замерли все присутствующие, и вдруг он крикнул, и этот крик прозвучал в зале как вопль:

— Господа! Не стало колыбели моих предков. Мой Зимний дворец испепелил огонь. Но бог взял, он и даст вновь, ибо бог всегда со мною! Разумейте языки и покоряйтесь яко с нами бог!.. Посему решили мы незамедлительно приступить, под его благословением, к возобновлению нашей резиденции по примеру предков наших... Не шадя ничего. Ничего...

Потом был оглашен указ: впредь столичные художники всех рангов и званий передаются в ведение собственной его величества канцелярии. Никто из художников без разрешения ее не имеет права распоряжаться собою, пока не будет восстановлен главный дворец империи.

Этот указ касался не только архитекторов, живописцев, скульпторов, декораторов, но и мастеров иных цехов — каменного, графельного, монументального, мозаичного, ве

исключая даже тех мастеров, которые изготавливали могильные надгробия. Так в числе огромной армии художников и мастеров, мобилизованных на выполнение государева приказа, очутился и тот «петербургского монументального вечного цеха» мастер Пермагоров, которому потом, три года спустя, судьбою было начертано соорудить памятник на могиле Пушкина в Святых Горах.

СТРАННЫЙ ПИЛИГРИМ

Святогорская обитель всю ночь бодрствовала. Игумен носился по всем монастырским дворам — и Святому, и Торговому, и тому, где была всякая будничная монастырская суета — погреба, квасоварня, заезжий двор, кордегардия. И всюду наводил порядок. В братском корпусе и кельях всё мыли, скребли, постилали на полы свежую солому, курили смолу, чтобы вытравить скверный мужской дух. В Успенском соборе послушники заправляли лампы, паникадила, начищали мелом ризы, натирали образа постным маслом. Регент — отец Агафон, по прозвищу «Исчадие», — репетировал духовный концерт Бортнянского «Сей день его же сотвори господь»... Сонные певчие были нерадивы. Отец Агафон кричал на них, то и дело оглядываясь по сторонам, нет ли поблизости игумена...

— Отец Агафоний! — раздался вдруг из притвора голос игумена. — Вы же в храме божем, а не на скотном дворе, помягче надобно!

— Стараюсь, святой отец, видит бог, стараюсь, да только мочи нет с этим велегласием, истерзали они меня своей фальшивостью.

Отцу игумену нужно было всюду поспеть, за всем приглядывать. Ведь приказ-то, приказ какой строгий! Сам его превосходительство губернатор... Да что там губернатор — сама консистория, его высокопреосвященство епископ Нафанаил приказали навести порядок в обители. И приказали под страхом большого их гнева. Пишут, что приедет какая-то

важнейшая персона, какой-де в обители доселе не бывало, а кто едет — не пишут... Господи, неужто какой прииц?.. Или, может, сам патриарх цареградский? А вдруг ревизор из Святейшего синода? А вдруг, свят, свят, свят... сам государь? Пропали мы тогда! При этой мысли Геннадий осенил себя крестом и произнес вслух: «Боже, милостив буди мне грешному, спаси и помилуй!»

Наступил час ранней обедни. Зазвонил колокол. Все монахи стали по своим местам.

Наскоро справив службу, послушники стали выпроваживать из церкви старух богомолки и нищих, которые пришли на обедню погреться.

— А ну, давай отседова! — рявкнул на них келарь. — Помолились, и хватит... Не до вас тут!.. Эй, Михайло, — крикнул он привратнику, — выдвори скорее всех и держи ворота взаперти, пока владыко не прикажут!

На дворе было начало марта. Дорога вдоль слободы, покрытая глубоким снегом, совсем раскисла. За ночь снег подхватило морозом, и она вовсе стала непроезжей — сплошные ухабы. Мужики, которых волостное начальство согнало с окрестных деревень, поправляли лопатами и железными пешнями проезжую часть пути. Волостной исторавливал, грозился, страдал казнями египетскими. Вдруг кто-то крикнул: «Едут, едут!», и народ бросился врассыпную.

Со стороны Пскова показался большой конный поезд. Уморившиеся от бездорожья кони еле тащили большие крытые сани. По сторонам их скакали верховые офицеры, солдаты и какие-то другие чиновные люди. Позади катилось еще несколько саней. Поезд подъехал к Святым воротам обители и остановился. Ударил большой соборный колокол. Звон его подхватили все пятьдесят колоколов четырех святогорских храмов. Ворота распахнулись, и из монастыря вышел игумен — отец Геннадий, держа в руках чудотворную икону святогорской владычицы и приснодевы. Вслед за игу-

меном показалась монастырская братня и встала чин за чин по сторовам ворет.

Из головных сапей легко выскочил необыкновенно высокий и красивый молодых лет человек, с живыми черными глазами, черными волосами до плеч и небольшой бородкой. Он был одет в зимние одежды, какие носили в те времена важные лица духовного звания. Но что-то в фигуре прибывшего было недуховное, говорящее о мирской жизни, о власти...

Приезжий подошел к игумену под благословение и приложился к иконе. Игумен передал образ рядом стоявшему священнику и протянул руки гостю. Паломник и игумен обнялись и троекратно поцеловались. Братня отвесила гостю глубокий княжеский поклон. Гость ответил таким же поклоном и произнес: «Мир вам!»

Под благословение подошли и двое из свиты, одетые богато, но как-то не по-русски, в меховых жупанах с цветными кушаками, в высоких шапках...

— Благословен грядый во имя господне, — воскликнул нараспев игумен и сделал гостю жест, приглашающий на Святой двор.

Подойдя к лестнице, ведущей к соборному храму, гость обратился к игумену:

— Владыко, а где здесь могила великого русского певца Александра Пушкина?

Игумен вздрогнул, услышав имя Пушкина, но сделал вид, что вовсе не удивлен вопросом.

— Сюда, пожалуйста, — ответил Геннадий и указал на паперть собора.

— Я приехал поклониться светлому имени Пушкина и его праху. Хочу отслужить панихиду...

Геннадий молчал, не зная, что и говорить.

Гость продолжал:

— Я дал обет... Хора не нужно. Пусть всё будет наше, по-простому... Петь будут мои молодцы, — и он кивнул в сторону тех двоих.

Войдя в ризницу, гость снял верхнюю одежду и велел подать ризы. И тут отец Геннадий совсем растерялся. «Кто сей? — вопрошал он себя. — Господи, кто сей?» Игумен с изумлением увидел, как высокому черноволосому человеку стали подавать богатые одежды архиепископа...

— Ваше высокопреосвященство... — начал было он, но гость не дал ему закончить фразу:

— Его отпевали здесь?

— В приделе, — ответил игумен.

— Вот там и служить будем, — добавил архиепископ, выходя из ризницы.

Священнослужители выстроились рядами, и все чинно направились в тот придел, где еще совсем недавно, в студеный февральский день, перепуганный строгими приказами из Петербурга и Пскова, он, игумен Геннадий, поторапливаемый жандармским офицером, наскоро отслужил заупокойную по убитому поэту и распорядился побыстрее опу-

стить его в землю, чтобы немедля и куда следует донести, что всё исполнено им в точности и со всею усердностью и что никаких особых церемоний в Святогорской обители в этот день не было...

Служба началась. Владыка-гость служил истово. Подпевал хору. Отец Геннадий и его священнослужители старались делать всё в такт архиерею и тоже стали подпевать. За ними в хор включились остальные присутствующие. Звучала печальная заукокойная песнь. Ее подхватили соборные голосники. Казалось, что пели не только люди, но и камни стен и сводов древнего храма...

Служба закончилась. Гость попросил отца Геннадия провести его на кладбище, к могиле Пушкина.

«Господи, ну кто же он?» — вопрошал себя игумен, направляясь к кладбищу.

Подойдя к свежей могиле, прикрытой зеленым ельником, гость остановился около маленького деревянного креста, стал на колени, склонил голову до земли и долго стоял так. Поднявшись, он взглянул на небо и, помолчав, стал говорить стихами, но не по-русски, хотя в его речи было много русских слов:

Над звезданим многостручним сводом,
вад домаком умнога погледа,
под врховним небосклоном неба,
где се млада непрестано суца
искресана руком магическом,

Тамо се је твој гениј зачео...

— Братя, — продолжал он по-русски, — здесь лежит сердце великого поэта Александра Пушкина. Он мой духовный брат. Нет сегодня живого Пушкина. Но он среди нас, и всегда будет его тень с нами. Поклонимся же его святому праху и воспоем ему вечную память, ибо, поя славу Пушкину, мы поем славу его матери — великой России. Аминь!

— Аминь, — подхватили сопровождавшие.

— Аминь, — тихо прошептал игумен и вновь про себя подумал: «Господи! Кто же сей?..»

* * *

Кто же был этот странный гость, откуда он прибыл, и как это могло случиться, чтобы он — такое высокое сапожное духовное лицо — вдруг отслужил панихиду по крамольному Пушкину, говорил о нем такие странные недозволенные речи?..

Это был Петр II Негош — светский и духовный правитель Черногории, ее виднейший государственный деятель.

В истории Черногории он был известен своей успешной политикой ликвидации племенной разобщенности, он создал новый, более прогрессивный государственный аппарат, искоренял междоусобные распри и кровную месть, от которых страдали народ и государство. Насаждая культуру и просвещение, он содействовал упрочению независимости Черногории, вячески укреплял связи с Россией. В 1833 году он приезжал в Россию, где был принят царем Николаем I. В Петербурге Негош был посвящен в архиепископы и возведен в сан «Владыки Черногорского».

Но Петр Петрович был не только правителем Черногории, он был крупнейшим представителем сербской литературы XIX века, величайшим поэтом, любимцем своего народа. Он воспевал свой гордый народ, его многовековую борьбу против турецкого ига. Многие его стихотворения посвящены России. Негош перевел на сербский язык отрывки из «Слова о полку Игореве».

Он преклонялся перед Пушкиным. Сочинения великого русского поэта были в рабочем кабинете Негоша. Он посвятил ему свое стихотворение «Тени А. С. Пушкина», которым открывается его поэтический сборник «Сербское зеркало».

Негош считал Пушкина первейшим человеком России и всего славянства.

В 1836 году, в разгар своей деятельности по реорганизации государства, Негош был оклеветан перед Николаем I и правящими кругами России, которым мерещились в его поведении революционно-демократические настроения, распространявшиеся в то время повсеместно с Запада на Восток. Чтобы рассеять это обвинение, Негош попросил у цари «высочайшей аудиенции». Получив согласие, он в конце декабря 1836 года выехал из Цетинья в Россию и вскоре прибыл в Вену. Здесь у него была вынужденная остановка. Русский посол задерживал визу.

В феврале, находясь в Вене, Негош узнал от посла, что в Петербурге убит его кумир Пушкин. По Вене пошли слухи, что Негош собирается в Петербург на похороны Пушкина...

Вскоре русский посол сообщил Негошу, что он может продолжать путь в Россию, и Негош немедленно покинул Австрию.

22 февраля он был уже в Великих Луках, а через два дня прибыл в Псков. Неожиданно в Пскове он был вновь задержан по особому предписанию царя.

В Пскове Негош прожил более ста томительных дней. Здесь он довольно близко сошелся с губернатором Алексеем Никитичем Пешуровым, который хорошо знал Пушкина. В это время Пешуров выполнял просьбу вдовы Пушкина Натальи Николаевны и опеки над детьми и имуществом поэта по изготовлению рисунков мест, где Пушкин жил и где он был похоронен.

Пешуров о многом рассказал Негошу, в частности и о том, как А. И. Тургенев сопровождал прах поэта из Петербурга в Святые Горы. Он помог Негошу познакомиться с литературными богатствами и древними историческими памятниками Пскова. Он же помог совершить паломничество на могилу Пушкина в Святых Горах.

Может быть, под впечатлением этого паломничества и родились у Негоша знаменитые строки в поэме «Горный венец»:

Счастливы тот, кто будет жить в веках,
В этом величайший смысл его рожденья...

Эти слова Петра Негоша и сегодня громко звучат в наших сердцах, когда мы входим в Святогорский монастырь, чтобы поклониться светлому духу Пушкина.

ПУШКИНСКИЕ ИМЕНИНЫ

Каждый год в первое воскресенье июня псковичи и гости их со всех концов света приходят в Михайловское на пушкинские именины. Прекрасная эта традиция началась с 1924 года, когда праздновалась столетняя годовщина со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку.

В Пушкинских Горах собрались тогда виднейшие наши писатели, артисты, ученые. Тогда же президент Академии наук СССР А. П. Карпинский предложил идею ежегодного проведения в Пушкинском заповеднике народных празднеств, посвященных дню рождения поэта. Эти праздники, говорил он, должны быть праздниками поэзии, радости, дружбы народов.

С тех пор это и повелось. «Такого еще не бывало в нашей стране. Такого числа гостей не видал еще ни один хозяин. И небывалое это число оттого еще более небывалое, что этих гостей никто специально не приглашает. Они едут сами к Пушкину, потому что не могут не приехать», — писал Ираклий Андроников, председатель постоянного Комитета по проведению пушкинского праздника поэзии в Михайловском, в 1967 году.

Но обратимся к истории. Посмотрим, как же проходил первый пушкинский праздник, организованный в мае 1899 года в честь столетия со дня рождения поэта.

* * *

Весной 1899 года Михайловское было куплено у наследников Пушкина в национальную собственность. Много лет,

с разрешения правительства, ходили местные крестьяне по России с кружками и подписными листами, собирая пожертвования на это приобретение. Их стараниями свершилось тогда это святое дело. Сбылись предсказания лучших людей России, мечтавших о том времени, когда Михайловское, в котором явился миру новый Пушкин, где произошло второе его рождение, перестало быть «гробом поваленным».

Но странно выглядел этот первый пушкинский праздник. Передо мною документы архива Комитета по проведению пушкинского столетия, газетные вырезки того времени, воспоминания современников. Читаешь и думаешь: какая пропасть отделяет наше время от тех дней! Кто только не воспользовался этим праздником для устройства своих темных дел! Тут и ловкие торговцы, и темные дельцы, спекулянты и церковники...

Задолго до праздника в деревнях и селах были приостановлены все работы в поле. Люди были мобилизованы на ремонт дорог, мостов, на сооружение около Святогорского монастыря временного помпезного «Храма Славы Пушкина», ремонт присутственных зданий Святогорья и проч. и проч.

В Святые Горы понаехали маркитаны и кабатчики всех рангов и мастей. На дверях трактиров вывешивались объявления о том, что здесь в памятные дни будут подаваться специальные блюда «беф а ля Пушкин» и «салат а ля Евгений Онегин». Фирма купца Шустова выставила свои рекламные щиты, сообщавшие о том, что ею выпущен «Юбилейный ликер Александра Сергеевича» с портретом поэта на этикетке и полным текстом стихотворения «Я люблю веселый пир». Ликер был в стеклянных бутылках в виде фигурки Пушкина и с пробкой, изображающей его черную шляпу.

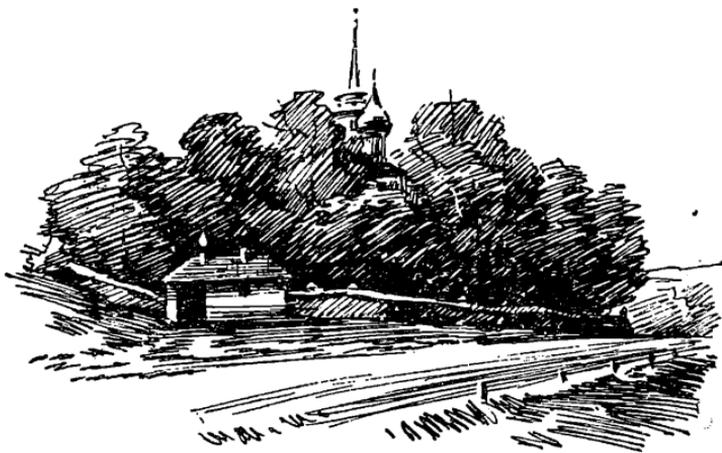
Пушкинским праздником широко воспользовалась братия Святогорского монастыря, принимавшая круглосуточно за-

казы на «неугасимые» свечи и лампы, молебствия и павихиды по «болярину Пушкину».

То немногое хорошее, что было сделано энтузиастами, истинными просветителями, потонуло в дебрях бюрократизма и полицейского произвола. Царское правительство, разрешив проведение народного праздника в псковской деревне, ставило себе тайной целью преградить «народную тропу» к Пушкину. Оно всеми средствами старалось предупредить «манifestации и излишнее прославление вольнолюбивого духа Пушкина», о чем юбилейному комитету и всем губернским и уездным властям сообщалось в специальном предписании Министерства внутренних дел.

Для наблюдения за порядком со всех уездов губернии были сняты и направлены в Святые Горы урядники, жандармы, приставы. В помощь им прибыла воинская часть из псковского гарнизона, разбившая свой лагерь неподалеку от Святогорской обители. Псковский губернатор в своем секретном циркуляре уездным властям повелевал, чтобы «при приезде господ гостей и начальствующих лиц велось тщательное наблюдение над местными крестьянами, дабы не подавалось ими никаких прошений и жалоб; всех веряшливо и бедно одетых не пускать в места скопления господ гостей, а также в сады и парки. Всюду обеспечить чистоту и опрятность. Церкви и монастырские здания иллюминировать плашками с воском и салом, в двойном количестве, а зажигать оные лишь в то время, как будет дано знать из полиции. А также следует иметь достаточное количество плашек, долженствующих быть поставленными на арках при въезде в Святые Горы и при входе в «Храм Славы». А особливо также смотреть за лицами нетрезвого состояния, немедленно забирая их в арестантский дом. О всех происшествиях записывать в специальный журнал, копии записей незамедлительно доводить до сведения канцелярии губернатора».

Вход во двор Святогорского монастыря был совсем закрыт для простого люда. Сюда пускали только по особым

пропускам, отпечатанным в типографии псковского губернатора. Пропуска проверялись специальным нарядом полицейских. А в самый день праздника у Святых ворот монастыря стоял при полном параде сам граф П. А. Гейден, известный опочечкий помещик. Это был тот самый Гейден, которого В. И. Ленин охарактеризовал в своей работе «Памяти графа Гейдена» как особо рьяного контрреволюционера, умевшего «тонко и хитро защищать интересы своего класса», искусно прикрывать «флером благородных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников...».

«Приготовления к празднику, — писала газета «Новое время» от 12 июня, — вызвали в Святых Горах невероятные предположения, на которые так изобретательна народная масса, угадавшая всё, кроме действительной причины. Одному корреспонденту ящик сообщил, что в Михайловском ожидают войны, и потому все запасные солдаты вызваны, „акромя господ...“».

Народ из дальних деревень стекался на праздник неуверенно: одни спрашивали — что за праздник, где ярмарка, другие осведомлялись — долго ли господа будут делить для них землю? На вопрос: «Какую землю?» — отвечали: «Баяли — цареву...» Говорили, что в монастыре выроют тело Пушкина «для следствия»... Говорили еще, что Михайловское забрал-де царь... Спрашивали: «Игде тысяча рублей, присланные народу на угощение, так как здесь родился и жил великий царев: воин и енерал». «Да как его звать-то?» — допрашивал корреспондент. «А уж про то мы неизвестны», — было ответом.

Самые дошлые (в особенности бабы) где-то узнали, что господа съехались открывать мощи, что в Святогорье объявился святой и его «нетленную голову нашли мовахи»...

Народ огромной толпой с утра до ночи стоял на площади перед монастырем. Все чего-то ждали. Иные жалостно плакали, видя подъезжающих знатных особ, иные безмолствовали.

Наконец наступил день праздника, открытие которого правительство поручило товарищу министра внутренних дел барону Иксуль фон Гильдебрандту. «Встреча его сиятельства, — захлебываясь от восторга, писала газета, — была очень торжественной. При приближении кортежа, еще издали раздались переливы свистков, затем раздался колокольный звон. Во весь опор проскакал урядник на взмыленной лошади, за ним в тележке — исправник. Наконец, запряженная тройкой, с ямщиком в павлиньих перьях на шапке, показалась коляска с г. товарищем министра и псковским губернатором Пашенко. При ее приближении пожарные зажгли бенгальские огни, ярко осветившие дорогу, экипажи и стоявшую толпу. Коляска остановилась у арки, и земский начальник П. Ф. Карпов в полной парадной форме поднес барону на деревянном блюде с серебряной солонкой хлеб-соль от имени местных жителей. Товарищ министра вышел

из коляски, поблагодарил мужиков, похвалил арку и иллюминацию и поехал дальше...»

В этом описании нет ни слова о Пушкине. Да и при чем тут Пушкин? Барон фон Гильдебрандт прибыл в Святые Горы совсем не ради него. Приезд товарища министра должен был подогреть верноподданнические чувства народа к «царю-батюшке, к престолу и отечеству...»

Наконец, после молебствия, господа отправились из монастыря в помещение «Храма Славы», а простой народ толпой повалил к Анастасьевской часовне, которая стояла на том месте, где сейчас высится бронзовый памятник Пушкину, установленный уже в наше время, в 1958 году. Здесь происходила раздача тощих книжиц стихотворений Пушкина, специально напечатанных за казенный счет для «крестьян, солдат и матросов». В сей брошюре о жизни ссыльного поэта сообщалось, в частности, следующее: «По окончании курса учения в Лицее в 1817 году Пушкин поступил в гражданскую службу и начал вести довольно рассеянную жизнь. Молодость бывает проказлива, напаял и Пушкин, и за дерзкие стихи грозило ему суровое наказание, по благодушный император Александр I, победитель Наполеона, только перевел Пушкина из С.-Петербурга на службу в Кишинев».

Далее сообщалось, что «после Кишинева Пушкин жил в Одессе, на берегу любимого им моря и, наконец, выйдя в отставку в 1824 году, поселился в своей усадьбе — селе Михайловском, Опочечного уезда, Псковской губернии. До сих пор Пушкин тратил свою жизнь и свой талант без всякого рассуждения и раздумья, но теперь он понял, что к жизни надо относиться серьезно, думать не об одном себе...»

Книжки брали нарасхват. Их раздавали даром. Брали все, хотя читать большинство не умело.

Наконец на эстраде под открытым небом стали выступать перед народом тогдашние петербургские поэты — люби-

тели «звуков сладких и молитв» — Льдов, Случевский, Барятинский. Они читали стихи Пушкина и свои, посвященные Пушкину. Князь Барятинский читал их по-французски...

Народ постепенно стал расходиться, а господа отправились в Тригорское, где им был предложен юбилейный банкет...

ПРОФЕССОР И КОЛХОЗНИК ЧИТАЮТ. В МИХАЙЛОВСКОМ СЕДЬМУЮ ГЛАВУ «ОНЕГИНА»

Уже в советское время в псковские края пришла книга Пушкина. До войны в каждой из сорока школ района, в каждом сельском клубе имелась пушкинская библиотечка. Во многих деревенских домах были личные библиотеки колхозников. Прекрасная общественная библиотека появилась в самих Пушкинских Горах. Ее комплектовала Академия наук и ленинградская Публичная библиотека. В ней насчитывалось около 10 000 книг Пушкина и книг о Пушкине и его эпохе. Здесь были сочинения крупнейших русских поэтов, писателей, ученых, книги с автографами В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, А. Н. Майкова, Максима Горького, Л. Н. Толстого. Каждый приезжавший сюда деятель культуры почитал за честь подарить библиотеке свою книгу.

Но вот грянула война. Все было уничтожено гитлеровцами. В своей звериной ненависти к России, к советскому народу они пытались стереть с лица земли русскую культуру и само имя Пушкина. Но Пушкин оказался непобедим. И всё пушкинское вновь возродилось, как только закончилась война и враги были изгнаны с родной земли.

Возродился и Пушкинский заповедник.

В год освобождения Михайловское являло вид печальной развалины. По дорогам и памятным аллеям ни пройти ни проехать. Всюду завалы, воронки, разная вражья дрянь. Вместо деревень — ряд печных труб. На «границе владений

дедовских» — вздыбленные, подорванные фашистские танки и пушки. Вдоль берега Сороти — развороченные бетонные колпаки немецких дотов. И всюду, всюду, всюду — ряды колючей проволоки, всюду таблички: «Заминировано», «Осторожно», «Прохода нет».

Людей мало. Солдаты-саперы разминируют пушкинские поля, луга, рощи и нивы. Изредка раздаются гулкие взрывы.

В садах Михайловского, в бывших фашистских блиндажах и бункерах лагерем встали возвратившиеся на свои пепелища жители деревень. Они разбирали немецкие блиндажи и тащили к себе бревна, чтобы строить взамен сгоревших изб новые. На большой поляне у въезда в Михайловское расположились войска, которым было поручено в ближайшие месяцы очистить пушкинскую землю от взрывчатки. Временами казалось, что война продолжается. Но нет. Радушны и радостны лица людей. Всем хочется строить. Строить жизнь вновь. Строить заново все, что погибло, но не должно погибнуть.

Весна 1945 года. Скоро первое воскресенье июня.

Первый послевоенный пушкинский праздник, традиции которого была прервана войной. К нему люди готовились с особенной радостью, и хотя у каждого было свое горе, все же спешили навести какой-то порядок на своих усадьбах и на усадьбе Пушкина.

Утром 6 июня в Михайловском собралось тысяч десять народу. Ни лошадей, ни машин. Все пришли пешком. Иные пришли за пятьдесят километров. Много калек — инвалидов войны. Это были «смотрины» — встреча тех, кто остался жив после гитлеровского нашествия. На временной арке, сколоченной из жердей, висел самодельный веселый портрет поэта с надписью на кумаче: «Здравствуй, Пушкин!» Его написал самоучка-художник, сапер. В центре поля стояли войсковые походные кухни, здесь гостям был предложен чай. Подумать только — с сахаром! В аллее Керн продавали

печатные портреты Пушкина, а также книжечки о Михайловском, только что изданные в Пскове.

Приехали гости. Из Пскова — поэт Иван Виноградов, из Ленинграда: поэт Всеволод Азаров, артистка Надежда Комаровская и известный ученый, профессор Ленинградского университета, ныне покойный Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов — человек хотя и пожилой, но восторженный и громогласный. Узнав, что в Михайловском состоится традиционный пушкинский праздник, он, несмотря на свои преклонные годы и уговоры родных, счел за долг и великую честь побывать на нем.

В то время поездка в Михайловское была большим испытанием. Поезд из Ленинграда до Пскова шел около двух суток. Из Пскова в Пушкинские Горы нужно было ехать или на лошадях, или на попутных грузовиках, да и то только до реки Великой, что у деревни Селихново. Моста через реку не было, он был взорван, и направляющимся дальше, в сторону Новоржева и Пушкинских Гор, приходилось переплывать с берега на берег на сколоченных на живую нитку бревнах.

Все это пришлось пережить доброму старику ученому, и он порядочно раскис. А тут еще разболелись у него зубы и налился флюс. Повязал он лицо повязкой и стал похож на раненого деда-партизана.

— Партизан, партизан! — шептались шмыгавшие вокруг него мальчишки...

Ночевали гости на наспех сколоченных топчанах в кабинете директора заповедника, а кабинет — одно лишь слово, что кабинет, а по существу — полуразвалившийся шалаш.

И вот наконец торжественный митинг на окраине Михайловского. Евгеньеву-Максимову предоставляется слово о Пушкине. Ученый горячо говорит о бессмертии и величии Пушкина, о его патриотизме, о том, как в годы войны Пушкин помогал нашим воинам громить фашистов. По ходу рас-

сказа профессор стал читать седьмую строфу седьмой главы «Евгения Онегина»:

На ветви сосны преклоненной,
Вывало, ранний ветерок
Над этой урною смиренной
Качал таинственный венок...

Когда он дошел до слов: «И на могиле при луне, обнявшись, плакали оне», — стихи выпали из его памяти. Создалось неловкое молчание. И вдруг встал один из участников праздника, какой-то высокий бородатый дед, и, чеканя пушкинский ямб, стал громогласно читать то, что никак не мог вспомнить профессор:

Но ныне... памятник унылый
Забит. К нему привычный след
Заглох. Венка на ветви нет;
Один под ним, седой и хилый,
Пастух по-прежнему поет
И обувь бедную плетет.

Профессор не перебивал старика, почтительно дав ему прочесть строфу до конца. После доклада удивленный Владислав Евгеньевич подошел к неизвестному и, обнявши его, предложил посидеть с ним вместе неподалеку от эстрады.

— Голубчик, кто вы, что вы, откуда, милый вы мой?

Старик ответил, что его фамилия Антонов, что он здешний насельник, живет неподалеку, в деревне Авдаши, работает в колхозе имени Александра Сергеевича с момента его основания в 1929 году. И тут выяснилось, что старик колхозник знает, что называется, на зубок не только седьмую главу «Онегина», а весь роман от корки до корки. Рассказал, что в молодости баловался своими собственными стихами, а потом успокоился и стал читать Пушкина.

— Уж как лихо при немцах всем нам ни было, а книга Пушкина всегда была при мне. Ее купил я здесь,

в Михайловском, почитай лет сорок тому назад! Она была для меня и моей семьи единственным утешением в те страшные годы...

* * *

Эту историю о колхознике-пушкинисте я рассказал Сергею Ивановичу Вавилову, тогдашнему президенту Академии наук, когда делал ему очередной отчет о ходе восстановления Пушкинского заповедника. Сергей Иванович попросил свою секретаршу достать ему однотомник Пушкина.

Вручая мне книгу для передачи деду Антонову, президент сделал на книге надпись: «Уважаемому тов. Антонову — участнику празднования в селе Михайловском 146-й годовщины со дня рождения А. С. Пушкина с пожеланием многих лет жизни.

Благодарный С. Вавилов».

У ЛУКОМОРЬЯ

Неподалеку от Тригорского, между Соротью и Великой, — красивое лукоморье. В этом месте берега Великой расходятся, и русло превращается в покатую луговину, на которой там и сям виднеются густые кусты ракиты и ивы.

У лукоморья — небольшая старинная деревушка; когда-то она входила в состав псковского пригорода Воронич и была приписана к Тригорскому имению Осиповых-Вульф. Теперь эта деревушка — часть колхоза имени Пушкина.

Несколько веков здесь жили одни Егоровы. Все они были в родстве друг с другом, кто в близком, кто в дальнем, а кто и вовсе «десятая вода на киселе». Живут Егоровы и сейчас, но теперь у всех у них фамилии разные, при этом все пушкинские. Как же это получилось?

В юбилейном 1937 году выдавали жителям деревни паспорта. Паспортисты, составляя предварительные списки и оформляя документы жителей деревни, стали в тупик — одни Егоровы! А мужчины большей частью — Егоры Егорычи Егоровы. Как тут не запутаться? Паспортисты посоветовались с колхозниками и предложили им взять каждому новую фамилию. Какую кто хочет.

Все стали просить дать фамилию Пушкин. Кое-кому посчастливилось. Но всем Пушкина не дали. Тогда Егоровы стали брать себе фамилии друзей, лицейских братьев, товарищей Пушкина, имена которых в тот год были у всех на сердце и на уме. Так появились Пушины, Назимовы, Рылеевы. Но потом и на эти фамилии встал «запрет». Когда

старика и старухе Егоровым подошла очередь получать документы, все мало-мальски подходящие фамилии были уже разобраны. Старик решил остаться Егоровым. А старуха в конце концов надумала взять фамилию хоть и не совсем пушкинскую, но весьма выразительную и благозвучную — Дуэльская.

Получив паспорт, старуха в тот же день отправилась в Пушкинские Горы. В книжном магазине она купила цветную репродукцию с картины художника Шестопалова «Дуэль Пушкина с Дантесом», принесла ее домой и повесила в красном углу, рядом с венчальными свечами и Георгием Победоносцем с Воронича — «покровителем ворончав и всех Егоровых».

Старики были очень древние. Давно потеряли счет годам. Но продолжали работать в колхозе, за что имели от всех большое уважение.

Дом их стоял на отлете от всей деревни и был такой же старый, как они сами. Чутьку осел набок, но был еще вполне крепок. Рядом с домом стояла вековая дикая груша, привалившаяся ветвями к кровле дома. Глядя на дерево, трудно было сказать, где кончалась кровля и где начиналась груша: та, и другая были одного цвета — весной и летом зеленые, а осенью серые.

За домом стоял небольшой сад с вишняком и ветвистыми яблонями. Через сад вилась тропинка. Она вела к большому мочилу, где во время оно вся деревня мочила лен и коноплю...

Шли годы, и ничто не менялось в жизни стариков.

Но вот к лукоморью пришла война, враг, неволя. И началась какая-то непонятная жизнь, словно это была уже и не жизнь... Явились в деревню немецкие солдаты и офицеры. Они очень торопились, суетились и кричали. Всем было велено рубить лес, таскать бревна, рыть окопы, строить блиндажи. Давай, давай, давай... А потом пришли полицаи, староста и эсэсовцы. Приказали всем покинуть дома и по-

гнали под конвоем бог знает куда. Когда изгнанники поднялись на Поклонную гору, они увидели вместо деревни огромный костер.

Шли они день, еще день и ночь и наконец получили объявление, что здесь им будут выселки...

В 1944 году настал фашистскому мучительству конец, и все тронулись обратно.

Старики не узнали своих мест. Всё переменялось. Всё как-то уменьшилось. Всё было какое-то серое, ржавое, убитое. И сада не было, и дома не было. Лишь только печка напоминала о том, что тут некогда стоял их родной дом. Русская печка — она ведь самая живучая вещь на свете!

Начали разбирать вражеские блиндажи, бункера, дзоты. Их было много, и все они были построены по-немецки добротно, из хороших бревен, в несколько накатов. Лес породистый, из Михайловских заповедных рощ.

Стали люди строить себе новое жилье.

— Ну, а мы что же делать будем? — спросил старик старуху.

— Что делать? Да как все, — отвечала старуха. — Также избу сложим. Что мы рыжие, что ли! Накатаем бревен и построим. Подумаешь, великое дело!

Один бог да ворончанские святители знают, как старики ухитрились накатать себе бревен и поставить новый сруб. Добрые соседи — Пушкины и Языковы, конечно, помогли малость...

Через год домишко был готов. Ожили дед с бабой. Ожила и старая груша: она пустила новые побеги и вновь собиралась привалиться к кровле.

Но вот в один, как говорится, прекрасный летний день 1946 года в деревню вошли саперы и разбили свой лагерь у лукоморья.

Каждый день они выходили в поле и проверяли его пядь за пядью.

И тут беда. Подошли саперы к усадьбе деда, заработали приборы и вдруг забеспокоились. Офицер приказал осторожно рыть землю. Когда сняли несколько слоев, открылась черная яма, коридором уходящая под новый дедов дом. Яма была большая, внутри обложенная динамитом. А в яме — целый склад фашистских снарядов, густо смазанных каким-то темным вонючим салом. Снаряды лежали ровными рядами. Их было много. Очень много.

Саперы работали тихо. И все было тихо. Офицер посмотрел и так и эдак. Подумал, опять посмотрел. И приказал кликнуть деда.

— Вот, дедушка, какое дело, — сказал офицер. — Ты понимаешь, какая история получается... ты только не горюй. Вот тебе честное слово советского офицера.. Мы тебя не обидим. Команда у меня боевая. Все есть — и плотники, и столяры первоклассные. Мы быстро твой дом разберем, отнесем вон туда подальше. А потом одним махом всю эту нечисть рванем — и дело с концом. Яму зароем, разорвьем и опять твой дом на место поставим. Еще лучше отделаем...

Старик ничего не ответил. У него отнялся язык.

Прикрыв страшную находку, офицер с солдатами ушли, обещаясь завтра с утра приступить к операции.

— Ну что же теперь делать-то будем? — спросил старик старуху.

— А что делать? — ответила старуха. — Дело ясное. Что мы рыжие, что ли? Придется самим.

И она повернула назад к саду, где была тропинка, что вела к мочилу. Старики с полуслова поняли друг друга.

Как только солнце стало садиться, они тихонько открыли страшную яму и приступили к делу. Ночь стояла белая и лунная. Она словно вступила в стовор со стариками. Осторожно вынимали они снаряды из ямы и уносили их по тропинке через сад, к мочилу, и там опускали в воду. Они таскали всю ночь, пока не вынесли последний снаряд.

Когда утром следующего дня пришли саперы, они увидели старика, лежащего под грушей. Старик спал как убитый.

Офицер посмотрел на захоженную тропинку, ведущую к мочилу, подошел к яме, глянул в нее и все понял...

Он вошел в избу. В красном углу висела цветная картинка: Пушкин стреляется с Дантесом. На лавке лежала старуха.

— Бабушка, а бабушка? — спросил офицер.

Старуха молчала.

— Бабушка?

— Ну чего тебе? — прошептала та, словно во сне, не открывая глаз. — А ежели насчет плотников, так прикажи ты им из этой ямы лес вынуть. Лес дюже хороший. Дед давно грустит без своей баньки, да и мне без нее тоскливо. Может, и впрямь поможешь? А?

Видавший виды офицер тихонько постоял, повернулся и на цыпочках вышел в сад, потом привалился к земле и крепко задумался.

Задумался над этой неожиданной историей и я. Нужно иметь в сердце много добра и доброго согласия с жизнью, чтобы вынести такие страшные беды, когда ты уже старый. Старый-то так же хочет жить, как и молодой. Но ведь ему труднее начать жизнь сызнова, в особенности, если эту жизнь преждевременно поломала судьба.

Дай бог пушкинским старику и старухе жить-поживать и добра наживать еще многие лета. Они должны жить, иначе быть не может, ибо неодолима сила характера русского.

САЛЮТ ПУШКИНУ

В Михайловском шумело эхо войны. Саперы неустанно слушали и шупали землю. Мины находили в самых неожиданных местах, даже там, где считалось, что все уже хорошо проверено и чисто. Под крыльцом домика, в котором разместилось управление заповедника, оказалась тщательно замаскированная мина. А по этой лестнице поднимались члены Государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний — К. Федин, Н. Тихонов, Л. Леонов. В этом домике почевали академик А. Щусев, председатель правительственной комиссии по разработке проекта восстановления заповедника, художник А. Лактионов... Знали бы они, как заглядывалась на них смерть!..

Или вот старый клен у домика няни. Уж где-где, а около этого места особенно тщательно проверяли землю. И какой огромный неразорвавшийся снаряд лежал под основанием ствола исторического дерева! Спасибо, обнаружить его помог случай. В мае 1949 года, за две недели до юбилейных пушкинских торжеств, разыгралась сильнейшая гроза. Прямым попаданием молнии древний клен расщепило надвое. Земля вокруг дерева оголилась, и все увидели снаряд. Когда саперы его вытащили, он оказался размером почти в человеческий рост. Снарядище вывезли за пределы заповедника и взорвали.

Саперы работали в заповеднике почти пять лет. И все же даже после 1949 года находили фашистские дары. В ограде Святогорского монастыря, особенно сильно

заминированного немцами, нашли мину в 1953 году! Уходя из Михайловского, эсэсовцы бахвалились: «Если мы уйдем — ваша земля будет за нас воевать еще пятьдесят лет!»

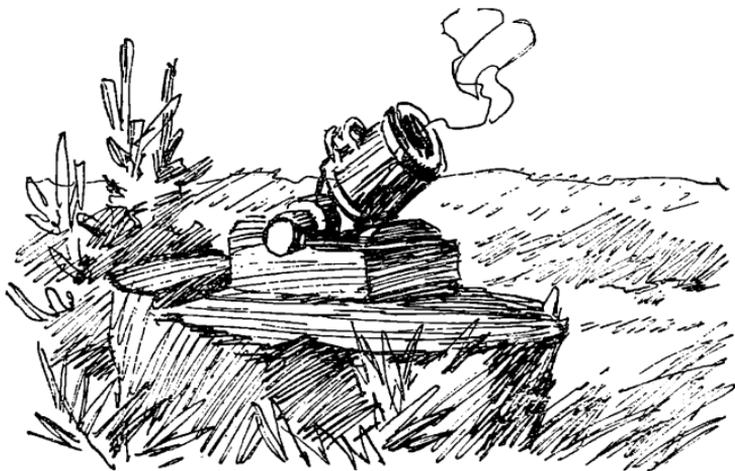
Да, земля гудела, люди гибли, только гитлеровцы про считались. Прошло немного лет, и всюду на заповедной земле наступил покой и мир, — никаких фашистских следов не стало. Остались только ямки, ямы да знаки на старых деревьях, которым были нанесены жестокие раны и увечья, и они теперь чувствуют себя как инвалиды первой группы Великой Отечественной...

Саперы оставили по себе хорошую память в Михайловском. В свободное время они добровольно и с большой охотой помогали нам восстанавливать домик няни — первый музей, открытый в 1947 году. Очищали Михайловские рощи от пней и завалов, зарывали траншеи, окопы, блиндажи. Леон Абгарович Орбели — тогдашний вице-президент Академии наук — горячо благодарил их за это святое дело. Многим жителям деревень Бугрово и Гайки саперы помогли построить новые избы. А сколько народу харчевалось в походных солдатских кухнях, сколько концертов и киносеансов было устроено под открытым небом Михайловского для людей, которые за четыре года оккупации совсем отвыкли от художественного слова, кино, музыки! Этих добрых дел никто и никогда не забудет!

Вечная память двум бойцам, погибшим при разминировании Тригорского и Петровского!

В Михайловском, слава богу, все обошлось благополучно, без жертв.

Теперь, когда толпы людей ежедневно приходят посмотреть восстановленный дом поэта, первое, что они видят в прихожей, — это маленькая медная пушечка-мортирка. О ней в книге А. Мошина — собирателя народных легенд о Пушкине, изданной до революции в Петербурге под названием «Новое об 11 великих писателях», приводится сви-

детельство местного старожила Ивана Павлова: «Пушечка такая стояла завсегда около ворот Михайловского еще с давних пор...»

Потом эта пушечка исчезла неизвестно куда, как, впрочем, исчезла вся обстановка усадьбы до последнего черепка...

И вот в сентябре 1953 года в центре Михайловского, в нескольких шагах от густого орешника, замыкающего парк с северной стороны, там, где стоят полукруглые трельяжные беседки, солдат А. А. Алексеенко, из подразделения саперов, которым командовал подполковник И. П. Солдатов, вдруг зычно закричал:

— Ребята, вот так пушка!

К Алексеенко подбежали другие солдаты и мы, сотрудники заповедника. И, действительно, все увидели пушечку. Она лежала на глубине 60—70 сантиметров от внешнего покрова земли. Пушечку вынули, стали рассматривать. И тут все объяснилось. Это была так называемая каронада-пушечка, какие в старину обычно ставились помещиками

в своих усадьбах. Из них в праздничные и знаменательные дни палили в честь хозяев и их гостей. На пушечке выгравированы обозначения. На одной из опорных пят надпись «P. F. Mortier» и цифра 1. На другой — «21 P. F. 1831». Около запальника следы монограммы, кем-то тщательно сбитой.

Вот и нашлась старинная пушечка Михайловского!

Прежде чем она была передана музеем и поставлена там, где сейчас стоит, произошла трогательная сцена. А. А. Алексеев подошел к подполковнику и отрапортовал:

— Товарищ подполковник, разрешите в честь Александра Сергеевича Пушкина пальнуть разок из этого орудия! Холостым!

Подполковник подумал, посмотрел на меня и спросил:

— Ну что же, ежели директор не возражает? Пушечка еще сильная, сохранилась прекрасно!..

Я, конечно, согласился. Подполковник приказал:

— Только зарядить не очень туго... осторожней!

— Есть не очень туго! — ответил солдат.

Пушечку зарядили. Все стали во фронт. Раздалась команда «огонь!» — и грянул салют!

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЯ

Все, кто приходит на поклонение к могиле Пушкина, идут посмотреть музей в Успенском соборе. В его центральной части, взорванной в 1944 году фашистами, на большом щите выставлены подлинные документы, свидетельствующие о злодеяниях, варварстве, надругательстве гитлеровцев над святыней нашего народа. Щит этот осеняет маленькая табличка, вывешенная в июле 1944 года на монастырских воротах:

*Мои́ла Пушкына зами́нирована.
Входи́ть не́льзя
ст. лейтенант Старчеус.*

Известно, что, отступая, фашисты заложили в ограде Святогорского монастыря более 4000 мин. Они намеревались взорвать и могилу поэта, но не успели совершить это злодеяние.

Много раз музейные работники заповедника пытались узнать о славном лейтенанте Старчеусе, подразделению которого выпала высокая честь разминировать святыне места. Но все поиски были тщетными, никаких сведений обнаружить не удавалось...

И вдруг — повезло. Как же это случилось?

Однажды ребята из 17-й школы Пскова после экскурсии в Святогорский монастырь спросили меня, знает ли кто-нибудь в заповеднике о Старчеусе и его дальнейшей судьбе. Я ответил, что, к сожалению, нет, не знаем ничего, и

посоветовал ребятам включиться в наш поиск, авось им больше повезет, чем нам.

Прошло порядочно времени, и вдруг к нам поступает справка из Главного управления кадров Министерства обороны СССР. Вот что в ней написано: «На письмо школьников сообщаем, что, по данным Главного управления кадров, Старчеус Григорий Игнатьевич служил в рядах Советской Армии командиром роты 17-й инженерно-саперной бригады, в чине старшего лейтенанта. Он погиб при выполнении боевого задания 14 октября 1944 года».

Герою — вечная память и слава!

КАК ГИТЛЕРОВЦЫ СОЖГЛИ ДОМ-МУЗЕЙ ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ

В один из августовских дней 1960 года на усадьбе Михайловского появился посетитель с большой папкой в руках и хорошим фотоаппаратом, висевшим на груди. Посетитель внимательно разглядывал место, где стоит дом-музей, берега Сороти, вглядывался в дали. Потом раскрыл папку, вынул из нее большую фотографию и стал сличать ее с тем, что видел. Любопытства ради я подошел к экскурсанту, представился ему и спросил, чем он занимается. Неизвестный назвал себя Алексеем Васильевичем Гордеевым и сказал, что приехал он из Ленинграда, что он давно собирался побывать в Михайловском, где в 1941 году воевал, и что вот, наконец, мечта его осуществилась.

В разговоре выяснилось, что на глазах у Гордеева фашисты сожгли дом-музей Пушкина. Я попросил его рассказать, как это случилось. Ведь до сих пор неизвестно было, когда и как гитлеровцы сожгли усадьбу поэта!

Вот этот рассказ Гордеева в кратком изложении:

«В 1944 году я был командиром наземной фоторазведки, служил в чине майора. Командовал нашим дивизионом полковник Алексей Дмитриевич Харламов.

Как-то в конце марта 1944 года в разговоре со мной Харламов многозначительно заметил: «Собирайся, братец, скоро поедем с тобою в Михайловское, в гости к Пушкину». Я чрезвычайно обрадовался предстоящему заданию. Подумать только, увижу Михайловское, о котором столько

слышал, читал! Прошло несколько дней, и, действительно, 1 апреля нашу часть перебросили в Пушкиногорский район, к берегам Сороти. По прибытии на место мы расположились на окраине деревни Зимари, лежащей напротив усадьбы Михайловского. В бинокль хорошо было видно, как на пушкинской усадьбе сутились гитлеровцы...

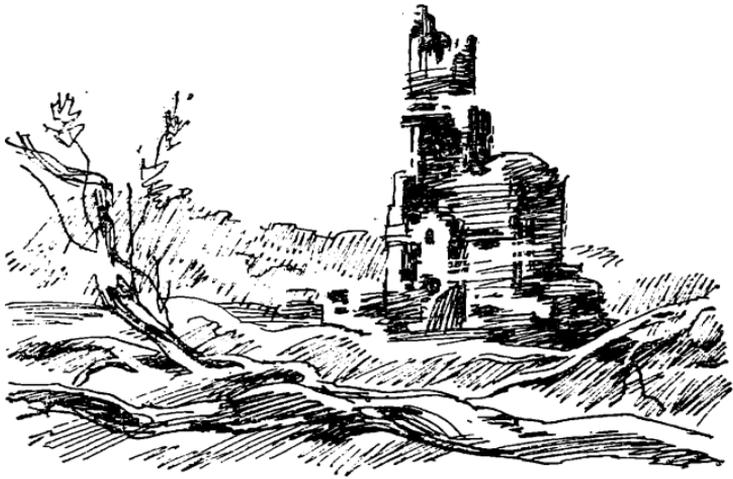
4 апреля Харламов вызвал меня к себе и сказал, что в ближайшее время будут освобождать заповедник от гитлеровцев и что командование поручило нашей группе срочное выполнение особого задания — подойти как можно ближе к усадьбе и сфотографировать панораму Михайловского с домом Пушкина, домиком няни и служебными флигелями.

В группу фоторазведчиков были назначены старшие сержанты Кушненко и Алехин (операторы) и старшина Немчинский (подсочки аппаратуры и обработчики снимков). Получив задание, группа разведчиков немедленно приступила к выполнению его.

Рано утром 5 апреля саперы сделали лаз в проволочном заграждении, разминировали проход в минном поле, и разведчики поползли к Сороти. Съемка производилась при помощи мощной оптики. Всё прошло благополучно и без потерь. Снимки вышли очень хорошими. С негативов были сделаны отпечатки с шести- и тридцатикратным увеличением и сразу же отправлены в штаб армии и командование дивизиона. Крупные отпечатки предназначались для демонстрации бойцам, которые готовились к бою за освобождение Михайловского. В эти дни фронтовые газеты выходили под шапкой «Отомстим за нашего Пушкина».

С разрешения Харламова по экземпляру снимков оставили себе на память и мы, то есть я и солдаты-разведчики.

Вскоре наша разведка показала, что гитлеровцы стали разбирать домик няни и усиленно маскировать вершину Михайловского холма молодыми свежесрубленными елочками. В наружной стене дома-музея сделали большую прорезь.

В прорези появилось 75-миллиметровое орудие. В крайних окнах дома установили пулеметы.

Наше командование дало строгий приказ ни в коем случае не стрелять по Михайловскому, чтобы не покалечить и не уничтожить его памятники.

2 мая рано утром к нам в деревню Зимари прибыла артиллерийская батарея под командованием капитана Нестеровой. Звали ее Анна. К сожалению, я запомнил ее отчество. Батарея расположилась в районе колхозного сада. 2 и 3 мая в Михайловском было тихо. 4 мая, около двух часов дня, фашисты вдруг «заговорили». Ударил пушка из дома-музея. Одним из первых выстрелов были убиты два бойца нашей разведки, другой снаряд попал прямо в нашу огневую точку и вывел из строя нескольких артиллеристов. В ответ на это командир батареи Нестерова дала команду: «Четыре снаряда, беглым огнем по огневой точке фашистов!» Первый же снаряд попал в цель и перебил прислугу фашистского орудия. Видя, что их огневая — на нашем

точном прицеле, гитлеровцы подожгли дом-музей и под прикрытием густого дыма стали отходить в глубь Михайловского парка и там засели в своих окопах и блиндажах. Дом вспыхнул как свечка и скоро сгорел дотла. Вскоре запылал и флигелек, стоявший рядом с ним».

— А теперь, — продолжал свой рассказ Гордеев, — пожалуйста, взгляните на этот снимок. — И он показал мне фотографию, снятую 5 апреля 1944 года. На снимке отчетливо была видна вся северная часть усадьбы Михайловского, от нынешнего поля народного гуляния до западной околицы с домиком няни.

Сегодня эта фотография хранится в музее заповедника как единственное изображение Михайловского в знаменательный и славный для него 1944 год, — год изгнания фашистов с пушкинской земли.

ХРАНИТЕЛЬНИЦА МИХАЙЛОВСКОГО

Дом Пушкина в Михайловском хоть и музей, а живой. Он наполнен теплом, приветлив и светел. Комнаты его всегда провизаны запахами хорошего дерева и свежей земли. Когда в рощах зацветают сосны, душистая пыльца облаком стоит над домом. А когда на куртинах распускаются сирень, жасмин и шиповник, в доме становится особенно ароматно. В каждом уголке его всегда живые цветы. Они не только собраны в большие пышные букеты, как это делалось встарь, но и просто, понемногу, расставлены на своих, не сразу найденных нами местах.

Но вот приходит время, и на усадьбе зацветают липы. Тогда дом пропитывается запахами воска и меда. Липы стоят рядом с домом, и в дуплах их живут дикие пчелы. Живут пчелы и в земле на дерновом круге перед домом. Пчелиным медом любят баловаться барсуки и еноты, которые забегают на усадьбу из лесу в сентябре, когда ночи становятся длинными и люди дольше спят.

А в осенние дни в дом приносят яблоки здешних садов. Яблоки отборные, всех сортов и мастей — антоновка, титовка, бабушкино, ревельский ранет, белый налив... Яблоневый дух переплетается с запахами цветов и меда. От этого в комнатах становится еще теплее и уютнее.

В доме много хорошего псковского льняного белья — скатертей, полотенец, занавесей. У льна свой аромат — прохладный, крепкий. Когда льняные вещи в доме стареют, их

заменяют свежими; вновь вытканными здешними сельскими ткачихами на старинных станах.

Вещи из льна обладают удивительным свойством, — там, где они, всегда пахнут свежестью. Ученые говорят, что лен сберегает здоровье человека. Тот, кто спит на грубой льняной простыне, носит на теле льняную рубашку, утирается льняным полотенцем, — почти никогда не хворает простудой. Редко болел и Пушкин. У него кругом был лен.

Пушкинские крестьяне, как и все псковичи, издавле любили выращивать лен, и он славился по всей России и за ее пределами. Двести лет тому назад в Пскове была даже английская торговая контора, которая скупала лен и льняные изделия и отправляла их в Англию.

Льняной «станухой» обивали стулья, диваны и кресла, из домашней холстины делали пологи над кроватями. Такой полог был и над кроватью Пушкина. Об этом вспоминал Пушкин.

От льна, цветов, яблок в пушкинских комнатах всегда пахнет солнцем, чистотой, хотя в иной день через музей проходят тысячи людей.

* * *

Не простое это дело избежать «захоженности» музейных комнат. Очень помогают содержать дом в чистоте и благолепии запахи даров земли. Но есть и другая сторона дела. Человеческая. Не всякому даю стать истинным музейным работником. Этому научиться почти невозможно. Иной всю музейную науку превзойдет, всё знает, умеет объяснить и разъяснить, что, как и почему, но вещи в его руках не оживают, остаются мертвыми. А у другого — жизнь во всем, до чего он только дотронется. Трудно объяснить причину этого удивительного явления. Но это так.

Много лет работала музейной смотрительницей Михайловского простая крестьянская женщина Александра Федоровна Федорова; она действительно была настоящим музей-

ным работником, хотя не было у нее никакой специальной подготовки. Она и грамоту-то узнала под старость, когда поступила работать в заповедник. Она тогда поняла, что служить в доме Пушкина и быть неграмотной — нельзя, что хранить пушкинский дом — это значит не только сберечь его, ценить, любить, но и понимать его и тех, кто приходит сюда, в гости к Пушкину.

В руках Александры Федоровны от природы была «живая вода». Под ее руками всё преображалось и оживало. Заботливым дозором ходила она по усадьбе, по комнатам Пушкина, всегда знала, где, что и как. Ее простые речи наполняли наши сердца отрадой. Иной раз с ее добрых уст слетали слова укоризны, когда кто-нибудь из нашей ученой братии забудет накинуть шторку над пушкинской реликвией или кто-то по забывчивости вдруг закурит, где не положено. Она на всё глаз имела. По утрам, приведя музей в порядок, любила она садиться в извечной позе русской крестьянки у окна самой памятной комнаты — кабинета — и что-нибудь рукодельничала. Наверное, вот так же сживала у окна и та старая няня Пушкина, Арина Родионовна. Бывало, проходишь с гостями по музею и слышишь: «А ведь она у вас совсем как Арина Родионовна!» И действительно, она любила Пушкина и все пушкинское — его бумаги, книги, вещи — особой, материнской любовью.

В руках Александры Федоровны — «тети Шуры», как звали ее сослуживцы и посетители Михайловского, — всегда было добро. Убирала ли она комнаты Пушкина, стирала ли пыль с мебели, составляла ли букеты, расставляла ли цветы на горки, столы и комоды, — всегда у нее получался рай, и все приходившие в музей восклицали: «Ах, как красно!»

За двадцать лет работы в Михайловском она хорошо узнала, при каком свете лучше смотреть ту или иную картину, как и чем можно чистить красное дерево, бронзу, зеркала. Ей не нужно было указывать, как что поправить, не

пора ли заменить васильки на ромашки. Она сама все видела и делала.

Как-то понадобилось нам раздобыть редкую вещь для людской Михайловского — старинный льняной полог «шпетун». Сказал я об этом тете Шуре.

— Постой, ужотка сбегая за Велье, у меня там родителька когда-то жила. Там война прошла мимо, и много сохранилось всякой всячины.

Я и глазом не успел моргнуть, как она сбегала за сорок верст и притащила в Михайловское чудеснейшую старинную вещь, каких теперь днем с огнем не сыщешь.

Или вот приехала однажды из Ленинграда собирательница старинных псковских песен и попросила меня свести ее со старожилками пушкинских мест, помнящими старинные народные песни и способными напеть их на магнитофонную ленту.

Вызвал я тетю Шуру, спросил, знает ли она кого из таких певцов, — ответила, что знает. Запрягли лошадей и поехали все трое в деревню Ромашки, где познакомились со стариком и старухой Павловыми. Старик — такой чудесный, чистый, радушный, голубоглазый, борода седая — обрадовался нашему приходу, засуетился, семена старенькими ножками полез на полати, достал сундучок, где у него хранилась гармонь в солидной медной оправе с выгравированной надписью: «Зделан сей анструмент в Новоржеве в 1858 году музыкантских искусств мастером Развеевым».

Дед взял гармонь, сел на лавку, перебрал лады и замер. Старухи уселись с ним рядом, взялись за руки, прижались друг к дружке, уставились глазами на деда. Тот махнул им головой, и они запели «Куда ездил-гулял» — редкую старинную псковскую свадебную песню, которую некогда пели жениху на мальчишнике:

Ой, куда ездил, где гулял,
Добрый молодец,
Куда бог тебя носил?
Ой, да ездил я, душечка,
С города до города.
Ой, да искал я, душечка,
Себе молодую жеву,
Себе молодую жену-красавицу.
Найти-то нашел, да нет мне с ней
Ни веселья, ни радости...

Исполнительницы нам пояснили, что «в этой песне одна поет слова, а другая должна только голосом водить».

Потом бабки распелись, и мы записали несколько чудных древних напевов.

Хорошо помнится, как помогала Александра Федоровна собирать предметы старинного народного быта для только что восстановленных пушкинских флигельков Михайловского, в которых некогда располагались контора управителя, кухня, амбары; как зимой, на санях, в тридцатиградусный

мороз, мы с ней поехали по ее совету в соседний район искать деревенские ручные вышивки, ткани, костюмы, чашки и плошки, как в дороге чуть не замерзли, как чуть не попали в прорубь, когда переправлялись по реке Синей к деревне Синск, в которой как-то однажды заночевал Пушкин...

Она всегда внимательно слушала наши затверженные рассказы о Пушкине, о его жизни в деревне, про приезды к нему друзей, про его одиночество, слезы, муки, тоску-печаль.

Когда приступал к работе в музее новый экскурсовод или молодой студент-практикант — все они обязательно просили тетю Шуру послушать их экскурсию и сказать свое слово. Старушка внимательно слушала, давала цену работе и почти никогда не ошибалась.

По понедельникам дом Пушкина бывает закрыт для посетителей. Это день генеральной уборки усадьбы. И хотя всюду разосланы объявления и во всех справочниках и путеводителях об этом пропечатано — все равно экскурсанты приходят и стучатся в двери. Если приходят люди добрые, вежливые — старуха согрешит и впустит их в музей, только скажет: «Сейчас все прибрала, вымыла, выскребла, полы навозила. Снимайте сапоги, идите уж быстрехонько». И ее слушались и, сняв обувь, смиренно входили в дом Пушкина, словно в храм.

Она обладала чудесным даром останавливать время. Говорила — словно священное писание читала. Проводя людей по комнатам, давала пояснения. Это не было экскурсией, какие проводят записные экскурсоводы. Это была народная сказка про Пушкина. Без всякого вступления начинала она сказывать нараспев:

— Здесь Пушкин мучился за всех ровно два года и месяц. Здесь все его. И хоть самого его сейчас нетути и он незрим, все он видит — кто и зачем сюда пришел, кто по-доброму-поздорову, поучиться уму-разуму, а кто собой полю-

боваться, в зеркало посмотреться да в речке искупаться... Он, Пушкин, все любил, в чем есть жизнь, и обо всем этом писал в своих книгах. Теперь все идут к Пушкину, потому что его творенья охраняют людей от дурного, очищают душу. Его дом для теперешних людей стал тем, чем раньше был для тогдашних храм. Ежели тебя, скажем, что волнует и нет у тебя доброго советчика — иди к Пушкину, он укажет на истинного друга, удержит от злого обстоятельства, даст верный совет и ты возрадуешься и возвеселишься. Только хорошенько подумай, что тебе нужно, а потом спроси у Пушкина и получишь все ответы в его книгах...

В комнате няни она обычно читала наизусть письма Арины Родионовны к Пушкину из Михайловского. В устах рассказчицы они звучали особенно задушевно, казалось, она читала не нянино, а свое: «За все ваши милости мы всем сердцем вам благодарны, вы у нас беспрестанно в сердце и на уме».

Как и в Арине Родионовне, в тете Шуре сказывались самые хорошие черты пожилой русской женщины — доброта, сердечность, любовь к ближнему. И по годам, да и по внешности, ежели судить по портрету Арины Родионовны, что в сороковых годах прошлого века вырезал на кости художник Серяков, в них было много общего. И у той и у этой — чуть вздернутый нос, плотно сжатые губы, глубокие морщины; и одевалась тетя Шура в душегрейку, носила платок...

По роду-племени Александра Федоровна была плоть от плоти псковской пушкинской земли. Она родилась неподалеку от Михайловского, в деревне Носово, за Соротью. Деды и бабки ее были крепостными Тригорского. Она девчонкой бегала то в Тригорское, то в Михайловское на барскую поденную работу — на огородах, ягодниках, в садах. Жизнь ее сложилась невесело. Семья была бедная. Замуж вышла рано. Перед войной муж завербовался на работу под Ленинград. Она переселилась к нему с дочерью в общежитие.

А когда пришла война и настало лихо — пришла пешком обратно в родные места. Муж пропал без вести. Край, где деревня Носово, был партизанский, и она помогала народным мстителям, чем могла. И хоть из автомата не стреляла и в разведку не ходила, а партизан кормила чем бог послал. Под конец войны гитлеровцы сожгли дом тети Шуры, а ее согнали с родного пепелища.

После войны у нее наступила новая жизнь. Эту жизнь она начала в Пушкинском заповеднике, с которым сроднилась, проработав в нем почти двадцать лет, пока не пришла старость и не потянуло к дедовским берегам.

После ее ухода Михайловское словно осиротело. Долго не верилось, что нет уже среди нас старой нянюшки. Уж не услышим мы ее ласковых слов: «Вот послушай, сынок, мой совет...», «А тебе я на это вот что скажу, мой добрый жихарь...»

Когда в 1967 году Ленинградская студия кинохроники делала фильм «Первый Всесоюзный пушкинский праздник поэзии в Михайловском», я посоветовал режиссеру съездить в Носово и пригласить на съемки тетю Шуру. Режиссер привез ее в Михайловское, и всё получилось прекрасно. Хотите увидеть и услышать Александру Федоровну — посмотрите этот фильм. Не пожалеете!

В мире чудес, конечно, много. Особенно много их в музеях, потому что музеи — это хранилища чудес. «Александра Федоровна — хранитель Михайловского — истинное чудо». Это слова не мои, а поэта М. А. Дудина, частого и желанного гостя Михайловского. Он, как и многие другие писатели и художники, хорошо знал и любил тетю Шуру. И воспел ее в своем стихотворении, которое называется «Святые руки тети Шуры».

Гляжу на руки тети Шуры,
Как на лицо ее труда:
Они, как корни дуба, буры,
Они улыбкивы и хмуры,

В них вся судьба ее натуры
Отобразилась навсегда.

В них опыт жизни год за годом,
Без кода, ясным языком
Глубоко вписан: огородом,
Весенним паром, недородом,
Грибами, ягодами, медом,
Огнем и хлебом с молоком.

Всё знали в жизни эти руки,
Всё перепробовать смогли:
Печаль любви, тоску разлуки,
Тревогу материнской муки
И отчужденье смертной скуки
Сырой кладбищенской земли.

Всё в мире прочным остается,
Что руки сделали вокруг,
Что сделать в будущем придется,
И связь времен не оборвется,
Пока живая нить прядется
Святым искусством этих рук.

РАССКАЗЫ ДЕДА ПРОХИ

Дед Проха — как все в округе Михайловского звали Прохора Петровича Петрова — жил в деревне Савкино, что напротив пушкинской усадьбы, за озером Маленец. По роду племени считал себя потомственным гражданином Воронича, в состав которого входило Савкино. И действительно, как-то просматривая древнюю книгу Воронича, составленную московскими писцами Григорием Мещаниновым и Иваном Дровниным в 1585 году, вскоре после разорения Воронича польским королем Стефаном Баторием, нашел я в ней упоминание о роде Петровых, как, впрочем, и другие фамилии людей и поныне живущих в этих краях: Клишовых, Кошаевых, Бельковых...

Был дед Проха живой историей пушкинских мест. Родился еще при крепостном праве, пережил трех царей, три революции, войну четырнадцатого года, гражданскую войну и Великую Отечественную. Память его хранила рассказы про недавнее и далекое, в особенности про далекое прошлое Вороничанщины — про войны, богатырей, клады, разбойников, дива-дивные, чертей, леших и домовых.

Много рассказывал он о строгостях Ганнибалов, которым было всё позволено, даже убить человека им было нипочем. Ведь убил же Исаак Абрамович вдову воронического попа, которая отвергла ласки Ганнибалы...

Рассказывал дед Проха о жизни в Михайловском сына Пушкина Григория Александровича, у которого в молодости был псарем, «а в собарне той было с полсотни самых

лучших охотничьих собак», про первую жену Григория Александровича — «француженку-полюбовницу, которая ни слова по-русски не знала, а вино любила очень и меня частенько угощала и на которую было жалостно смотреть, потому что по-русски она ни гу-гу...». Он хорошо помнил про то, как в 1899 году Григорий Александрович, навсегда покидая Михайловское, «много плакал и убивался, а как пришло время садиться в карету, стал на колени, перекрестился, поклонился до земли дедовской усадьбе, рошам и саду и сказал: „Прощайте, милые мои, навсегда!“».

Еще рассказывал он, как праздновали в Святых Горах столетие со дня рождения Александра Сергеевича и он, как верный слуга усадьбы, получил медный жетон с портретом поэта. И как святогорским попам и монахам завидно стало, что в Михайловское и на могилу Пушкина людей стало ходить больше, чем в храмы их, и как монахи заставили при всем честном народе креститься здешнего еврея-портного и его красавицу дочку, работавших в Святогорской обители по ремонту риз и хоругвей, а потом дочку эту с большим шумом выдали замуж за воронического урядника, назначив его управляющим Михайловского, которое только что было куплено в казну у Григория Александровича...

Говорил дед Проха цветисто и узорчато. С его слов известный исследователь пушкинских мест В. Чернышев записал несколько сказок и легенд.

В 1944 году гитлеровцы сожгли избу старика, и он был вынужден вырыть себе в Савкине землянку, в которой и жил со своей старухой до последнего часа.

Дед был высокого роста, могучего сложения и имел могучий аппетит. Но годы брали свое, а тут еще война, оккупация, жизнь в сырой землянке и другие разные беды и обиды, а главное — постоянное недоедание. Умер дед Проха весной 1946 года, когда всем нам было трудно жить.

Познакомился я с ним в апреле 1945 года в заповеднике, куда он поступил ночным сторожем. Тогда же я и записал

со слов старика несколько рассказов о Михайловском и о Пушкине.

— Моему деду его дед много сказывал про Александра Сергеевича, — говорил он. — Всё Пушкин быстро делал. Ходил быстро, говорил быстро, ел наскоро. Говорил: «Ем недоедаю, святому духу в брюхе место оставляю». Любил зимой с дворовыми в людской лучину шипать, песни петь, в особенности про березу белую. На мельницу в Бугрово бегать любил. Иной раз совсем от муки поседеет, станет, как старый мельник. На свадьбах гулять любил. Праздники любил и всё касаемое до деревенских праздников хорошо знал. Одним словом, Пушкин был отлично добрый и веселый человек.

Вот некоторые рассказы деда Прохи.

ЧЬЕ ВЛАДЕНИЕ?

...Есть у Александра Сергеевича стишок о михайловских соснах, что росли тогда на границе земли Пушкиных. Только в книгах пишут неправильно. Пишут: «на границе владений дедовых», а нужно «владений дедовцев». Ведь рядом-то с Михайловским была земля деревни Дедовцы, а не чья другая. Дедовские мужики как-то даже жалобу в земство писали, чтобы исправили ученые эту ошибку. Только земский никакого движения этой бумаге и не дал. Так и заглохло всё. А теперь писать неудобно. Теперь все люди грамотные стали и во всем сомневаться перестали. Верят в книгу, как в библию, а разговорам не верят.

ПОМИНАЛЬНИК

Были в Михайловском доме, как полагается, два поминальника, один за здравие, другой за упокой. Каждое воскресенье в двенадесятый праздник поминальнички отправлялись с кем-нибудь из дворовых богомольцев в вороническую

церковь для поминовения всех скорбящих радостей и упокоения преставившихся рабов божьих — Пушкиных, Ганнибалов и их дворовых людей.

Как-то утром пришла нянька к Александру Сергеевичу, чтобы взять с собою в церковь поминальник. Пушкин и говорит ей: «Постой, говорит, минутку, нужно мне в эту святую книжицу записать одного дружка». Взял поминальник за упокой и написал в нем «новопреставленного раба божьего священнослужителя отца Лариона». Нянька-то была неграмотная, ей и невдомек, про что написал Александр Сергеевич.

Приехала она поминальник в церковь, заказала просвирки, сдала всё ктитору и стала бить поклоны. Подошло время поминовения. Вышел поп Ларион из алтаря и стал листать поминальник, сперва о здравии, потом за упокой. Читал поп скороговоркой, как все попы это делают: «Еще помолимся о преставившихся рабах божьих Аврааме, Петре, Иосифе, боярыне Марии...» — и дошел до свежей записи Александра Сергеевича. Поперхнулся. Перевернул страницу. Глянул на обложку и говорит: «Эва бес, пакость какая!» Оглянулся по сторонам — заметили ли люди? А кто это нудное чтение слушает?! И вдруг видит: на паперти — михайловский барин, вид делает, что молится, а сам чуть со смеху не помирает. Понял поп-школа, чья проделка, откашлялся, да как загудит во всю церковь: «Еще помолимся о новопреставленном рабе божьем боярине Александре». Сам завернул руку за спину, будто фелон поправить хочет, и Пушкину здоровенную дулю выставил, — мол, накося выкуси! А Пушкин — ничего, потому что сам был большой школа.

ЗВОНАРЬ

Любил Александр Сергеевич в светлую неделю ходить к отцу Лариону в церковь Воскресенья на Ворониче звонить в колокола. Один раз так ретиво звонил, что у попа голова

колесом пошла. Подошел отец Ларион к колокольне и стал махать шапкой, чтобы звонарь кончил гудеть. Пушкин послушался, спустился на землю, подошел к попу, похлопал себя по животу и сказал: «Вот до чего твоей музыки набрался, не помещается!» Поп плюнул, помянул всех чертей и пошел к себе домой, а Пушкин через забор и в Тригорское — на куличи и пасху и с женским сословием христосоваться.

КУЛАЧНЫЙ БОЙ

Вот теперь давно уж нет кулачных боев на Сороти. А в старину были. Много охотников имелось до этой забавы. Иной раз на масляной под усадьбой Михайловского собирались люди в числе тысячи, а то и больше. Приходили все воронические, вельяне, опочане. Приезжали на лошадях, пароконно, тройками. Всяко было. Сперва гонялись друг за другом по озеру. Нужно было, чтобы запряженная в корню лошадь бежала рысью, а те, что по сторонам, — скакали. Лихие люди геройство свое показывали. Станет такой богатырь в сторонке, выставит перед собою руку, а на него во весь опор лошади скачут. Когда подлетят кони, он должен ударить ладонью по торцу оглобли и остановить тройку.

Это считалось большим искусством, и такого лихача угощали всем обществом. Другие силачи на этом игрище руками ломали железные подковы, ременные гужи рвали.

Потом все, кто был на гулянье, разделялись на две части и устранивались линиями в боевом порядке. Сперва с обеих сторон выходили малолетки и начинали задир. Потом шел поединный бой. Выходил из линии какой-нибудь молодец, вызывал соперника, и начинался бой. А уж потом всенародное сраженье. Бывало, после сраженья иных с поля да прямо на господский двор Михайловского везли, кости вправлять...

Пушкин любил смотреть на эти игрища, а иные помещики здесь и сами свое молодечество показывали.

СЛАДКАЯ БАНЯ

У меня в деревне Савкино баня дуже хорошая. Без трубы, одна каменка. Топлю я ее, покуда от ней не пойдет вопль и она не станет сладкая. Тогда я открываю в потолке душник и выпускаю зной, беру веник и иду мыться. Хорошо драть свое естество веником, когда оно еще не умылось.

Иногда хожу в баню не один, а два раза. Зайду, попарюсь, обомлею, потом уйду в избу. Ежели воды и тепла много, то обязательно схожу в баньку пострадать еще разок. Не пропадать же такому веселью и прелести. Ежели сам второй раз не схожу идти, гоню жену, а сам иду квас пить. Выпью шесть-семь кружек, успокоюсь и на печь.

Вообще сказать черные бани, ежели они топленные по-настоящему, ольховыми дровами, дуже пользительные. Угару, сажи, копоти и иных средств утомления в них не бывает. Моя баня куда лучше, чем заповедницкая, хотя в той и чисто, как в часовне, и она совсем господская. От нее у меня завсегда делается общее снижение сил и головокруенье. А от моей бани я имею одну восторженность и сладость во всем теле.

Рубил свою баньку я сам. У нас, у савкинских, испокон веков всяк сам себе рубит. У каждого своя баня. Без бани, как без порток — тоскливо и простудно!

КАК СТРОИЛИ ДОМ В МИХАЙЛОВСКОМ

Было это накануне Духова дня 1908 года. Позвал нас земский начальник Карпов в Михайловское, а было нас — целая артель, шестнадцать плотников и каменщиков из разных окрестных деревень. И сказал Карпов: «Будете дом в Михайловском строить! Завтра закладывать будут. Приедет начальство, духовенство, сам его сиятельство князь

Львов... Так чтоб всем вам быть вовремя, в порядке, со струментом. Одеться почище. И чтоб ничего такого-этакого... Понятно?» — «Помилуйте, вашебродие, как не понятно. Очень даже понятно. Мы ведь тоже с понятием. Как можно!»

Настало утро. Явились мы на усадьбу. Все чистые, фартуки белые, струмент сложили вместе. Вдруг видим: подъезжает карета, потом еще, потом еще... Смотрим, одних попов ввалилось штук этак пять... Едет алтунский князь Львов. Губернатор. Публика вся чистая. Одним словом, картина важная, великолепнейшая.

Поставили посредине двора стол. Попы стали драть молебен. Тут Карпов мне и шепчет: «Давай тащи камни, струмент, сейчас церемонию делать будем... быстро!»

Подошли долгогривые к месту, где дом строить, покропили его святой водой... Подошел губернатор, кинул золотой.

Мы лягнули на золотой извести и положили на нее огромный, этак пудов на восемь, камень...

За губернатором подошел князь Львов, Александра Иванович. Вырвал он у меня мастерок, подхватил из ящика раствора, высыпал на камень целую горсть золотых червонцев и ляпнул на них известку, а сам этак чудно посмотрел на меня косым глазом и сделал кривую усмешку. А я всё вижу...

Потом стали подходить другие господа. Клади всяко, кто целковый, кто полтину, мелочи не клали. Я всё вижу, всё смотрю. Успеваю только раствор да камни наворачивать.

Кончили закладку, господа в парк гулять пошли, а Карпов нам и говорит: «Ну ребята, теперь давай быстрее кладите стенку...» Ну, мы и постарались. Почитай за час добрых пять сажений сложили фундаменту. Уморились. Господа подходят. Стоят, смотрят. И тут вдруг возьми я да и сними шапку, да скажи господам: «Ваши благородия! По русскому

обычаю, надо бы это святое дело вином окропить...» А господа ничего. Смеются. Смотрю — кладут в мою шапку, и порядочно кладут.

Наконец разезд начался, и все отъехали. Подсчитали мы деньги. Вышло почти десять целковых — целый капитал! И решили мы всем нашим обществом взять два ведра водки и чего-нибудь к ней еще по малости, так сказать. Принесли ее, эту водку окаянную. Вкусили. Закусили. И оказалось мало. Тут стали мы рыться в своих штанах и шапках, копейки собирать. Наскребли бутылки этак на три. А что на нашу могучую братию три бутылки? Благовоние одно, святой дух!

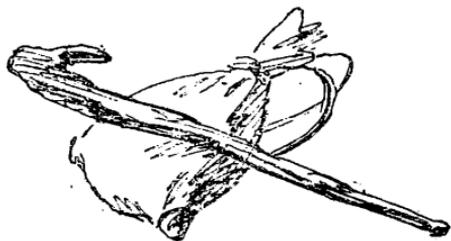
И тут бес возьми и шепни мне на ухо. «Давайте, — говорю я каким-то чужим голосом, — обождем вечера... разроем фундамент, возьмем барские денежки, бог их прости...» Все и согласилось. Сделали честь по чести. Развалили, вынули денежки, опять сложили камни... Ну, а потом и началось... Пьем день, пьем другой. Песни поем. Тут же и спим, такое истощное вдохновение на нас нашло! Только приезжает на третий день земский с урядником, оба словно туча грозовая... Подошел земский к фундаменту, посмотрел. Колупнул пальцем известку. Поглядел на палец, потом на нас глянул и, ничего не говоря лишнего, распорядился всех рабов божьих отправить в волостную кордегардию.

И тут началось следствие. И все-то свалилось на меня, как на зачинщика. Карпов говорит: «За это воровское дело, за святотатство, будет тебе три года каторги, как бог свят!» Господи, думаю, что же теперь делать? Семья-то как? А семья у меня была большая — сам-девятой. Дома все ревут, как стадо в Егорьев день. Душа аду приблизилась, трясется.

Но прошла каторга мимо моей несчастной жизни, и я воскрес душой. А случилось это так. Зная мое бедственное положение, пришел как-то ко мне поворжевский бобыль

Мишка и говорит: «Ладно, давай уж всё на себя возьму... А ты живи... У тебя семья, а мне что... Три эти года пройдут, как облако в небе. И никому никакой погибели». Обрадовался я, забегал. Кричу: «Баба, детки, валитесь в ноги Мишке!» А Мишка стоит словно статуя, ухмыляется...

Собрали мы всем обществом, кто угощался на те горькие денежки, по рублю, отдали Мишке, и он отправился куда глаза глядят... Больше мы Мишку не видели. А потом пришла война, и всё забылось...

ПЕСНЯ

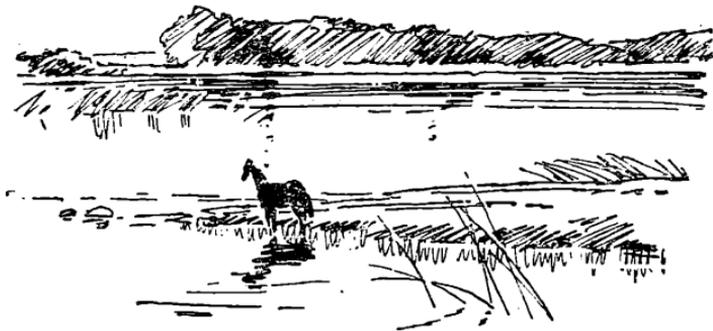
Еще несколько лет тому назад, в начале осени, местные цыгане, прежде чем разойтись на зимние квартиры, обычно приходили в Михайловское и разбивали свой табор неподалеку от озера Маленец. Здесь они жили у своих костров, отсюда по утрам расходились на свой цыганский промысел: кто погадать, кто поменяться лошадыми...

Как-то в течение почти целого месяца я наблюдал со своей околицы картину, которая неизменно вызывала в моей памяти образы пушкинских «Цыган»:

Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрип телег,
Всё скучно, дико, всё нестройно,
Но всё так живо-песпокойно...

Когда наступали сумерки, я любил приходить к табору, здоровался со старшим, подсаживался к костру и вместе с другими смотрел на огонь. В огне всегда можно увидеть лицо какого-то человека и мысленно поговорить с ним.

— Ты не думай, — говорил мне старший, — мы здесь ничего плохого никому не сделаем, и дерева не тронем, ничего не тронем... Мы знаем, Михайловское — для всех святое место. Это и наше святое место... Здесь цыгане осенью

испокон веков табором стоят... Старики рассказывали, что сам Александр Сергеевич позволил нам здесь стоять и шатры ставить и даже, говорят, бумагу дал, чтобы никто нас не обидел. Только эта бумага во время войны затерялась, когда немцы почти половину здешних цыган перерезали... Он всегда ходил к нам. Наши бабы ему ворожили... Любил он песни цыганские. И мы пели ему.

Я попросил, чтобы и мне спели какую-нибудь старую, самую старую, «пушкинскую» песню.

— Ваня, — крикнул цыган, — позови Глашку с дочкой, пусть идут сюда!

Подшли две цыганки — одна совсем старая, другая помоложе. Они о чем-то между собой поговорили — по-цыгански, шумно. Подсели к костру. Притихли и запели:

В первый раз тебя увидел,
Чистоту твою предвидел,
Да, я предвидел,
Моя, моя дорогая.

Уж как я тебя искал,
Кликал, плакал и вздыхал,
Да ты не слышала,
Ох, да ты не слышала.

Уж как я тебя найду,
Всю цветами уберу,
Да расцелую.
Ох, да ох, да расцелую.

Расцелую, размялюю,
Жизнёнком назову я,
Эх, да ты жизненок мой,
Моя, моя дорогая!

Песня мягко стелилась по озеру, медленно уходя в туман, и там тонула где-то в спящей Сороти.

— Хорошо тебе? — спросила старая цыганка.

— Хорошо, — сказал я, стараясь не глядеть на нее, потому что в глазах моих стояли слезы.

В это мгновение в огне костра я ясно увидел улыбающееся лицо Пушкина, который вместе со мной слушал эту старинную цыганскую песню.

«ЕЛЬ-ШАТЕР»

15 мая 1965 года было траурным днем в Пушкинском заповеднике: современница Пушкина — «ель-шатер» Тригорского — приказала долго жить...

Дерево скончалось после тяжелой продолжительной болезни. В последние дни с его израненной вершины густой струйкой стекала на землю прозрачная смола — живица. Текла, как слезы по лицу умирающего старого человека.

За год до смерти дерево было обнесено специальным ограждением и одето в «леса». Через них можно было близко разглядеть, что делалось на стволе и вершине его, тщательно обследовать многочисленные рапы, нанесенные ели в июле 1944 года.

Ран было много, очень много. Они были нанесены осколками мин и снарядов. Ко всему тому на дереве были обнаружены пулевые ранения, их были десятки. Уже тогда, в 1944 году, историческое дерево стало инвалидом Великой Отечественной войны, но, израненное, стойко сопротивлялось смерти. За три года до гибели старая красавица еще плодоносила, заботясь о продлении своего рода. Золотые шишки ее гроздьями свисали с верхних сучьев.

Немало этих шишек-семенников было мною разослано по городам и весям, по адресам людей, желавших отвести у себя на родине племя знаменитой пушкинской ели.

Но вот после суровой зимы 1962/63 года, когда в Михайловском и Тригорском морозы побили несколько старых соседей и елей, состояние «ели-шатра» резко ухудшилось. Пло-

доношение ее прекратилось и впредь больше уже не возобновлялось, сказались старые болезни и раны. Сказались и последствия губительной зимы 1939/40 года, когда вымерзли все старинные сады Михайловского, Тригорского, Петровского, как, впрочем, и все вообще сады северо-западной части России.

Тогда, весной 1940 года, ученые-специалисты, профессора Белосельская и Шиперович, вызванные в заповедник из Ботанического сада Академии наук, установили и в историю болезни «ели-шатра» записали: «Дерево от морозов сильно ослабело и сохранило только половину своей хвои, остальная часть ее отмерла и осыпалась, а ветви усохли... Однако почки дерева, заложённые в прошлом году, дали запоздалые, хотя и укороченные, побеги»...

В 1963 году состояние дерева было значительно хуже, чем в 1940 году. Вновь были вызваны специалисты-ботаники. Было решено расширить приствольный круг дерева, производить регулярную поливку почвы, авиаопыление химическими препаратами, вносить в землю питательные вещества. Но все это мало помогало.

Весной 1965 года состояние ели ухудшилось еще более. На кору налетели дятлы — предвестники смерти. Они стали быстро снимать с дерева его одежды.

Воспользовавшись присутствием в заповеднике О. А. Катаева — научного сотрудника кафедры энтомологии Лесотехнической академии, мы созвали новый консилиум.

Окончательный диагноз был безнадежным — летальный исход болезни в ближайшие 1—2 месяца.

И вот пришел этот день — 15 мая. В Тригорском собрались сотрудники заповедника, лесники, рабочие. В последний раз дерево было сфотографировано. Началось его удаление и вскрытие. Вырыли большой котлован, вскрыли корни.

И тут пошли чудеса...

Просеивая землю, один из землекопов увидел мелькнувший маленький предмет, им оказалась серебряная «копейка» времен Ивана Грозного — монетка тех лет, когда на месте Тригорского парка был один из посадов города Воронича, монетка — свидетель нашествия на Псковщину польского короля Стефана Батория, предавшего полному разорению этот город-герой, задержавший на несколько дней рвущуюся к Пскову стотысячную польскую армию.

Нашли и еще монетку — медный трехкопеечник 1859 года, года смерти П. А. Осиповой, хозяйки Тригорского, заботливого друга ссыльного Пушкина...

Когда ствол был положен на землю, дерево тщательно измерили. Установлено: высота — 40,5 метра, диаметр — 110 сантиметров, высота прикрепления первого сука — 9,5 метра, протяженность капилляров в сторону ближайшего водоема — 35,5 метра, ширина кроны — 30 метров.

Когда-то ветви дерева склонялись шатром до земли, поэтому хозяева Тригорского и дали ему название «ель-шатер».

В непогоду и от палящего летнего солнца оно могло укрыть сразу полсотни гостей...

Сделав первый от комля запил, стали считать количество годовых колец. В книгах, каталоге и путеводителях по Тригорскому сообщалось, что знаменитой ели 300—350 лет. Но эта датировка была условной, не подкрепленной какими-

нибудь документами. И вот настал момент, когда мы смогли узнать точную дату посадки дерева! Колец оказалось только... 143! Если предположить, что дерево было посажено в возрасте девяти лет (в таком возрасте обычно сажают ели в Северо-Западном крае, в таком возрасте и мы сажали ели в Михайловском в 1945—1946 годах на месте уничтоженных старых «ганнибаловских елей»), то выходит, что «ель-шатер» была посажена в 1812 году!

При вскрытии ствола в теле дерева было обнаружено около пятидесяти металлических осколков. В тех местах, где застряли осколки, древесина посинела, окислилась и омертвела. Внутри ствола, на высоте двух метров от земли, оказалось заплывшее отверстие, сделанное 40—42 года тому назад (это подтверждается тоже количеством годовых колец) специальным буровом для определения возраста дерева (толщина бурава полсантиметра).

Тот, кто пытался таким образом установить дату рождения дерева, не смог свою операцию довести до конца. Его буров проник в глубину только на 15 сантиметров, причинив дереву несомненный вред.

Данные вскрытия показали, что корневая система дерева сильно поражена гнилью и короедами. Последние годы этот гигант существовал за счет живой заболони, толщина которой удивительно мала — полтора-два сантиметра! Вся остальная древесина оказалась абсолютно мертвой, высохшей.

После удаления ели земля, на которой она стояла, была продезинфицирована, хорошо полита водой и удобрена.

Решено было посадить на месте погибшего дерева молодое, родственное ему. Молодой саженец был взят рядом в нескольких шагах от старой ели, где стоят дети и внуки ее, а около корней их — совсем молодая зеленая семья правнуков и праправнуков.

Сажали в канун дня рождения Пушкина. В его светлую память.

Молодое деревце хорошо прижилось и, даст бог, со временем вырастет большим, и будет красоваться, зеленью убранное, и рассказывать грядущим поколениям о своей знаменитой прабабке-красавице, современнице Пушкина.

Когда-то Тригорское украсило годы ссыльного поэта «вельселем и грациями». Кто знает, может быть, именно «ельшатер» навеяла ему образ одного из чудес в сказке о царе Салтане...

Там под елкою высокой
Белка песенки поет...

* * *

Чудес в Тригорском много. Чудо-дуб у лукоморья, чудо «береза-седло», чудо святого Антония в Осиповском доме...

Когда проходишь мимо круглой площадки, где раньше стояла ель-великанша, а сегодня стоит молодая, кокетливая елочка, живо представляешь себе Пушкина в кругу его молодых друзей. И память подсказывает тебе бессмертные строки поэта:

Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель...

ЧУДО-ЮДО

На одном из небольших холмов, что раскинулись вокруг Луговки — самой старой деревушки Святогорья — стоит чудо-юдо камень. Не камень, а кит. Он поставлен здесь четыре года тому назад среди других замшелых валунов, исстари опоясывающих холм. Нашел я этого «кита» в деревне со странным названием Мараморы. Лежал он, зарывшись глубоко в землю, на месте теперешнего загона для колхозного стада, и только нос камня торчал на поверхности. А когда камень выкопали, он представился как колоссальный валун, объемом свыше 20 кубометров. На спине валуна выбит сложный знак в виде двенадцати круглых соединенных между собою чаш. Привезли его и поставили поближе к заповеднику, чтобы сохранить и чтобы люди могли увидеть.

Пушкинский край — край камней. Самых разных. Это и просто красивые серые, красные, черные валуны, живописно возлежащие со времен сотворения мира на полях, в лесах, возле троп и дорог. Это и камни со следами рук человеческих. Еще недавно находили на пушкинской земле древние камни с таинственными, доселе не распознанными наукой знаками. Теперь этих камней почти не стало, сохранилась лишь память о них у старожилов. Одни камни шли на постройку помещичьих усадеб, дорог, ферм, другие погибли в годы фашистского лихолетья. Уничтожен камень со знаком первобытного человека, лежавший на вершине белогульского «городка» Исаака Гашибала, бесследно исчез «святой» камень у речки Луговки...

Я изъездил и исходил пушкинскую землю вдоль и поперек. Побывал и в тех местах, где некогда были таинственные камни. Места эти изолированные, потаенные, то среди болот, то в лесах.

Камень-кит, по свидетельству ученых-специалистов, — это жертвенный святилищный камень древнейшей эпохи. Вокруг таких камней люди совершали моления и жертвоприношения.

Название места, где находился наш камень, — Мараморы. Оно, несомненно, происходит от слов «мара», «марок», «мароки», что значит наваждение, призрак, род домового или кикиморы. Так объясняется это слово у Даля.

Теперь таких камней, как мараморский, на всей Псковщине не отыщешь. Есть схожий в Эстонии, около Тарту. Эстонцы гордятся им как одним из самых старых памятников своей родины.

Есть в нашей деревне Софино камень со знаком человеческого следа, был такой же камень полста лет тому назад и у деревни Луговки, расположенной у западной границы Михайловского. Почитание таких камней — явление, уходящее в глубь веков. След олицетворял силу и покрови-

тельство неба. Следу поклонялись, идучи на охоту, возле него вымалывали добычу, приносили дары и жертвы...

С распространением христианства на Руси попы и монахи стали приспособлять к своим целям старые языческие культы, символы и знаки. Появляются легенды о божьих стопах, следах Христа, богородицы и разных угодников божьих. Такие камни служители церкви объявляли святыми, атмосферную воду, накапливавшуюся в следах, — целебной. Возле таких камней ставились часовни. Стояла часовня и у древнего праславянского камня у деревни Луговки, на котором был знак человеческой ступни.

Легенда о чудесном явлении богородицы, которая якобы указала ворончанам строить новую обитель-крепость на Синичьих горах, рассказывает: узнав, что не все ворончане согласились с ее указанием, богородица поспешила на помощь своим верным слугам к месту, где надлежало построить монастырь. Перепрыгивая через речку Луговицу, она споткнулась о камень и оставила на нем след своей стопы. Монастырское сказание, рукопись которого хранится в Библиотеке Академии наук СССР, утверждает, что, увидев сие чудо, «начашася исцеления»: «...и егда людие доидоша до рече... на том месте начаша чюдотворения быти и исцеления... хромые хождашу радостные... древяницы (костыли. — С. Г.) от ног меташа... и исцеления быша великие...»

Спустя какое-то время над местом языческого луговского камня, объявленного монахами богородичным, была построена часовня, возле которой были учреждены молебствия, проходившие ежегодно во время крестного хода из Воронича в Святые Горы и Песков. Кстати, об одном из таких крестных ходов рассказывает П. А. Осипова в своем письме к поэту 24 июня 1831 года. Мимо Луговки часто проходил и проезжал сказочник-Пушкин, направляясь в Святые Горы, и, несомненно, видел часовню и камень.

ПУШКИНСКИЕ СУВЕНИРЫ

Осень 1835 года. Пушкин живет в душевной атмосфере императорского Петербурга. Он рвется вон, в деревню, в Михайловское, где всегда находил утешенье, покой и мир. Наконед, 10 сентября приезжает, чувствуя сердцем, что здесь он, вероятно, в последний раз.

В эти грустные дни он написал элегию «Вновь я посетил...» — глубокое раздумье о своей участи, о покорности общему закону бытия, о таинственном будущем. Он видит в Михайловском знакомые места, которые любил с детства, видит старое, на смену которому неудержимо идет новое. Он беседует с собой, со своим читателем, протягивает руку племени младому, незнакомому...

Поэт напоминает нам, что в жизни каждого человека некоторые истины постигаются дважды: первый раз, — когда он молод, и вторично, — когда накопил мудрость и жизненный опыт. «Вновь я посетил...» — стихотворение несконченное. Быть может, Пушкиным сделано это сознательно, чтобы мысль читателя работала дальше. Он хочет, чтобы грядущее поколение помянуло его добрым словом. А чтобы его помнили, нужно оставить по себе добрую память. Ибо дорого человеку лишь то, что он сделал добро и любю, особенно то, что далось ему нелегко. И каждый человек должен стремиться оставить после себя хороший след своими делами, своим трудом, своим творчеством... Таков высокий смысл элегии.

Есть в Михайловском доме-музее два сувенира, связанных с судьбой «трех сосен», воспетых Пушкиным в элегии. Это куски дерева. Один — большой, округлой формы, напоминающей нарост, какие бывают на стволах очень старых сосен. Он весь ошипан паломниками, отдиравшими щепотки древесины себе на память еще в те годы, когда эта реликвия была чуть не единственным экспонатом музея. Другой — небольшой прямоугольный брусок, с лицевой стороны которого прикреплены две серебряные пластинки. На верхней пластинке выгравированы строки:

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

На нижней пластинке надпись: «Часть последней сосны, сломанной бурей 5-го июля 1895 года. Михайловское».

Первый паломник, совершивший после смерти Пушкина прогулку по Михайловскому в феврале 1837 года, был А. И. Тургенев. Он прошел по следам Пушкина. Побывал всюду. Поклонился и «трем соснам», но увидел их не три, а только две, третьей уже не было.

Двадцать два года спустя другой паломник — литератор К. Я. Тимофеев тоже совершил прогулку по Михайловскому и тоже нашел только две сосны: «Третья уже давно срублена, как объяснил мне настоятель Святогорского монастыря. Дерево понадобилось для монастырской мельницы...»

А еще через 15 лет, в год установки памятника Пушкину в Москве, газета «Новое время» сообщила, что «в Михайловском в живых осталась только одна пушкинская сосна, но и эта смотрит настоящим инвалидом, сучья все уничтожены, зелени — ни веточки, только один большой ствол, дряхлый-предряхлый, покрытый толстой корой...»

«Эту последнюю сосну я особенно хорошо помню — толстая, слегка наклоненная, со сломанной верхушкой. Она жила в таком виде, пока в июле 1895 года ее не сломала окончательно буря». Так рассказывал Юлий Михайлович Шокальский — внук А. П. Керн, учёный-географ, проведший свои молодые годы в Михайловском у сына поэта Григория Александровича.

Летом 1898 года в гостях у Григория Александровича побывал поэт С. Г. Скиталец (Петров). Хозяин поведал ему о судьбе последней сосны: «Когда буря сломала ствол последней сосны и остался только ее высокий остряк, я увидел, что она сделалась опасной для людей, и с болью в сердце приказал срубить ее, а ствол сохранить у себя в кабинете. Перед тем, как все это проделать, я пригласил фотографа и заказал ему сделать снимок». Было несколько отпечатков снимка: один остался в Михайловском, другой подарен Осиповым в Тригорское, третий послан в Академию наук, а четвертый в 1899 году, в день празднования 100-летия со дня рождения Александра Сергеевича, был подарен Пскову.

По просьбе своих родственников и друзей Григорий Александрович сделал из сосны несколько маленьких брусочков-сувениров с серебряной надписью и послал их: своему брату Александру, сестре Наталье — графине Меренберг, жившей в Германии, своему племяннику — сыну сестры жены Н. Володкому, Ю. М. Шокальскому, М. А. Философовой — сестре жены Григория Александровича, а также Академии наук, лицу и поэту К. К. Случевскому.

Уезжая из Михайловского в Литву, где он поселился в Маркучье, имении своей жены В. А. Мельниковой, Григорий Александрович увез с собой и ствол сосны, отрезав от него большой кусок и передав на вечное хранение новому хозяину Михайловского — Псковскому пушкинскому комитету. Вот этот-то кусок сосны и один из брусков с надписью и видят все проходящие в дом поэта. Эти реликвии

выставлены по соседству с рукописями элегии «Вновь я посетил...».

Сегодня сувенир, принадлежавший Александру Александровичу Пушкину, находится далеко, в Бельгии, у правнука поэта А. Н. Пушкина, живущего в Брюсселе; экземпляры К. К. Случевского и Ю. М. Шокальского — в фондах Всесоюзного музея Пушкина. В Михайловском же хранится экземпляр М. А. Философовой.

А живые «три сосны» вновь стоят на своем месте — «на границе владений дедовских». Они восстановлены нами в 1947 году. Сажали их в возрасте двенадцати лет. Теперь они разрослись, стали высокими. Им скоро уже по сорок лет будет. Две из них «стоят друг к дружке близко»... Около корней их «младая роща разрослась», а кусты «теснятся под сенью их, как дети»... А третья сосна, посаженная вдали, — это «старый холостяк». С каждым годом становится он угрюмей и угрюмей, как и положено ему быть...

Когда вы проходите мимо «трех сосен», вы всегда слышите приветный «шум дерев» и не можете не вспомнить светлое имя поэта и его бессмертное «Вновь я посетил...».

В САДАХ ТРИГОРСКОГО

Прекрасен Пушкин прочитаемый. Но Пушкин, узнаанный в рощах, парках и усадьбах Михайловского и Тригорского, становится для нас еще богаче. Кто, проходя по аллеям и дорожкам заповедных парков, не вспоминает его стихи, письма, разговоры с друзьями, протянувшими ему руку помощи и сочувствия в тягостные для него годы ссылки? Глаза наши всматриваются в каждую тропинку, деревце, камень, мы вслушиваемся в птичий гомон, шепот ветра и ищем в них ответа: как же это было при нем?

Мир Тригорского — это три его былинных горы, его райские кущи, это веселый дом Осиповых-Вульф. Не ищите в Тригорском того, что видели в Михайловском. Их нельзя сравнивать. Там все иначе, и Пушкин совсем другой. В Михайловском Пушкин — человек, гонимый судьбою, анахорет, поэт, пророк. Суровые сосны и ели старого бора вечно шумят об этом.

В Тригорском Пушкин — просто отлично добрый человек, балагур и весельчак, забавник и ухажер, «гуляка праздный»... Здесь всё и всегда радостно, и в природе парка всегда слышится веселая песня, и в ней «без конца и без краю весна».

Не будь у Пушкина Тригорского, не горел бы спокойно огонь на алтаре поэта. Вся деревенская жизнь его была бы другой. Все было бы в ней иначе, и не только его судьба, но и судьба Олега, Татьяны, Ленского, быть может, была бы другой.

После жизни Пушкина многое здесь переменялось. Таков непреложный закон бытия. И как бы мы ни пытались сказать времени: «Остановись», оно летит, всё увлекая с собой. Маленькая, кокетливая березка в Тригорском стала ныне старым, дряхлым деревом, юные когда-то липы «аллеи Керн» в Михайловском превратились в инвалидов, на стволах их душегрейки из моха и лишайника; одни стоят на подпорках-костылях, другие привалились друг к другу. Поредела ганнибаловская еловая аллея. Канули в Лету «ельшатер» и «береза-седло». Время унесло многое, воспетое Пушкиным. Произошла и смена пород деревьев. Там, где шумели березовые и липовые рощи и цвели кусты боярышника, теперь разросся ельник, осина, ольшаник. Где цвели каштаны, теперь луговые травы. Многое изменилось.

Тригорский парк был заложен Вындомским, дедом П. А. Осиповой, еще в конце XVIII века. Хозяин следовал тогдашней моде — разбил романтический парк, с наивными украшениями, кокетливыми беседками, зелеными залами и коридорами, мостиками «поцелуев и вздохов». Тут и там блестели серебром зеркала прудов. Звенели запруженные ручьи. Тут были и дубовые «перспективы» и сосновые рощи, каштановые куртины и фруктовые сады с цветочными рабатками, клумбами, хитроумными беседками. Всё это требовало больших затрат и неустанной заботы. И пока был жив богатый Вындомский, все так и было. При его наследнице П. А. Осиповой парк начал оскудевать, а после ее смерти, в конце XIX века, и вовсе захирел.

Вторая жизнь этого красивейшего места началась лишь в наше время, когда Тригорское стало заповедным и его стали изучать и восстанавливать. Восстановление парка — дело очень трудное, потому что парк — художественное произведение, произведение исключительно многогранное: в нем прошлое и настоящее, старое и молодое, живое и мертвое, вечность и мгновение. Парк — это архитектура и ботаника, живопись и скульптура, история и сегодняшний день.

Не имея хорошо разработанного проекта и не зная истории памятников, восстановители Тригорского в 30-х годах нашего века сделали немало досадных погрешностей. Ошибочно полагая, что культура конского каштана в северо-западных парках явление не XVIII—XIX веков, а более позднее, удалили все каштаны из Тригорского и с могильного холма Святогорского монастыря. По этой же причине почти всюду были уничтожены кусты боярышника. В Михайловском была засеяна сосновым лесом пашня. В той части пашни, которая прилежала к усадьбе, был разбит фруктовый сад, ягодник и питомник. Был разведен питомник и в центре Тригорского парка.

Настоящая научная реставрация парков началась лишь в наше время. Несколько лет назад Министерство культуры РСФСР направило в заповедник творческую группу московских специалистов-парковедов, для того чтобы тщательно изучить его парки, их планировку, состав зеленых насаждений, произвести всесторонний анализ почвы, инструментальную датировку деревьев, выявить аналоги парков. В итоге работы появился проект реконструкции парковых ансамблей, их оздоровления и ухода за деревьями. Работа дала интересные результаты. Удалось установить возраст не только мемориальных сосен, лип, кленов, но и декоратив-

ного кустарника, сирени, акации, лещины. Они уже достигли двухсотлетнего возраста.

Особенно интересны итоги работы по изучению западной части Тригорского парка — участка солнечных часов и «дуба уединенного». Парковед К. Бобровникова доказала, что оба эти памятника некогда представляли единое целое. Местоположение «дуба уединенного» и дубов, стоящих вокруг «циферблата» зеленых часов, находится во взаимосвязи. Аллея, связывающая два этих элемента, лежит строго по Пулковскому меридиану. От циферблата во все стороны некогда шли небольшие аллейки-стрелы, показывающие восход солнца, полдень, заход солнца и ночь. Как известно, культура солнечных часов в нашей стране очень древняя. Простейшие из них состоят из шеста, тень которого, менявшая свое направление при перемещении солнца, показывала на шкале время. Солнечные часы Тригорского уникальные. Специалистов удивляет точность их планировки и построения.

Проект восстановления тригорских солнечных часов закончен. Недалеко время, когда они появятся в своем первоначальном виде.

Сад — неотъемлемая часть усадеб XVIII—XIX веков. Так было повсеместно. Так было и в Тригорском. В 1970 году сад разбит на том месте, где был прежде. С одной стороны он примыкает

к месту, где когда-то стоял хозяйственный двор, с другой — граничит с центром усадьбы и парка. В саду воссозданы старинные русские сорта яблонь: антоновка, ревелльский ранет, китайка, осеннее полосатое и другие. Сад огорожен декоративным кустарником и деревянным штакетником, сделанным в духе пушкинского времени. В нем на камнях старых фундаментов построены беседки, разбиты клумбы-цветники, расчищены водоемы-«копанки» для поливки. Восстановлению сада очень помогли старинные фотографии, которые прислала из города Горького родственница последнего арендатора Тригорского М. Пальмова.

Много хлопот было с восстановлением «скамьи Онегина». Площадка над Соротью, где расположена «скамья», сползает под обрыв. Было установлено, что площадка сползает ежегодно на 1,5—2 см. Древние дубы и липы гибли. Для того чтобы предупредить полное разрушение, площадку нужно было оградить со стороны парка, поднять и дренировать, укрепить откос. Лишь при этом возобновится почвенный покров площадки, шейки старых деревьев будут освобождены от уплотнения грунта, и деревья смогут дышать.

Кроме того, в парке начато лечение больных деревьев, особенно тех, которые пострадали в годы Великой Отечественной войны. Таких деревьев насчитывается свыше тысячи, то есть почти четверть всего старого древостоя Тригорского.

Впереди многолетняя, нелегкая, но благодарная работа. Она даст возможность оздоровить парковые ансамбли, возродить их первоначальный вид.

Когда-то Пушкин, работая над книгой философа Бэкона, сделал из нее выписку: «Достойна уважения вещь видеть древний замок либо постройку не в упадке, или видеть прекрасное дерево крепким и целым». Эта мысль, подчеркнутая поэтом, положена нами в основу реставрации заповедных парков и зеленых насаждений.

«СКАМЬЯ ОНЕГИНА»

На самом северном из трех тригорских холмов, с юго-восточной его стороны, есть деревянные ступеньки. От них узкая тропинка ведет мимо дома Осиповых, мимо большого зеркального пруда к началу парка. Отсюда вправо идет коротенькая липовая аллея. В конце ее мелколиственные вековые липы, коренастые дубы и остролистые клены образуют удивительно красивую группу деревьев.

Своеобразный облик этой естественной беседки подчеркивает вековой дуб, склонившийся над землей и словно пытающийся взлететь в небо.

Деревья скрывают от вашего взгляда усадьбу, пруд, парк и открывают замечательный вид на крутой зеленый скат Тригорского, отлогие берега Сороти, поля, луга, нивы, прорезанные извивающейся узкой светлой гладью реки. Вдали цепь холмов и темный лес, дорога из Михайловского в Тригорское, старинная дорога на Псков.

...И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гёте и Расин,
Являлся Пушкин знаменитый...

(Н. М. Языков)

Алексей Вульф, приятель Пушкина, рассказывал М. Н. Семевскому в 1866 году, что именно здесь восхищался поэт окрестностями Тригорского. Тригорское, открывая

Пушкину художественно законченные, характерные картины русской природы, вдохновило его на создание знаменитых описаний времен года в романе «Евгений Онегин». Наблюдения поэта над характерами, бытом, нравами в Тригорском служили конкретным материалом при создании обобщенных художественных образов, характерных картин русской усадебной жизни во многих его произведениях.

Знаменательно то, что в 1830 году, уже вдали от Михайловского, заканчивая роман «Евгений Онегин», поэт особенно тепло вспоминает этот тригорский уголок.

Вдали, один, среди людей,
Вообразать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив
И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в рощи скрытые дороги...

Именно поэтому живет в наши дни предание, возникшее в семье владельцев Тригорского. Предание нарекло скамью, стоящую в этом уголке парка «скамьей Онегина» и связало ее со сценой объяснения Онегина и Татьяны в пушкинском романе:

«Ах» — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад

Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью,
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

Как и в пушкинские времена, глядите ли вы ранней весной на черные поля и бушующие темные воды разлившейся Сороти, любуетесь ли блестящей на солнце летней зеленью полей и лугов, среди которых голубеют причудливые извивы реки, видите ли вы осенний грустный пейзаж со скирдами уже сжатого хлеба или перед вами пустынная заснеженная равнина с темными пятнами леса и редких деревень по холмам — вы неизменно чувствуете широкую, спокойную и сильную красоту открывающейся перед вами картины природы, и на вашу душу приходят покой и мир.

ЦВЕТЫ МИХАЙЛОВСКОГО

Цветок засохший, безухапный,
Забывтый в книге вижу я...

Пушкин, «Цветок»

Когда погожим июньским днем вы ходите по пушкинским полянам, сорвите пучек травы и посмотрите — чего только нет в вашем «букете»! Тут и ромашки, и колокольчики, дикая гвоздика и куриная слепота, незабудка и фиалка, земляника и зверобой. В ваших руках цветочная краса здешнего края — пестрое смешение красок и ароматов. Все это видел Пушкин. Говорят, что наши незабудки столь ярки потому, что они впитали голубизну михайловских озер и весеннего неба. Может быть, это и так. А может быть, они впитали в себя голубизну глаз Пушкина.

Случалось ли вам бывать в гостях у Пушкина летом, когда михайловское разноцветье и разнотравье ложится в «душистые скирды» на лугу возле дома поэта? Всюду, куда бы вы ни пошли, за вами следует запах теплого сена.

Бродили ль вы по парку в сентябре, когда отлетают золотые, желтые, бурые листья, когда все кругом успокоилось и притихло в преддверии перемены времени года? И вдруг, неожиданно, как последний подарок уходящего лета, встретила вас на полянке у липовой аллеи запоздавшая семья колокольчиков! У каждого она вызовет в душе что-то свое: один обрадуется, будто нашел жемчужное зерно, другой грустно улыбнется, но оба вспомнят пушкинские «цветы последние»...

Цветы украшали жизнь Пушкина. Они сопровождали его в радости и горести. Они обогатили его поэтический словарь, придали деревенским главам «Онегина» особый колорит.

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! Я предан вам душой... —

благодарно восклицает он.

Пушкин всегда любил цветы. В Михайловском полюбил их особенно. Всем сердцем он «стремился к жизни полевой, в деревню, к бедным поселянам, к своим цветам» (курсив мой. — С. Г.). «У меня на окне всегда цветы», — благодарно писал он Прасковье Александровне Осиповой. Потом Пушкин принес хозяйке Тригорского свой поэтический дар — «Цветы последние...», которые для него были «милей роскошных первоцветов полей»...

Великий Гёте, по чудесному выражению поэта Баратынского, «умел слушать, как растут цветы». Умел слушать и понимать тайный смысл цветов и Пушкин. Цветы были для него одним из тех лирических компонентов, которые составляли главное в его поэзии «жизни мирной».

Цветочное царство Михайловского поистине сказочно. Чего-чего тут только нет! Есть цветы, которые пришли сюда неизвестными путями еще сотни тысяч лет назад — из сибирской тайги, с альпийских лугов; есть цветы с востока, с южнорусских степей... Есть цветы, отцветающие, не успев появиться на свет божий, они — «как мимолетное виденье». Есть цветы, которые природа наградила даром долгой жизни. Ученые-цветоводы утверждают, что михайловской сирени более 250 лет! Есть цветы всякие.

Местное народное поверье угадывало в цветах разные символы. В альбомах уездных красавиц пушкинского времени часто можно не только читать, но и видеть лирические стихи и романсы. Они были изъяснены на языке нарицательных цветов. Считалось, например, что изображение цветов шиповника и гвоздики означает пылкую любовь,

желтой розы — любовь без измены навеки, лилии — чистоту верного сердца, подснежника — утешенье в печали, фиалки — скромность, тюльпана — объяснение в любви, бархатца — поэтического вдохновения. Все это, несомненно, знал Пушкин, как знали все люди в те времена.

В пушкинское время барометр был редкостью. Ему была нестари замена — цветок под названием «Ванька мокрый» — сорт бальзамина. Ежели ожидается хорошая погода — ведро, сочный стебель «Ваньки» сух, а ежели непогода — с «Ваньки» каплет вода. Не было дома, на окошке которого не стоял бы в горшочке «Ванька»-«барометр».

В Михайловском, как и в других сельских усадьбах, были цветочные часы. Они не требовали никакого ремонта, показывали же время очень точно. Известно, например, что летом цветы шиповника раскрываются в четыре часа утра, а закрываются в восемь вечера, мак раскрывается в пять утра, фиалка двухцветная — в семь, вьюнок в восемь часов и т. д. Такие «часы» росли в Михайловском повсюду.

Как и все смертные, Пушкин мог и прихворнуть: то насморк подхватит, то хандра на него нападет, то зуб заболит. Мало ли что с человеком случается! Лекарство от всех болезней было рядом с домом, на огороде, в цветнике, на лугу, а лекарь — всё она, его «мамушка», — Арина Родионовна. Она все знала, про все ведала — она была ходячей энциклопедией тогдашней сельской жизни. Простудился — пожалуйста принять кленового соку с парным молоком, или взвару из цветов «заячьей капустки», голова заболела — втягивайте в нос сок плющи, прыщ вскочил на носу — выпей-ка настоя из аютиных глазок.

Одуванчик — милый, первый весенний цветок, похожий на солнышко, его в наше время выпалывают из цветников как сорняк. При Пушкине к нему относились почтительно, считая эликсиром жизни. Корень его принимали при болезнях печени, настойка из цветов считалась лучшим средством от ожога. Ромашкой молодежь «золотила» в бане свои

кудри. Настой из цветов барбариса снимал лихорадочное состояние заболевшего.

Есть у меня старинная, конца XVIII века, рукописная книга в добротном кожаном переплете, написанная неизвестным псковичом. Купил я ее случайно лет двадцать назад на базаре в Опочке. Называется она «Записки о земных произражениях, цветах и благовониях». Чего-чего только в этой книге нет!

В конце XVIII века помещицы усадьбы на Псковщине запестрели яркими красками гвоздики, анемонов, мячиковых георгинов, левкоев. Стали появляться куртины сирени, белых, красных и желтых роз, впервые завезенных в Россию еще в XVII веке. Стали заводить клумбы с бархатцами, с геранью, которую рекомендовал для садов Петр I, устраивать цветочные куртины, партеры, клумбы, вавилоны, пилигримы, лабиринты. Обо всем этом рассказывается в моей замечательной книге. Она позволила определить многие старинные сорта цветов и фруктовых деревьев, помогла найти нужный рисунок цветников, установить, где в Михайловском находился «парнас», а где «лабиринт». Она заставила меня организовать поиск цветов, характерных для русского сельского садово-паркового искусства пушкинского времени. Поиск увенчался успехом: удалось найти интересные сорта шиповника, фиалки, сирени...

Долго искал я цветок, ставший в наше время исключительной редкостью, — клен-малину. Нашел я его в двадцати километрах от Михайловского, в бывшей усадьбе приятельницы Пушкина Евпраксии Николаевны Вревской (Вульф), у которой как-то, будучи в гостях, Пушкин сажал в саду деревья.

Сегодня кусты этого цветка вновь украшают сад поэта. Листья цветка — подобны кленовым листьям. Цветет он, как шиповник, душист, как малина, и весел, как праздничный ситец. Весною и летом цветет он. Цветет себе и цветет...

ЗАВЕТНЫЙ ЛАРЕЦ АРИНЫ РОДИОНОВНЫ

Рядом с домом Пушкина, под сенью большого двухвекового клена (последнего пушкинского клена в Михайловском), среди густых кустов сирени, акации и жасмина, кое-где увитых зеленым хмелем, стоит маленький деревянный флигелек. Флигелек этот был построен еще Осипом Абрамовичем Ганнибалом в конце XVIII века, одновременно с большим господским домом. В нем помещались баня и светёлка. При Пушкине в светёлке жила Арина Родионовна.

Домик няни — единственная постройка пушкинского времени, сохранившаяся до 1944 года. В 1947 году флигелек был восстановлен по картинам, фотографиям, зарисовкам, обмерам и многочисленным описаниям.

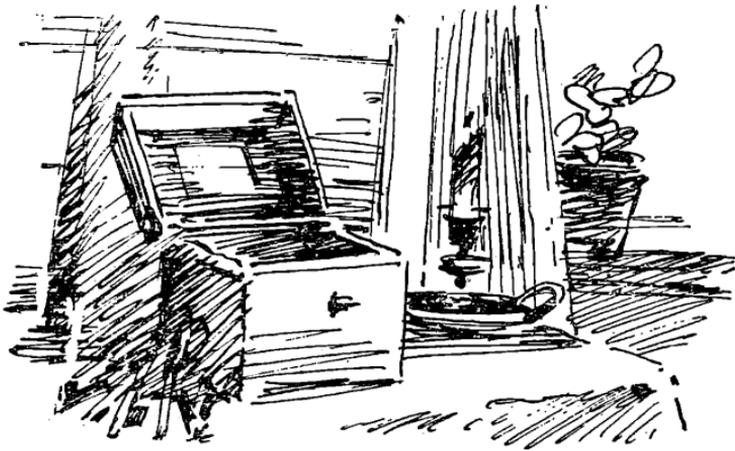
В баньке Пушкин принимал ванну, когда с наступлением холодов он не мог купаться в Сороти. В светлицу няни приходил, когда ему было особенно одиноко. Здесь, у няни, он чувствовал себя, как у бога за пазухой. Сюда он шел отдохнуть, послушать ее чудесные сказки. Здесь всё было простое, русское, деревенское, уютное... Старинные сундуки, лавки, в красном углу, «под святыми», стол, покрытый домоткапой скатертью, жужжащее веретено... В другом углу — русская печь с лежанкой, пучками душистых трав. Напротив печи на полке — медный самовар, дорожный погреб, глиняные бутылки для домашних наливок — анисовки, зубровки, вишневки, до которых, чего греха таить, Пушкин был большой охотник. На комод — заветный ларец няни, о котором и будет этот маленький рассказ.

Весною 1826 года Пушкин с нетерпением ждал приезда в Тригорское поэта Николая Михайловича Языкова, о котором много слышал от его товарища по Дерптскому университету Алексея Николаевича Вульфа — сына Прасковьи Александровны Осиповой от первого брака. Наконец, к величайшей радости Пушкина, Языков и Вульф приехали в деревню. Это были лучшие дни в жизни ссыльного поэта.

Языкову всё правилось и в Тригорском и в Михайловском — и здешняя природа, и хозяева Тригорского, и молодые «девы тригорских гор», и особенно Пушкин, перед которым он благоговел. Николай Михайлович был также без ума от Арины Родионовны. Она привлекала его своей душевной привязанностью к поэту, материнской заботой о нем, своей замечательной народной речью, «членительными рассказами» про старину, про бывальщину. В свою очередь, и старушке стал дорог друг «ее Саши»; Арина Родионовна всегда сердечно к нему относилась, стараясь всячески угодить. О проведенных «легких часах» у Арины Родионовны и ее «святом хлебосольстве» Языков вспоминает в двух своих стихотворениях, ей посвященных. Одно из них было написано еще при жизни няни.

К няне А. С. Пушкина

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
 В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
 Я покидал для ней и славу, и науки,
 И немцев, и сей град профессоров и скуки, —
 Ты, благодатная хозяйка сели той,
 Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
 Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
 Священнодействовала при алтаре Камены, —
 Всегда приветами сердечной доброты
 Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
 Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
 Ходил я навещать изгнанника-поэта,
 И мне сопутствовал приятель давний твой,

Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас, добра и весела,
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно!

Перед отъездом Языкова из Михайловского Арина Родионовна подарила ему на добрую память шкатулку, которую специально для Языкова заказала деревенскому умельцу. В этой шкатулке Языков потом хранил свои сувениры из Тригорского, письма к нему Пушкина и Осиповых-Вульф и подаренный ему Пушкиным автограф стихов «У лукоморья дуб зеленый...».

Узнав о смерти няни, Языков посвящает ее памяти еще одно стихотворение «На смерть няни А. С. Пушкина», которое заканчивается так:

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я
И умиленною метною
Душа разнежится моя!

* * *

Прошло много лет. В 1938 году, вскоре после столетия со дня смерти А. С. Пушкина, потомок Н. М. Языкова — Анна Дмитриевна Языкова — передала рукописи и письма Языкова и Пушкина, хранившиеся в заветной шкатулке, Государственному литературному музею в Москве, а шкатулку завещала передать после своей смерти домику няни в Михайловском.

Умерла Анна Дмитриевна в поселке Муромцево Владимирской области, куда она эвакуировалась в 1944 году из Новгорода, в возрасте 96 лет.

Завещательное распоряжение ее о передаче шкатулки Михайловскому было выполнено близкой знакомой Анны Дмитриевны учительницей Е. А. Пискуновой в 1951 году.

Шкатулка эта прямоугольной формы, дубовая, с отделкой из вишневого дерева, с откидной крышкой, в центре которой — небольшое, ныне заделанное отверстие «для копилки». На внутренней стороне крышки — пожелтевшая от времени бумажная наклейка с надписью чернилами:

«Для черного дня

Зделан сей ящик 1826 года июля 16-го дня».

Ларец закрывается на замок, сохранность его довольно хорошая. Это единственная подлинная вещь Арины Родионовны, дошедшая до наших дней.

«Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...»

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Пушкин

В 1940 году в Ленинграде умер известный советский ученый-географ, почетный академик Юлий Михайлович Шокальский. Величественные ледники Памира, Тянь-Шаня, Новой Земли, острова Арктики, пролив в архипелаге Северная Земля носят сегодня имя этого замечательного человека.

В детские и юношеские годы Шокальский подолгу жил в Михайловском у сына поэта, Григория Александровича, в качестве его воспитанника. Юлий Михайлович был связан с пушкинским уголком и кроеными узами. Он был внуком знаменитой Анны Петровны Керн, племянницы Прасковьи Александровны Осиповой.

Задолго до 1899 года, когда Михайловское было приобретено в государственную собственность, Юлий Михайлович тщательно сфотографировал многие пушкинские места, обмерил дом Осиповых-Вульф в Тригорском. В семье Шокальских до последнего времени хранились драгоценные реликвии, связанные с Тригорским и его обитателями.

В 1962 году скончалась дочь Юлия Михайловича Зинаида Юльевна, долгие годы бывшая директором Центрального музея почвоведения имени Докучаева Академии наук СССР. В настоящее время остались только дальние род-

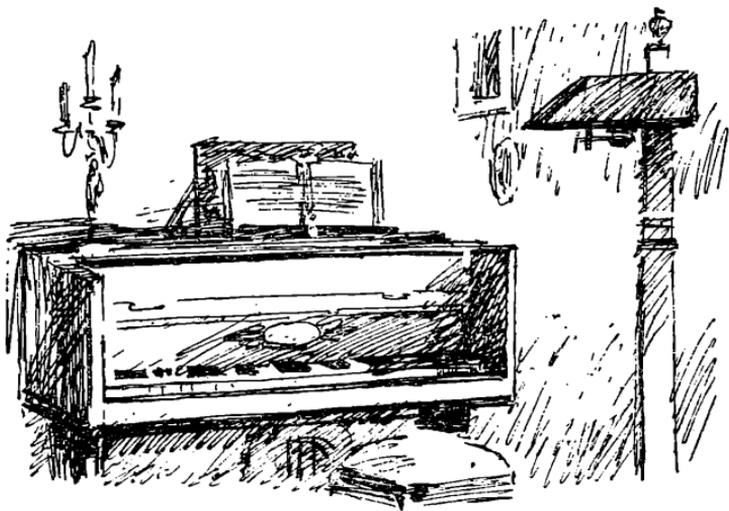
ственники Шокальского. Благодаря их любезности мне удалось получить для Пушкинского заповедника несколько реликвий. Об одной из них и хочется рассказать.

Речь идет о большом живописном портрете Екатерины Ермолаевны Керн — дочери Анны Петровны от ее первого мужа генерала Е. Ф. Керна. Портрет этот — единственное живописное изображение дочери Анны Петровны Керн. Написан он масляными красками неизвестным художником в 40-х годах XIX века.

Екатерина Ермолаевна изображена художником в зеленом шелковом платье, на плечи ее накинута легкая газовая шаль розового цвета. Модная высокая прическа украшена золотой диадемой. Лицо миловидное, но строгое, бледное, задумчивое; легкая улыбка несколько оживляет ясно выраженные черты печали. Кисти красивых рук спокойно лежат одна на другой.

Когда внимательно вглядываешься в черты лица Екатерины Ермолаевны, невольно вспоминаешь рисунок Пушкина, изображающий ее мать, которой поэт посвятил свое бессмертное стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», написанное летом 1825 года в Михайловском и врученное портретом Анне Петровне в Тригорском 19 июля.

Екатерина Ермолаевна родилась в 1818 году. Училась в Петербурге в Смольном институте. По окончании института, в 1836 году, осталась служить в нем в качестве классной наставницы. В том же году Екатерина Ермолаевна познакомилась с М. И. Стунеевой, сестрой Михаила Ивановича Глинки — знаменитого русского композитора. В ее доме Екатерина Ермолаевна вскоре встретила и с самим композитором. Постепенно знакомство перешло в дружбу, а дружба в любовь. В своих «Записках» Глинка рассказывает о встрече с этой девушкой, сыгравшей в его жизни такую большую роль: «Мой взор невольно остановился на ней, ее ясные, выразительные глаза, необыкновенно строгий стан и особенного рода прелесть и достоинство, разлитые во всей

ее особе, всё более и более меня привлекали. Вскоре чувства мои были вполне разделены милою Е[катериною] Е[рмолаевною], свидания наши становились отраднее».

В 1839 году Глинка написал для Екатерины Ермолаевны романс на слова Пушкина «Где наша роза?», а вскоре положил на музыку и «Я помню чудное мгновенье...», посвятив романс любимой девушке, матери которой великий поэт посвятил слова.

Так мать и дочь вошли в бессмертие гением Пушкина и Глинки.

Весною 1840 года Екатерина Ермолаевна серьезно заболела, ей угрожала чахотка. По совету врачей она вместе с матерью уехала к себе в деревню на Украину. По дороге они решили заехать в Тригорское, чтобы навестить Праксью Александровну, посетить Михайловское. Михаил Иванович в это же время собрался ехать к больной матери в Смоленскую губернию, и часть пути ехал вместе с Кернами.

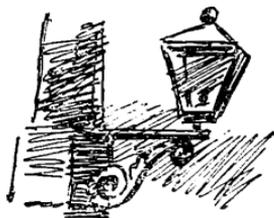
17 августа Глинка писал Екатерине Ермолаевне: «Собщите мне описание вашего пребывания, в особенности то место, где покоится прах Пушкина. Душевно сожалею, что обязанности к матушке не позволили мне вам сопутствовать».

В это время Глинка работал над созданием оперы «Руслан и Людмила», в основу которой положил одноименную поэму Пушкина. Ему очень хотелось побывать там, где некогда в изгнании жил великий Пушкин, и он очень сожалел, что ему не удалось совершить это паломничество.

Из писем Глинки видно, что он сделал предложение Екатерине Ермолаевне и получил согласие на брак; обострившаяся болезнь ее расстроила свадьбу. Великий композитор до конца своей жизни был искренне расположен к Екатерине Ермолаевне, вызвавшей в нем горячее поэтическое чувство.

В 40-х и 50-х годах Екатерина Ермолаевна часто гостила в Тригорском. В 1852 году она вышла замуж за М. И. Шокальского и вместе с ним часто приезжала в Тригорское, вплоть до своей смерти в 1904 году в возрасте 86 лет.

Портрет Екатерины Ермолаевны можно видеть в зале Тригорского рядом с портретом ее матери, нарисованным Пушкиным.

ОБ ОДНОЙ МАЛЕНЬКОЙ ВЕЩИ ПУШКИНА

Крупица за крупницей собираем мы — хранители следов земной жизни Пушкина — сведения о годах ссылки его в псковскую деревню. Мы ищем, что-то находим, что-то не найдем никогда, многое нам непонятно, потому что изменился ход времени и смысл вещей...

Приехав в августе 1824 года из Одессы в Михайловское налегке, Пушкин во многом нуждался. Глухомань, какой в то время была Опочецкая округа, плотно изолировала его от цивилизации. В своих письмах к друзьям и брату Льву Сергеевичу он то и дело просит прислать из Петербурга разные предметы первой необходимости: бумагу простую и почтовую, перья, чернильницу, книги разные, калоши, сыр, горчицу, курильницу и т. д. Просит он прислать и серные спички (письмо брату, посланное в начале ноября 1824 года). В списке вещей, которые Пушкин хотел иметь у себя в Михайловском (список этот вложен в одно из писем брату в декабре 1825 года), значится — «аллюметт» (слово написано по-французски, обозначает — «спички». — С. Г.). О каких же спичках идет речь в этих документах? Разве современного типа спички были в то время?

Как известно, первые в мире спички (фосфорные) были изобретены во Франции в 1831 году. За неимением средств изобретатель их Шарль Сориа не смог взять патента, и через два года его изобретение вновь открыл немецкий химик Камерер, которому в 1833 году удалось составить химическую массу, легко воспламеняющуюся при трении о шес-

роховатую поверхность. Это изобретение было приобретено венскими фабрикантами Ремером и Прешелем; они впервые стали изготавливать спички фабричным путем и распространять в Европе.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сообщает, что «Спички в Россию первоначально привозились из-за границы (Гамбург), а с 1837 года стали выделяться в России, причем производство их было сосредоточено исключительно в Петербурге».

Первоначально фосфорные спички продавались в России по баснословной цене — 1 рубль серебром за коробку (100 штук). Простому народу они были не по карману, и их употребляли только состоятельные люди.

Итак, спички были изобретены за границей в 1833 году, а в России появились в 1837 году. О каких же спичках пишет Пушкин своему брату в 1824 году? А вот о каких.

В России спички были издавна. Спичкой у нас вообще называлась маленькая лучинка. Чтобы она лучше горела, конец ее смазывали смолой или серой. В конце XVIII века появились в России своеобразные зажигалки (аллюмент), — нечто вроде закрытых металлических или стеклянных лампад, в которых теплился огонек и куда через специальные отверстия просовывались спички-серяпки, посредством которых можно было достать огня. Были эти «зажигалки» о нескольких спичках, футляры их были в виде вазочек с художественной отделкой. Были такие спичечницы в богатых домах. Одну из таких зажигалок-спичек мне довелось видеть на столе в петергофском кабинете Николая I, другую — в фонде Всесоюзного музея Пушкина в Ленинграде.

Были зажигалки-спички и другого характера. В одном из старинных печатных руководств начала XIX века, в параграфе «О домашнем огне», рассказывается следующее: «Лучшее средство иметь в своем доме постоянный огонь — горящая лампада. Но легко может случиться, что лампада

погаснет, тогда необходимо иметь под рукой огниво. При обыкновенном высекании кремнем из стали не всегда можно достать огня, и посему можно делать спички. Кусок платиновой проволоки в виде спицы обернуть винтом около светильни из бумаги. Оную светильню опускают в баночку со спиртом и зажигают, коль скоро сия спичка накалится докрасна, светильню затушить, ибо конец спички будет удерживать жар до тех пор, пока в лампаде находится хоть капля спирта. Двух ложек достаточно для поддержания такой температуры в продолжение шестнадцати часов. Сии приборы имеют те важные удобства, что при их употреблении нет никакой опасности от огня или запаха от лампы, в коей горит масло. Иногда сей прибор можно употреблять вместо курильниц, и тогда на место винного спирта вливают амбре или другие духи» («Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварики, кухарки, содержащая в себе руководство городского и сельского хозяйства, извлеченное из 40, 50 и 60-летних опытов русских хозяек. Сочиненное Борисом Волжиным в Петербурге»).

О таких вот спичках, наверное, и писал Пушкин своему брату в 1824 году, а не о тех, что были изобретены почти десять лет спустя и теперь известны каждому.

В ДАР ЗАПОВЕДНИКУ

— Скажите, могу я видеть директора Пушкинского заповедника? — спросил пожилой человек, входя в мою квартиру. Неизвестный назвался Суреном Тиграновичем Захарьяном. — Бывший военный врач и ныне пенсионер, — отрекомендовался он.

Я спросил, чем могу служить.

— Вот какое дело, — сказал он, осторожно разворачивая сверток и бережно вынимая из него какую-то книгу в изрядно потертом переплете, — эта книга — из библиотеки вашего заповедника. Приобрел я ее случайно, в 1944 году, при довольно интересных обстоятельствах. В то время я служил в армии полковым врачом. Осенью 1944 года наша часть остановилась как-то на отдых, теперь уже я даже и не помню точно где. В каком-то небольшом местечке западной Польши. Воспользовавшись относительным затишьем, я захотел что-нибудь почитать. Книг в госпитале было мало, а те, что имелись, были зачитаны до дыр. Мой связной, узнав, что я иду, сказал, что недавно на дороге, по которой удирали гитлеровцы, он подобрал одну очень интересную книжку: «Ежели желаете — могу дать...»

Скоро я держал в своих руках солдатскую находку. Это была старинная книга, издания 1836 года, 15-й том «Библиотеки для чтения» А. Смирдина. Перелистывая пожелтевшие страницы, я взглянул на титул и увидел на нем фиолетовый штамп: «Библиотека музея Пушкинского государственного заповедника, инвентарный № 1246». Из газет

я уже знал, что, отступая из Михайловского, гитлеровские захватчики разорили музей, а библиотеку увезли с собой в Германию. И тут мне стало ясно, что в моих руках большая ценность — одна из книг пушкинской библиотеки заповедника!.. С тех пор эту книгу я храню как реликвию своих военных лет. Недавно у меня появилась возможность осуществить давнишнюю мечту — побывать в заповедном уголке на Псковщине. И вот я здесь, и книга со мною. Прошу вас принять ее в дар...

Сейчас этот дар украшает одну из книжных полок кабинета великого поэта. Книга вернулась на свое место, в свой родной дом. А ее даритель стал частым и желанным гостем заповедника.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Когда гроб с телом Пушкина привезли в Святогорский монастырь, А. И. Тургенев распорядился послать за крестьянами Михайловского и Тригорского, чтобы они поспешили в монастырь рыть могилу.

Зима была суровая. Земля как камень. Ни ломом, ни лопатой не возьмешь. Зажгли костры, чтобы хоть немного отогреть землю.

Наступил миг погребения. Поднося гроб к могиле, трижды качнули его в сторону родного дома в Михайловском — таков старинный псковский обычай. Опустив прах в землю, закидали могилу скованными морозом комьями земли. Насыпали холмик. Поставили простой сосновый крест. Кто-то из дворовых сказал Тургеневу: «Надпись бы сделать...» Тот ответил: «Скажи, чтобы черной краской вывели одно слово «Пушкин», больше ничего не надобно. Там видно будет...» Кто-то из Михайловского принес чашку с кутьей и поставил ее на могилу. Тургенев взял себе на память ветку хвои и горсть земли...

Соборный колокол ударил к ранней обедне. Монастырь зажил своей обычной жизнью.

...Наступила весна 1837 года. Ушли снега. Земля на могиле осела. Хозяйка Тригорского и ее дети часто посещали могилу, распорядились поправить могильный холмик, одерновать его, посадить цветы.

Первая мысль о памятнике на могиле Пушкина появилась через две недели после его смерти. Вот что писал тогда Н. А. Полевой: «...неужели мы не сделаем ничего для почтения памяти поэта? Наш долг ознаменовать воспоминание о Пушкине памятником, достойным его слова и русской чести... Пусть каждый из нас, кто ценит гений Пушкина, будет участником в сооружении ему надгробного памятника! Наши художники вспыхнут вдохновением, когда мы потребуем от них труда, достойного памяти поэта. И в мраморе или в бронзе станет на могиле Пушкина монумент, свидетель того, что современники умели его ценить. И сильно забьется сердце юноши при взгляде на этот мрамор, на эту бронзу».

Через четыре года после смерти Пушкина на могиле поэта вместо деревянного креста был поставлен мраморный монумент. Только это произошло совсем не так, как мечтал Полевой.

Пушкина хоронили дважды. Первый раз его хоронил в 1837 году А. И. Тургенев. Второй раз хоронила Наталья Николаевна и дети — в 1841 году.

НАДГРОБИЕ

Создатель пушкинского надгробия Александр Иванович Пермагоров был потомственный уралец. Он прибыл в Петербург в первые годы XIX века с группой рабочих для обустройства «каменному делу» и пополнения императорской гранильной фабрики рабочей силой. Своими способностями он быстро обратил на себя внимание начальства и уже спустя три года был переведен в подмастерья, а затем, вскоре, получил звание мастера монументального вечного цеха. Имя его стало довольно широко известным в столице и при дворе. Надгробия работы Пермагорова можно было видеть не только на петербургских кладбищах, но и в Москве и других знатных городах России.

Когда сегодня мы проходим по некрополю Александровской лавры, мы видим подписанные Пермагоровым прекрасные монументы. В Благовещенской церкви, в двух шагах от могилы А. В. Суворова, стоит очень импозантный памятник на могиле грузинского царевича Вахтанга Ираклиевича, умершего в Петербурге в 1814 году. На памятнике надпись: «Дражайшему супругу памятник соорудила вдова его грузинская царица Мария Давыдовна». В углу выбита подпись художника: «А. Пермагоров». Недалеко от этой церкви, на Мартошовской дорожке, стоит другое надгробие работы Пермагорова — Смарагде Гике, румынке, княжне, потомку молдавских господарей, умершей в январе 1818 года.

Оба эти памятника свидетельствуют о высоком мастерстве художника. В них мы находим некоторые элементы, которые потом встретим и на пушкинском надгробии в Святых Горах.

В 1837 году, будучи назначенным на восстановительные работы в Зимнем дворце, Пермагоров с группой каменщиков выполнял отделку одного из залов, который по личному указанию царя должны были покрыть уральским малахитом и впредь именовать Малахитовым. Царь лично наблюдал за ходом работ. Однажды, проходя по залам, он остановился, чтобы рассмотреть работу группы Пермагорова. Царь спросил мастера, кто он таков, откуда родом, чем постоянно занимается. Тот ответил коротко и ясно: «Вашего величества цеховой мастер каменных дел!» Царю понравилась расторопность художника, и он приказал сопровождавшему его дежурному адъютанту записать фамилию его в памятную книжку.

В конце 1839 года отделка зала была окончена. Царь был в восторге и приказал подать список мастеров, «особо отличившихся умением и старанием». На сем списке «собственною его величества рукою» было начертано:

«Наградить за усердие серебряными медалями». Такую медаль получил и Цермагоров.

В эти-то дни и обратился к царю председатель опеки над семьей и имуществом Пушкина граф Строганов от «имени вдовы камер-юнкера Пушкина и от своего лично», с просьбой даровать высочайшее дозволение на сооружение памятника на могиле А. С. Пушкина.

— Место это пустынное, — говорил царю Строганов, — сейчас могилу осеяет простой деревенский крест... Жена покойного очень просит, говорит, что должна исполнить сердечный обет... Собирается с детьми на проживание в тамошней деревне...

— Ну что ж, — ответил Николай. — Река времен всё смывает. Делай, коли так, да только чтобы без выкрутасов, смиренно... — О чем-то подумав, добавил: — Да, а ведь у меня во дворце и мастер для этого дела есть, первостатейный. Ему можешь поручить. А рисунок сочините сами, мне потом покажешь...

Через какое-то время чертеж надгробия был предъявлен царю. Разглядывал вместе с Бенкендорфом. Памятник напоминал надгробия древних: суровые камни, гранитные ступени, цоколь для эпитафии, акротерий, урна с покрывалом... Над всем этим белый мраморный обелиск. Всё скромно и даже сурово.

— Хорошо. А эпитафия, надпись какая, стихи будут ли? — спросил царь.

— Ничего не будет, — ответил Бенкендорф, — только имя, год и место рождения и смерти. Никаких стихов!

— Ну что ж, пожалуй, пусть будет так. Только прикажи, чтобы не делали особенно шуму... Без газет, без объявлений. Сделать, перевезти, поставить — и конец! Да, — спохватился царь, беря обратно от Бенкендорфа чертеж, — так ты говоришь, монумент будет, как у древних? Но ведь Пушкин-то не древний. Он христианин. Ты сам и Жуковский докладывали мне о его последних часах... Где же хри-

Эгнэвский символ на этом прожете, где крест? Скажи им, чтобы присочилили крест на обелиске, обязательно!

Вскоре опека заключила с Пермагоровым условие на изготовление надгробия. Над памятником работал сам Александр Пермагоров и его всегдашние помощники — брат Лев, Парфен, Афанасий и Александр Истомины.

В ноябре 1840 года в мастерскую приехали посмотреть монумент Наталья Николаевна, Виельгорский, Строганов. Памятник всем понравился, и было решено отправить его в Святые Горы.

Наталья Николаевна долго думала, кому можно поручить это важное дело, и вспомнила старого дворового Сергея Львовича, бывшего расторопного старосту Михайловского и Болдина, знаменитого Михайлу Ивановича Калашникова — верного слугу ее покойного мужа.

Старик, после того как был отстранен от болдинской вотчины, скитался в Петербурге без собственного пристанища. Он жил то у одного, то у другого сына. Дети его не баловали, и, по свидетельству людей, встречавшихся с ним в эти годы, Калашников по-настоящему нищенствовал.

Будучи сыскан прислугой Натальи Николаевны, Михайло был доставлен к барыне. Войдя в дом, он упал перед Натальей Николаевной на колени и горестно заплакал:

— Спасибо, благодетельница, что вспомнили про меня, не побрезговали... Уж будьте покойны, всё сделаю, как следует: доставлю и поставлю. Верою и правдою служил моему благодетелю, верою и правдою буду служить его памяти, спаси его Христос!

Передав Михайле приказание, Наталья Николаевна вынесла ему 25 рублей, добавив, что эти деньги не в зачет тем 150 рублям, которые ему будут даны опекой на доставку и установку монумента и на содержание его в пути и на месте, в Михайловском.

10 декабря 1840 года мрамор памятника и каменные плиты были упакованы в несколько ящиков, погружены на

семь подвод. На особой подводе тронулись подрядчики — Сергей Гусев и Антон Семенов. В подводу с кибиткой сел Михайло Калашников.

Наталья Николаевна отправила с Михайлой письмо на имя псковского губернатора Федора Федоровича Бартоломея. В своем письме она просила его о содействии в установке памятника на могиле мужа, так как не была уверена, что зимою это дело можно будет благополучно свершить по причине мороза, и просила его совета, как поступить. Не лучше ли подождать весны будущего года? Далее она писала о том, что в 1841 году намерена быть в псковском имении ее мужа и рада будет встретиться с его превосходительством. В своем ответном письме Бартоломей писал Наталье Николаевне, что считает выполнение ее просьбы делом своей чести. Он советовал ей отложить установку памятника до весны и обещал всяческое свое содействие. Вскоре он дал соответствующее указание псковскому губернскому архитектору Ябсу, ремонтировавшему в то время святогорские древности.

Наталья Николаевна приехала с детьми в Михайловское 19 мая 1841 года. Узнав об этом, губернатор немедленно нанес ей визит. Он привез ей в подарок литографии с видами Святогорского монастыря и Михайловского, отпечатанные с рисунков псковского землемера И. С. Иванова, и стихи собственного сочинения, предварительно отлитографированные и напечатанные в псковской губернской типографии:

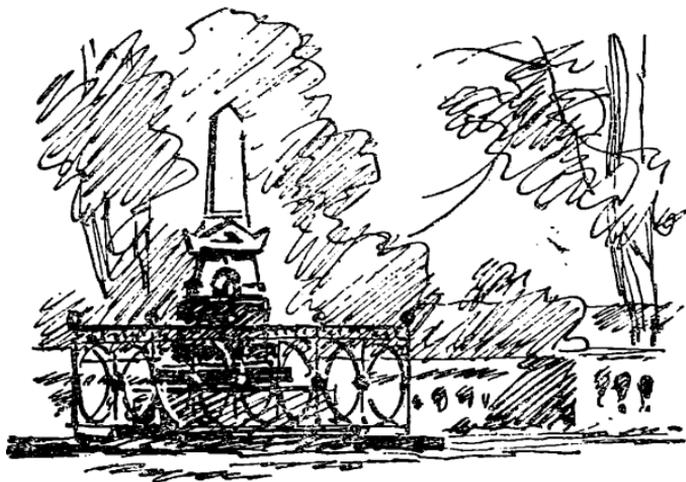
В тени дерев в Святых Горах,
Близ храма, скромная могила
Любимого поэта прах
Покоем вечным осенила.
И крест без надписи стоит,
Зарос травой в забвении диком.
Но сердцу что-то говорит
Здесь о родном и о великом...
И скоро гордый Мавзолей,
Украшив холм уединенный,

Укажет, где в тени ветвей
Лежит порт наш вдохновенный.
Пройдут века! В Святых Горах
Истлеет мрамор белоснежный,
И, Пушкин! твой исчезнет прах,
Как призрак жизни безнадежной...
Но не страшися! не умрет
В твоих твореньях дивный гений,
Он быстрый свой свершит полет
До самых поздних поколений...
И сила чувств, и гордость дум,
Твои стихи, твоё мечтанье, —
Они как моря вечный шум,
Как говор волн и вод журчанье.
Не истребит времен закон,
Что недоступно его силе —
И песнопенья чудный звон
Не схоронен с тобой в могиле!

Установка памятника оказалась не простым делом. Нужно было не только смонтировать и поставить на место привезенные из Петербурга части, но и соорудить кирпичный цоколь и железную ограду; под все четыре стены цоколя на глубину два с половиной аршина подвести каменный булыжный фундамент и выложить кирпичный склеп, куда было решено перенести прах поэта. Гроб был предварительно вынут из земли и поставлен в подвал в ожидании завершения постройки склепа.

Всё было закончено в августе. Вскоре Наталья Николаевна сообщила другу А. С. Пушкина Павлу Нащокину о том, что «сердечный обет, давно предпринятый»; ею выполнен. «Могилу мужа моего находится на тихом, уединенном месте, местоположение однакож не так величаво, как рисовалось в моем воображении: сюда прилагаю рисунок, подаренный мне в тех краях. Вам одним решаюсь сим жертвовать... Князь Вяземский заходил ко мне...»

П. А. Вяземский приехал в Михайловское в сентябре. По его выражению, «он ездил на поклонение к живой и мертвому». Вспоминая об этой поездке, он писал тому же

Нащокину в том же году: «Я провел нынешнюю осень несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолудинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине».

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА

То, о чем я рассказываю в этой заметке, строго документально и рассказывается впервые. Мне выпало на долю воочию увидеть остатки великого поэта. Это случилось в 1953 году при восстановлении памятника на могиле Пушкина.

С течением времени могила поэта, требовавшая специального наблюдения и ухода, пришла в грустное состояние, хозяева монастыря не проявляли интереса к этому святому месту. В 1848 году умер отец поэта Сергей Львович. В соответствии с его завещательным распоряжением он был по-

хоронен рядом с сыном. С тех пор до 80-х годов прошлого столетия за памятником никто не присматривал. Рядом с могилой Пушкина появились могилы игумена Иоанна, дочери П. Ф. Карнова — местного земского исправника. Только в 1880 году, когда по всей России шла подготовка к открытию памятника Пушкину в Москве, губернские власти приказали обследовать могилу. Картина оказалась весьма неприглядной. Кирпичный цоколь, на котором стоял монумент, развалился, решетка вокруг надгробия повалилась, по склону холма лежали поверженные бурями старые дубы и липы. Сын поэта, живший в это время в Михайловском, обратился к губернатору и в духовную консисторию с просьбой о приведении в порядок могильного холма. В противном случае, заявил Григорий Александрович, он перевезет прах отца в Михайловское.

В апреле 1880 года из Пскова в монастырь прибыла группа рабочих, которые отремонтировали кирпичный цоколь, поправили решетку да насыпали свежего песка на площадке вокруг памятника.

В канун столетия со дня рождения Пушкина псковский Пушкинский комитет произвел новое обследование родового кладбища Пушкиных. Комитет был потрясен картиной разрушения. Псковскому архитектору В. Л. Назимову спешно было поручено организовать работу по приведению кладбища в благопристойный вид к 26 мая 1899 года, так как в этот день предусмотрено было провести торжественное богослужение у могилы Пушкина, а по окончании праздника — произвести необходимый капитальный ремонт всего некрополя. В конце 1902 года Назимов сделал доклад Пушкинскому комитету. Он подробно описал всё, что им было сделано в 1901—1902 годах по благоустройству могилы Пушкина.

Выдержки из этого доклада он опубликовал в газете «Новое время» от 14 ноября: «1 января 1901 года высочайше утвержденный комитет по сбору пожертвований

в пользу учреждений имени Пушкина, обратив внимание на опасность возможного повреждения памятника от постоянного обсыпания откоса, предложил мне составить проект на укрепление склона горы и устройство террасы у того места, где находится могила великого поэта. Составленный мною проект был рассмотрен и одобрен августейшим президентом Академии наук великим князем Константином Константиновичем и утвержден комитетом. В строительный сезон 1901 года, за недостатком необходимого материала, были использованы лишь подготовительные работы, и к исполнению проекта приступлено 1 июня 1902 года. Сама идея проекта укрепить то место, где находится могила Александра Сергеевича, и предохранить ее и памятник от всевозможного разрушения заставляла всё внимание строителя направить на то, чтобы при исполнении работ не произошло случайного повреждения памятника или склепа могилы. Принимая все предосторожности, я заложил основания каменных стен террасы в откосе горы и, возведя их до уровня подошвы памятника, устроил площадку вокруг могилы, находящейся ранее на краю обрыва, замкнув ее в сем месте мраморною балюстрадаю. Затем было приступлено к подведению нового гранитного цоколя под памятник, взамен прежде бывшего кирпичного, под железным карнизом. Эта работа требовала большой аккуратности и тщательности, так как приходилось работать над самым склепом, прочность свода которого по наружному осмотру определить было невозможно. Несмотря на все предохранительные меры, часть свода с западной стороны памятника в расстоянии $1\frac{1}{2}$ аршина от него во время работы осела, образовав отверстие площадью около 12 квадратных вершков, сквозь которое был виден вполне сохранившийся дубовый гроб А. С. Пушкина. Тот же час мною был произведен подробный осмотр свода и склепа могилы, причем оказалось, что свод выложен только в $\frac{1}{2}$ кирпича на известковом растворе и матерьял его, как кирпич, так и раствор, в значи-

тельной степени деформирован временем. Для поддержания свода и предохранения его от дальнейшего разрушения немедленно же было приступлено к подведению под существующий свод нового, на цементном растворе. Кроме того, для предохранения свода от давления памятника, опирающегося на него своей средней частью, в доколь последнего заложены железные балки. ...В это время на месте работы находились В. К. Фролов и Г. В. Розен. Они сделали несколько фотографических снимков как с видневшегося в глубине могилы гроба, так и с общего вида на могилу. Гроб поэта значительно сохранился. Местами на нем уцелели даже отдельные куски довольно широкого парчового позумента. Кусочек парчового позумента был нами взят и, с разрешения комитета, отправлен в Пушкинский музей Лицея».

Свой доклад архитектор Назимов закончил так: «Если когда-нибудь Императорская Академия наук или лица, имеющие на то власть, пожелают осмотреть гроб или перенести прах А. С. Пушкина на другое место, то, конечно, им не придется дожидаться подобного *счастливого случая*, какой выпал на мою долю, так как раскрыть склеп можно во всякое время, и на это потребуется не более 15—20 минут». Время показало всю добросовестность сделанного Назимовым, если не считать того, что случилось в годы гражданской войны, когда группой бандитов обелиск с могилы Пушкина был сброшен под откос (он был вновь поставлен на свое место в 1922 году под руководством срочно прибывшего из Петрограда архитектора К. К. Романова). С тех пор прошло много лет. За это время, вплоть до 1941 года, особых изменений в состоянии памятника и могилы Пушкина не наблюдалось. Замечено было лишь незначительное отклонение памятника от своей оси, что объяснялось осадкой грунта площадки, устроенной в 1902 году.

В 1944 году, отступая, немецко-фашистские захватчики взорвали Успенский собор и все монастырские постройки. Они заложили фугасы огромной мощности, в десять авиа-

бомб, в специально вырытый 20-метровый тоннель, который шел поперек дороги в сторону могильного холма и через подошву его. Тысячи мин были установлены по склонам холма и четыре мины под фундаментом самого памятника. Пульт управления взрывом всего монастырского ансамбля был оборудован неподалеку от церкви, на Тимофеевой горке.

От волны при взрыве Успенского собора памятник на могиле поэта отклонился в сторону обрыва на несколько градусов и стал постепенно оседать.

Подробности о разрушении Святогорского монастыря и осквернении могилы Пушкина были изложены в сообщении и акте Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, работавшей в заповеднике с 26 июля по 1 августа 1944 года.

В конце мая 1945 года в заповедник прибыла правительственная комиссия под председательством архитектора А. В. Щусева. Члены комиссии детально осмотрели памятники и обратили особое внимание на покосившееся надгробие.

Алексей Викторович Щусев, выслушав мой доклад, рекомендовал провести тщательное наблюдение над процессом оседания памятника, установив в основании его «маяки» — специальные стеклянные пластинки, укрепленные по сторонам трещин (они лопаются, если идет процесс разрушения). В течение нескольких лет я ставил эти пластинки. Они неизменно лопались. Было ясно, что процесс оседания усилился. О результатах своего наблюдения я информировал директора Института русской литературы (Пушкинского дома) профессора Н. Ф. Бельчикова. В октябре 1952 года Н. Ф. Бельчиков приехал в заповедник в качестве главы комиссии специалистов Академии наук по определению устойчивости памятника. Комиссия произвела инструментальную съемку места, заложила шурфы и постановила в течение лета 1953 года ликвидировать отклонение памятника, произведя общую реставрацию пушкинского надгробия.

Было решено: выправить памятник с заменой части пьедестала, выложенной рижским песчаником и пудоожским плитняком, на гранит. Отремонтировать, в случае необходимости, склеп. Во избежание систематического увлажнения грунта атмосферными водами асфальтировать площадку. Переложить разрушенную каменную стену на северной стороне холма.

К августу 1953 года подготовительные работы были закончены. К середине месяца было завершено и геологическое обследование почвы; произведены необходимые промеры и фотографирование памятника. В местной метеорологической станции была взята метеообводка, которая сулила хорошие, солнечные дни на весь август.

Началась реставрация. Ее проводила группа специалистов псковской научно-реставрационной мастерской под руководством инженера М. Никифорова. В качестве консультанта был приглашен известный советский археолог Павел Николаевич Шульц — мой товарищ по университетским годам и музейной работе в Ленинграде.

18 августа территория монастыря была закрыта для посетителей, у ворот были поставлены посты милицейской охраны. В 7 часов утра рабочие начали снимать одну за другой детали памятника, скрепленные между собою медными штырями, и относить их в сторону. Работы производились вручную. Каждую деталь забинтовывали одеялами, чтобы не повредить мрамор. Работали очень медленно. Ножами снимали с деталей окислившиеся, сплюснутые ленты свинцовых прокладок, находившихся между кусками мрамора.

На второй день работы сняли надземные части памятника. Открылись створки двух больших плит, лежащих в его основании. Когда убрали плиты, в центре основания обнаружилась камера, квадратная по форме, со стенами, облицованными кирпичом в один ряд. Высота камеры 75 сантиметров. В восточной стене ее маленькое окошечко. На дне

камеры были обнаружены два человеческих черепа и кости. Экспертиза показала, что кости принадлежат людям пожилого возраста. Останки были обмерены и помещены в специально приготовленный свинцовый ящик. Этот ящик поместили в камеру, когда, по окончании реставрации, детали памятника были вновь поставлены на свои места.

На третий день камера была разобрана и вскрыто основание фундамента. Мы отбросили лопаты и совки и стали расчищать землю ножами, щетками и деревянными ложками. Через весь фундамент с запада на восток шла большая глубокая трещина.

Работа наша достигла особого напряжения, когда мы почувствовали, что всё сооружение опускается куда-то вниз. Сняв нетолстый слой глиняной смазки, мы увидели каменный свод из небольших валунов. Замковый камень выскочил; через всю площадь свода шла всё та же трещина, только она была еще шире. С большим волнением мы приступили к разборке развалившегося свода. Трогал ли его Назимов в 1902 году? Вряд ли. Очень уж он был ветхий, никаких признаков цемента мы не обнаружили.

В этот вечер никто из нас не уходил домой. Ночевали тут же, около Успенского собора.

С восходом солнца вновь приступили к работе. Убрав камни свода, увидели под ним второй свод — кирпичный. Кирпичи были поставлены на ребро, в один ряд, на известковом растворе. На небольшой части свода — той, что ближе к собору, — обнаружили следы бетона 1902 года. Всем стало ясно, что перед нами крышка склепа с гробом Пушкина. Вдоль крышки свода шла всё та же трещина. Два кирпича обвалились внутрь склепа.

Принесли электрический фонарь и осторожно опустили его в отверстие. Все затаили дыхание. Когда глаза наши привыкли к свету, как будто из тумана выплыли контуры помещения. На дне склепа мы увидели гроб с прахом поэта.

Произвели промеры склепа: длина 3 метра, ширина 85 сантиметров, глубина 80 сантиметров. Стены сложены из камня, верхняя крышка из красного кирпича. Кирпич нестандартный, хорошего обжига. От действия атмосферных вод кирпич частично деформировался. Гроб стоит с запада на восток. Он сделан из двух, сшитых железными коваными гвоздями, дубовых досок, с медными ручками по бокам. Верхняя крышка сгнила и обрушилась внутрь гроба. Дерево коричневого цвета. Хорошо сохранились стенки, изголовье и подножие гроба. Никаких следов ящика, в котором гроб был привезен 5 февраля 1837 года, не обнаружено. На дне склепа остатки еловых ветвей. Следов погребения не обнаружено. Прах Пушкина сильно истлел. Нетленными оказались волосы...

В этот день все работали молча. К вечеру яму закрыли брезентом, а над всей площадкой поставили временный деревянный шатер.

На следующий день, после консилиума реставраторов и консультанта, было решено подвести под верхний кирпичный свод склепа бетонную крышку, поставить над склепом специально изготовленную железобетонную арматуру и укрепить ее железными балками. После этого восстановить каменный свод и начать сборку каменных деталей основания и самого памятника. На докольном камне, обращенном в сторону собора, была выбита стрела, указывающая центральную часть склепа.

Перед сборкой все элементы памятника вновь отшлифовали и поставили на свинцовые ленты.

Работа была закончена 30 августа. Все материалы реставрации 1953 года — фотографии, обмеры, а также кусочки дерева и гвоздь от гроба Пушкина — бережно хранятся в музейном фонде заповедника.

НА САВКИНОЙ ГОРКЕ

Деревенька Савкино стоит над Соротью. Маленькая, вся в зелени, в яблоневых садах. Со стороны Воронича к ней примыкают колхозные нивы. Михайловское от деревни скрыто стеной хвойного молодняка и древним борovým лесом, чистым и светлым даже в пасмурный день. У берега реки — большой крутояр Воронья гора, далее пушкинский «холм лесистый», на котором во время оно находилась «скудельня» — место погребения безродных людей или погибших по какому-нибудь несчастному случаю...

Много видела эта земля. До того как деревеньку в 1944 году сожгли гитлеровцы, в ней было шесть изб. Нынче — десять, из них половина построена заповедником для своих сотрудников, в остальных живут потомки древних жителей этого места Бельковых да Ивановых, давно сроднившихся с заповедником. Дома стоят вокруг городища Савкино, или Савкиной горки, как стали называть это место позднее, уже в XIX веке.

С XVI века Савкино входило в состав псковского пригорода — крепости Воронич. Название месту дал легендарный поп Савва, поставивший на вершине городища поклонный памятный камень с крестом. До сих пор городище было без названия, — просто городище. В XVII веке оно отошло в цареву казну и числилось дворцовым имуществом, находящимся «впусте».

В 1708 году указом Петра I пригород Воронич был исключен из списка городов, а городище Савкино припи-

сано к Пятницкой церкви Святогорского монастыря. Еще позже, в годы укрепления дворянской империи, когда цари раздавали псковские дворцовые угодья своим верным слугам, Савкино было пожаловано «служилому человеку императорской гвардии» Затеплинскому, который устроил здесь свое небольшое поместье. После его смерти деревенька значилась за Псковской дворянской опекой.

О Савкине мечтал Пушкин, когда узнал, что оно продается. Деревенька ему очень нравилась, нравилось всё: уединенность места, истинно русская природа, аромат древности и близость городища к Михайловскому. Но мечтам Пушкина, как известно, не суждено было сбыться.

Во второй половине XIX века, после освобождения крестьян от крепостной зависимости, Савкино откупили вольные хлебопашцы, бывшие дворцовые Затеплинских. Жили они здесь из поколения в поколение. Бережно хранили старинные традиции, обычаи и предания своих «отчичь и дедичь», даже свой особый диалект. Они настолько сберегли свой древневеликорусский говор, что уже в советское время изучать его приезжал известный ученый, собиратель народных преданий и диалектов, член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Чернышев. А потом опубликовал научное исследование «Особенности говора жителей деревни Савкино». Савкинцы никогда не скажут «лошадь», «трость», а непременно «конь», «пáлица», — слова праславянские по происхождению...

Городище Савкино в XIV—XVII веках входило в состав военно-оборонительных укреплений города-крепости Воронич. На вершине его находился небольшой деревянный, уже для XVI века древний, Михайловский монастырь, устроенный в память архангела Михаила.

В 1581 году Савкино было разрушено войсками польского короля Стефана Батория во время его похода на Псков. Стотысячная рать Батория двигалась вдоль Сороти и Великой. Неподалеку от Савкина перед штурмом Воронича

Баторий приказал разбить лагерь и поставил свои королевские шатры. Об этом красноречиво свидетельствует план похода Батория на Псков, несколько лет тому назад обнаруженный в Италии в библиотеке Ватикана и опубликованный в нашей стране известным историком древних актов В. И. Малышевым. Воронич и его окрестности были преданы Баторием огню и мечу. Жители почти поголовно вырезаны, сам Воронич, его посады, села и деревни были сожжены и перепаханы.

После окончания войны, «в лето 7083 (1585) Иван Грозный приказал направить на Псковщину московских писцов Григория Иванова Мецанинова да Ивана Васильева Древнина „писать Псков и его пригороды“», чтобы установить размеры ущерба. Писцы подробно описали Воронич, его улицы и посады, усадьбы и лавки, храмы и дом осадного головы, «зелейный» (пороховой) погреб, богатые дома. Они упомянули и пивную и винную варницы, двор кабацкий, дом тиунский (суд) и даже дыбу для преступников и некоего «петрушкина баловня». То ли это был шутовский вертеп, то ли кукольный театр, мы точно сказать теперь не можем. Писцы отмечали, что на Савкинском городище был монастырь. Несколько лет спустя на его месте жители поставили маленькую деревянную памятную часовню. Более ста лет назад эту часовню, довольно ветхую, видел историк Костомаров, о чем писал в своей книге «Северорусские народоправства».

В начале нынешнего столетия савкинская часовня совсем обветшала и рухнула. По свидетельству ныне здравствующего старожила Савкина А. И. Иванова, «из остатков старых бревен от часовни савкинские ребятишки сделали плот, на котором катались по Сороти».

Несколько лет тому назад заповедником был поставлен вопрос о восстановлении часовни как исторического памятника пушкинской земли. В разработке проекта приняли участие псковский архитектор-реставратор В. П. Смирнов, ле-

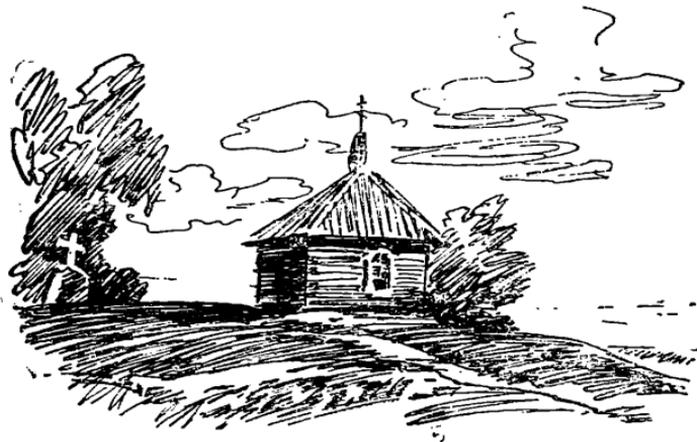
пинградские художники: академик А. А. Мыльников, доцент института имени Репина В. М. Звонцов, московский художник Ю. В. Васильев, научные работники заповедника и поэт М. А. Дудин.

Проект разрабатывался на основе старинных фотографий часовни, описаний ее старожилами и материалов археологической раскопки. Во время раскопки мѣста, на котором стояла старая часовня, были обнаружены опорные камни, железные гвозди и деревянные фигурные петли, остатки лампы из красной меди и большое количество глиняной керамики XV—XVI веков.

Восстановление памятника было закончено в июне 1970 года. Занимаясь этой работой, мы обратили внимание на то, что почти на всех кротовых курганчиках, разбросанных по городищу, можно было заметить многочисленные кусочки древней керамики, выброшенные кротами из глубины земли на ее поверхность.

Возникла мысль произвести более широкую археологическую раскопку городища. Дирекция Государственного Эрмитажа пошла навстречу заповеднику и командировала в заповедник известного археолога В. Д. Белецкого, в течение многих лет возглавлявшего раскопки в Пскове. 1 сентября 1970 года археологи прибыли в Михайловское и совместно с нами приступили к раскопкам. Двадцать дней работы дали интересные результаты, о которых будет рассказано несколько ниже.

Приступая к раскопке, мы поставили перед собой цель — найти следы древнего Михайловского монастыря, обнаружить произведения материальной культуры, которые дали бы возможность определить время возникновения городища. Наши предположения подкреплялись уже имеющимися данными. Член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Чернышев в своем труде «Пушкинский уголок, его быт и предания», опубликованном в 1928 году, писал о том, что, будучи в заповеднике, он познакомился с местным

старожилом Иваном Ивановичем Ивановым, который дал ему каменный молоток, найденный в Савкене. Известный археолог профессор А. А. Спицин определил этот молоток как памятник древней славянской эры.

В 1945 году, когда городище Савкино приводили в порядок — засыпали траншеи, бункера и пулеметные гнезда, оставленные гитлеровцами, — в земле были найдены остатки лепной керамики, относящиеся к IX—X векам.

Известно, что древние русские монастыри назывались одни мирскими, другие пустынными. Они стали возникать в XII веке в центральной полосе тогдашней русской земли по Днепру, Ловати и Волхову. В последующие века количество монастырей растет. К тому же под давлением татар с XII—XIV веков они всё активнее продвигаются на север. За первые три века на территории тогдашней Руси возникло свыше 150 пустынных и более 100 городских — мирских монастырей. Между собой они различались не только внешним видом, но и общественной значимостью.

Мирские монастыри создавались высшим духовенством, князьями, боярами. Они принимали активное участие в мир-

ских делах. Пустынные основывались людьми «низкими», которые уходили от богатого мира и его суеты, от междоусобья, лихолетья в поисках покоя. Основатель такого монастыря выбирал место потаенное, где, по выражению летописца, были «леса черные, блата, мхи и чащи непроходимые».

На выбранном месте ставилась «кельица малая», рубленая из бревен, или просто земляпка. Обычно в такой «пустыньке» селилось два-три пустычника, образуя отшельничье братство. Проходило время, и монастырек открывали крестьяне, скрывавшиеся в окрестных лесах. Они переносили поближе к монастырю свои землянки и избы. Количество пришельцев росло, и постепенно образовывалась деревня.

Проходили годы. Монастырек укреплялся. Братия слала челобитья царю, в которых писала о своих заслугах в борьбе с язычниками за укрепление веры и отстаивание родной земли от иноземцев и просила, «чтобы царь-государь пожаловал монастырь, и признал его силу» и, по выражению летописца, «велел ему пашни пахати».

Разрешение «пашни пахати» значило, что дикий казенный (царев) лес, окружавший монастырь, отдавался ему во владение для расчистки под пашню. С момента пожалования монастырь становился юридическим лицом и признавался государственным учреждением. Если такого жалования не было — монастырь хирел и разваливался.

Нам необходимо было определить, какой монастырь был в Савкине — мирской или пустынный? Есть основания полагать, что пустынный. Очень уж невелики были городище и поселение возле него. Цари его не жаловали. И в XV—XVI веках, в пору развития Воронича, его заслонили мирские монастыри и храмы, возникшие на этом городище, в их числе знаменитый Святогорский монастырь,

Раскопки позволили решить другой вопрос — было ли в древности Савкинское городище военно-оборонительным

укреплением вроде Воронича или это был всего сторожевой сигнальный пост. Для всякого городища, как военно-оборонительного сооружения XV—XVI веков, является обязательным земляной насыпной вал. Такие валы были и сохранились до наших дней на Ворониче, на Велейском городище.

На Савкинском городище такого вала нет. Быть может, он был скрыт в позднее время? Раскопки дали интересный материал. Найдено свыше 3000 фрагментов древней керамики IX—X, XII—XIV и последующих веков. Из некоторых фрагментов удалось собрать и восстановить несколько древних сосудов. Найдены украшения древней славянской эры: бронзовые пряжки (фибулы), браслеты, кольца, костяные амулеты, мергелевые формочки для отливки нательных крестиков, крючков, пуговиц; предметы быта: богато орнаментированное блюдо, серебряный перстень, древолазные железные шипы, арбалетные стрелы, кремневые наконечники для стрел, точильца, медная блесна, рыболовный крючок (очень редкая находка!), кубышка для серебряных монет, ножи разных форм, шиферные пряслица, элементы отделки дома, гвозди ручнойковки, оконная слюда, кирпичи для отделки «чела» печи, украшенные клеймами и знаком мастера (буква Н), и многое другое.

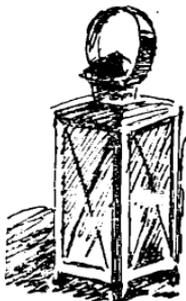
Но что особенно важно — это обнаружение на глубине полутора метров деревянного сруба XII—XIII веков и гнезд землянки. По их деталям можно ясно представить себе план сооружения и расположения бытовых элементов: печи, подполья, сенец...

В этом срубе найдены вещи монастырского обихода: гончарный светильник, басма от иконы, фрагменты медной лампы. Исключительный интерес представляет очень редкая находка — бронзовый крест, так называемый энколпион (слово греческое, означающее крест-складень для хранения мощей). Таких крестов при раскопках на Псковщине найдено всего только два.

Находки в Савкине позволяют судить о нем как о месте древнейшего поселения людей. Остатки сруба и землянок дают возможность утверждать, что именно здесь, на городище, стоял Михайловский пустынный монастырь, основанный в конце XII — начале XIII века.

Раскопки в Савкине будут продолжены. Большинство найденных здесь древних предметов отправлено в Государственный Эрмитаж для консервации и реставрации.

Так была открыта совершенно новая, неизвестная ранее страница истории далекого прошлого нашего пушкинского края.

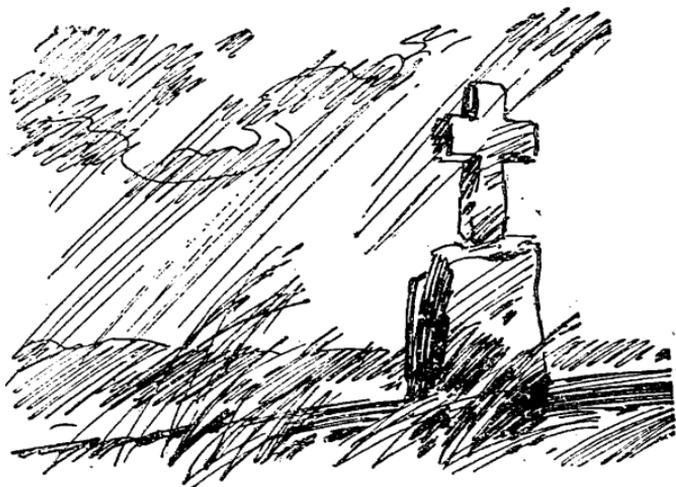
«САВКИН КАМЕНЬ»

На знаменитой Савкиной горке испокон веков возвышался камень, поставленный попом Саввой в честь русских воинов, защищавших в XVI—XVII веках родную землю от чужеземных захватчиков и похороненных под этой горкой-курганом. На камне высечена надпись: «Лета 7021 постави крест Сава поп».

Изучая «Савкин камень», мы пришли к заключению, что верхняя часть его — крест, — утраченная еще в давние времена — то ли в эпоху «многих мятежей», то ли в 1581 году, во время нашествия рати Стефана Батория, после которого Воронич, по выражению псковского летописца, долгое время был «впусте», — вряд ли исчезла бесследно. Были выдвинуты предположения, что крест мог быть сброшен с вершины городища в воды Сороти, либо «утонул» в земле, либо перенесен был на какой-нибудь погост поблизости от Савкина.

И все-таки после долгих поисков мы нашли крест. Нашли его в Дериглазове, бывшем имении друзей родителей Пушкина Шелгуновых, находящемся почти напротив Савкина, на правом берегу Сороти. Крест лежал глубоко в земле. Снаружи торчал лишь маленький кусок его. Когда камень выкопали, то оказалось, что нижний конец его имеет выступ для вкладки в ложе другого камня.

Крест сделан из того же сорта гранита, что и существующая часть камня на Савкиной горке. Он четырехконечный, концы слегка расширяются. На лицевой стороне его высе-

чено славянской вязью: «Царь славы Ис. Хр. Ника» (последнее слово греческое, в переводе на русский язык означает «победитель»).

Выступ на конце креста, полностью совпавший с выемкой на «Савкином камне», столпом на городище, характер букв, высеченных на том и другом камнях, общность материала и ряд других деталей не оставляют никакого сомнения в том, что крест, найденный в Дериглазове, и камень, находящийся на вершине Савкиной горки, — части одного и того же памятника. Одно плечо креста было немного повреждено, но это реставраторы поправили. По классификации академика Шляпкина, «Савкин камень» относится к категории довольно редких каменных памятных знаков XVI—XVII веков.

Сейчас «Савкин камень» виден отовсюду. На то он и был поставлен в древности, чтобы его видели все люди.

НАХОДКА

Однажды мне в Михайловское позвонили школьники. Они сообщили, что в Пушкинских Горах, у нового кинотеатра, рабочие, роя траншею для водопроводных труб, нашли золоченый шар с шишаком. Не нужен ли он музею?

Кто знаком с работой историка — поймет мое волнение. Я немедленно выехал в Пушкинские Горы. Золоченый шар оказался наконечником от большого походного шатра-палатки, какие в старину ставились во время походов королей и высокопоставленных военачальников.

Если бы шишак нашли где-нибудь около Сороти, его появление было бы легко объяснить. На гравюре 1581 года «Маршрут похода на Псков польского короля Стефана Батория» есть изображение королевского шатра с шишаком. Шатер стоит на берегу Сороти, возле осажденной королем крепости Воронич. Копия с этой гравюры, хранящейся в библиотеке Ватикана, находится в Святогорском Успенском соборе-монастыре. Но как такой шатер мог очутиться в Святых Горах?

Я обследовал траншею и увидел, что шишак лежит в затвердевшем иле на глубине около двух метров. На месте, где сейчас расположено здание кино, лет пятьдесят тому назад находилось довольно большое озерко. Оно подходило почти к самому основанию холма, на котором стоит Святогорский монастырь. В двадцатых годах нашего столетия озерко было засыпано. На его месте разбили центральную площадь нынешнего поселка. Значит, шар находился на дне озерка,

постепенно покрывался илом, а потом был засыпан землей. Но каким образом оказался этот предмет в озере — остается загадкой.

Я перечитал рассказ псковского летописца о походе на Воронич литовского короля Витовта в 1426 году. В нем повествуется, что пятьсот тридцать пять лет назад, «в лето пять тысяч девятьсот тридцать четвертое», Витовт вторгся на псковскую землю, осадил Воронич и стал разорять окрестные села, деревни и монастыри и угонять в плен жителей. Свой шатер он разбил на одном из городищ. Далее летописец рассказывает о чудесном избавлении воронической земли от кровожадного Витовта: «И бысть чудо страшно: внезапно ваиде туча страшна и грозна и дождь силен и гром страшен и молния беспрестанно блистая, яко мнети уже всем от дождя потоплением быти, или от грому камением побиенным быти, или от молнии сожженным... видя сие живота сущим с Витовтом отчаятися; и он сам за столп шатерный ухватися, начал вопити: господи помилуй! Стогный и трясыйся, мняся уже землю пожрен быти и во ад внити...».

Сильный ураган сорвал шатер с земли и унес его в озеро. Насмерть перепуганный Витовт дал слово уйти от Воронича и тут же вступил с псковичами в переговоры о мире. Теперь мне стало понятно происхождение находки.

Древняя история края, на земле которой стоит Пушкинский заповедник, изобилует многими интересными событиями и связанными с ними памятниками. К их числу относится и наша находка. Сейчас она хранится в музейном фонде заповедника.

«ЧАСОВНЯ ВЕТХАЯ»

Минувшее в новой красе оживилось..

Пушкин

Многие вещи, которыми люди в свое время пренебрегали, забирает себе земля, она складывает их в свои кладовые и бережно хранит, дожидаясь тех времен, когда люди опомнятся и будут спрашивать себя — где же они?

Пушкин жил в помещицьем сельце его предков. А всякое сельцо, говорит Даль в своем толковом словаре, должно иметь не только господский дом с флигелем и садом, баней, погребамн, амбарами и людскими избами, но и церковь или часовню. В этом отличие сельца от деревни. Что в Михайловском при Пушкине не было церкви — общеизвестно, а вот что была часовня — в старых бумагах говорится, хотя и довольно скупо. В одном из своих писем Пушкин-отец жалуется сыну Александру на то, что крестьяне Михайловского, пользуясь его отсутствием, стали самовольно рубить лес и дошли до такого самоуправства, что «рубят его около самой часовни...».

Пятнадцать лет спустя эту часовню, уже совсем развалившуюся, видел один из первых паломников по пушкинским местам. Он рассказывал, что видел часовню неподалеку от въезда в сельцо, а где точно она была — не указывал.

Теперь все знают, что в стихах Пушкина, написанных им в годы ссылки, много местного. Отдельные строфы деревенских глав «Онегина» можно читать как поэтический путеводитель по Михайловскому.

Уединенный дедовский дом казался ему пещерой, а сам он — отшельником. Его пугали лукавые сны и печальные мысли. И он искал ответа на свои тревоги всюду — в сказках, в «небесной книге» — Библии, в Коране, в истории. Так появились «Пророк», «Борис Годунов», «Подражания Корану»...

Всё волновало тогда его ум — и луга, и нивы, и лес, и рожи, в «часовне ветхой бури шум, старушки чудное преданье...».

Я часто пытался представить, где же находилась часовня. В одном был уверен: что искать ее нужно где-то поблизости от господского дома. Она была как-то связана с ним, быть может, даже видна из окон печальной комнаты порта, в особенности ночью, когда в ней теплился огонек лампы...

Сто раз топал я от дома в разные стороны — на запад, восток и юг, много раз брался рассматривать старинный, 1785 года, межевой ганнибаловский план поместья. Но ведь в межевых планах землемеры показывали только внешние границы имения. Внутри же все было условно, а многое и вовсе опущено. Но на ганнибаловском плане есть все же главное — господский двор и стремительно бегущая к нему из леса, с юга на север, въездная дорога-аллея... Только почему на плане она такая длинная, куда длиннее, чем та Еловая аллея, по которой мы сегодня ходим?

Померил я по плану эту аллею, слыхив с натурой и понял, что теперешняя Еловая аллея на добрую треть короче той, что на плане. Дойдя до показанного на плане конца аллеи, вижу, что дальше — небольшая площадка, за ней густой лес и тропинка. Деревья стоят тесно, но не сосны и ели, как всюду вокруг, а больше березняк, раkitник и почему-то куст сирени.

Я уже давно заметил: если видишь где-нибудь в заброшенном месте куст сирени — знай, здесь некогда было какое-нибудь человеческое строение.

Расчистив небольшой клочок земли от ракиты, взял я лом и стал шупать землю. И тут скоро мой лом наткнулся на первый камень. Затем второй, третий, четвертый...

Стал я наносить положение камней на бумагу. Камни ложились в ряды, ряды образовывали прямоугольник.

Позвал людей. Мы сняли мох, удалили кусты и стали углубляться в землю. И скоро обнаружили хорошо сохранившийся фундамент небольшого строения. Продолжая копать дальше, нашли куски старых бревен, доски, оконное стекло, кованые гвозди, медные старинные монеты и... разбитую гончарную лампаду... Позвали геодезиста. Он сделал инструментальную съемку места, привязал его к ганнибаловскому межевому плану, и тогда все мы увидели, что Еловая аллея, медленно поднимаясь к югу, доходила прямо до этого места и здесь был ее конец и начало, и въезд в усадьбу, и площадка, на которой стояла часовня. И эту часовню, несомненно, было видно из окна пушкинского кабинета.

И тут я вспомнил про одно интересное явление. Приглядываясь к жизни обитателей окрестных деревень, я заметил, что большинство их в дни своего престольного праздника устраивают гулянье, или, как говорят на Псковщине, — «ярмарку». Собираются не просто где-нибудь, а всегда в одних и тех же местах. Этими местами обычно оказываются те, где в старину стояли престольные церкви или часовни, носившие имена святых, память которых почиталась той или иной деревней.

Так, в день Спаса Преображения жители деревни Зимари, что за Соротью, идут в Дериглазово, — тут некогда стоял древний Спасо-Преображенский монастырь с Воронича, а после его исчезновения — часовенка. Те, что празднуют Успенье, направляются в Пушкинские Горы — в Святогорский монастырь...

А где же собираются на ярмарку почитатели Михайлова дня и где его празднуют?

Оказывается, жители самого Михайловского, Савкина и других деревень, некогда входивших в состав Михайловской вотчины Пушкиных, до 1937 года устраивали эти «ярмарки» в том конце Еловой аллеи, где некогда стояла часовня. И еще живы люди, которые приходили сюда на гулянья и «хороводы водили» и хорошо помнят, как всё это было.

Посмотреть на эти гулянья приходили даже ученые люди из Пушкинского дома Академии наук, приезжавшие в заповедник...

Теперь место часовни расчищено, и всем хорошо видно, как она стояла при Пушкине. Погибшая часть Еловой аллеи воссоздана, уже подросли посаженные рядами молодые елки, а около площадки недавно поставили старинный придорожный каменный поклонный крест, такой же древний, как на Савкиной горке. Некогда стоял он всем добрым людям на поклонение у дороги, ведущей со стороны Острова на Воронич.

На камне надпись: «В лето 1504 года поставиша раб божей Филип Крюков крест сий хрестяном на поклонение себе на память и роду своему». Внизу креста, как и на Савкиной горке, — «Ника» — победитель.

«В ДЕРЕВНЕ, ГДЕ ПЕТРА ПИТОМЕЦ...»

Когда вы входите под торжественную сень Петровского парка и поднимаетесь по центральной липовой аллее, осенней сплошным темно-зеленым шатром, взгляд ваш начинает искать дом прадеда поэта, и в памяти несвольно звучат стихи:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, царя любимый раб
И их забытый однодворец,
Скрывался прадед мой, арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в оклажденных летах
О дальней Африке своей...

Сейчас ганнибаловского дома нет: он погиб много лет назад; на месте его буйно разрослись бузина и орешник, ольха и боярышник. Кое-где среди кустов мелькают камни полуразвалившихся фундаментов. Время жестоко расправилось с этим неповторимым историческим уголком.

Грустно сознавать это, но вместе с тем и отрадно от того, что еще недавно совсем заброшенный уголок будет снова принадлежать Пушкину, и скоро, совсем скоро, дом и парк, и парковый грот, и пруды, и фруктовый сад с неповторимой «ганнибаловской антоновкой», и беседки — всё будет восстановлено и в доме откроется новый Пушкинский музей, посвященный предкам Александра Сергеевича, его дедам и прославленному прадеду — «птенцу гнезда Петрова» — знаменитому арапу Петра Великого.

Приступая к восстановлению Петровского, мы хорошо понимали, что взялись за задачу, которую в принципе невозможно решить со стопроцентным успехом. Восстановление Петровского — значительно более трудное дело, чем, скажем, восстановление Михайловского или Тригорского. В них — Пушкин, его личная жизнь, поэзия, его труды вдохновенные, свидетельства современников и многое другое. Музей Михайловского создавался несколько раз на протяжении почти семидесяти лет, к созданию его в разное время приложили свои таланты крупнейшие ученые, художники, архитекторы...

Петровское же стало заповедным имением значительно позднее, — юридически оно вошло в состав Государственного заповедника только после Великой Отечественной войны. Никто из ученых не изучал этот памятник и почти ничего не сохранилось из его бытовой исторической обстановки. Почти всё здесь — вне личной жизни Пушкина. Он бывал здесь редко. Но здесь его предки, его родословная.

Придумать новый музей в Петровском — не просто. Тут требуется не только знание истории памятника, тут нужны фантазия, знание старины во всех ее бытовых особенностях, знание судеб людей, живших в этом доме.

Мысль о возможности восстановления Петровского возникла несколько лет тому назад, но только теперь, после постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по благоустройству Пушкинского заповедника», она стала реальностью.

Нам, хранителям заповедника, повезло. В разных местах, временами совсем неожиданных, удалось собрать много старинных изображений дома и парка, приобрести завещание Вениамина Петровича — последнего Гавнибала, жившего здесь до 1839 года. В этом завещании перечислено имущество, находившееся в доме: столы, стулья, кресла, картины, посуда и прочее. Удалось найти и завещание Ибрагима Гавнибала.

Мы обследовали архивохранилища и фундаментальные библиотеки Ленинграда, Москвы, Прибалтики. Нашли в них интересные документы о жизни Абрама Петровича, его трудах и днях во Франции, Петербурге, Ревеле, Сибири; обнаружили ряд его личных вещей, реликвии. Мы заручились обещанием помощи со стороны Государственного литературного музея, Государственного Русского музея, Эрмитажа и других центральных музеев в предоставлении музею в Петровском портретов современников великого арапа, изображений мест, где он жил и трудился. Нам удалось приобрести через закупочную комиссию ряд прекрасных предметов бытовой обстановки эпохи. Корреспондент «Известий» Н. Хохлов, проживший несколько лет в Эфиопии и собравший интереснейшие, доселе неизвестные сведения о родителях Ибрагиме Ганнибала, поделился с нами этими находками.

Знаменитый предок Пушкина был не просто замечательный боевой офицер своего времени. Он был образованнейший человек тогдашней России: ученый, строитель крепостей, «главнокомандующий по строительству Ладожского канала», «директор крепости Кронштадт», «обер-комендант Ревеля», начальник «российской артиллерии», педагог, верный близкий человек Петра Великого, по выражению поэта, — «царей, царид любимый раб».

Библиотека, собранная Абрамом Петровичем, была замечательной по тому времени, в ней содержались книги по истории, астрономии, математике, естествознанию, военному делу, мореплаванию, литературе и искусству. Его кабинет был лабораторией ученого. Возведенному за ум и труды в самые высокие чины и ранги, ему было присвоено потомственное дворянское звание. Сам Петр сочинил для него родословной герб, вырезал на токарном станке фамильную печать. В парадном зале Петровского дома в специальном кювете много лет хранились «царские милости» — благословенная икона, высокие сапоги Петра I, его портрет, патенты на звание и ордена. Удивительная жизнь Абрама Пет-

ровича была наполнена не только радостями и успехами, но бедами и обидами, опалой и ссылкой.

Обо всем этом и должен будет рассказать будущий музей в Петровском. Это будет его главной «изюминкой».

Этот музей поведает посетителям и о наследниках Ибрагима Ганнибала: его сыновьях и внуках, осевших повсеместно на Псковщине, из которых вышли и герой Наварина и Чесмы, и декабрист, и просто добрые люди, а в четвертом колене его кровь дала миру стремительный пушкинский нрав. В экспозиции будут показаны связи Александра Сергеевича с Ганнибалами, раскрыта «ганнибаловская тема» в его творчестве.

Дом в Петровском — большое сооружение, его объем почти в четыре раза больше, чем в Михайловском, — 2231 кубический метр. Длина по фасаду 27 метров, ширина — 15 метров. Внутри его одиннадцать комнат. Из них в нижнем этаже — семь, и в антресолях — четыре.

В 1952 году группа студентов института имени Репина Академии художеств произвела тщательные раскопки

фундамента старого Петровского дома. Раскопки помогли нам установить то, о чем молчат архивные документы. Мы узнали, что в доме были «печи в пестрых изразцах», большой подвал со сводчатыми перекрытиями, приспособленный для лаборатории дистилляции спирта (в Петровском у Ганнибала был небольшой винный завод), дубовые полы «плашками». Тогда-то и выяснились основные элементы планировки и размеры «покоев» дома и наличие в нем большой парадной залы, выходившей окнами в сторону парка.

Довольно высокий каменный цоколь, широкие балконы с двумя портиками, о четырех колоннах каждый, стены, обшитые досками, большие окна и непременный с флагштоком бельведер, венчающий здание, — таков общий вид дома Петра Абрамовича.

Сегодня к этому уголку земли прикованы взоры многих людей. В заповедной вотчине предков Пушкина идет работа по восстановлению исторического дома Ганнибалов.

Еще на подходе к парку, у берегов широкого озера, слышен стук топоров. Это плотники Псковской научно-реставрационной мастерской. Они работают вдохновенно, как художники. Стены деревянного сруба растут словно на дрожжах. А дом велик — только на один венец требуется около девяноста длинных бревен! Лес сюда везут на машинах издалека — из Себежа, это от Петровского почитай километров полтора! Руководит реставрационной работой житель здешних мест, опытный инженер-строитель Валентин Васильевич Веселов, энтузиаст своего дела. Двадцать пять лет тому назад он был одним из тех, кто восстанавливал дом поэта в Михайловском.

Теперь уже ясно видно, что недалеко то время, когда дом будет сложен и в нем начнется оборудование музея, посвященного предкам Александра Сергеевича. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — писал он.

НЕУДАВШАЯСЯ ЗАТЕЯ ЕКАТЕРИНЫ II В СЕЛЕ ВЕЛЬЕ

Совершая путешествие по России в 1780 году, императрица Екатерина II проезжала мимо Велья, старинного села Вороничской волости. Ширь, простор, зеленые рощи, великолепные озера, величественно вздымающееся над ними древнее живописное городище — поразили ее воображение. Всё «подлое» — мужики, бабы, ребятишки, скот — заранее было угнано подальше от глаз высочайшей путешественницы, дабы ничто не нарушало «гармонию природы». Лишь колокольный звон велейских церквей да попы, раболепно стоявшие с крестами, хоругвями и «святой водой» вдоль дороги, свидетельствовали о том, что это было не пустынное место.

— Чье именно? — спросила царица, обращаясь к своей пышной свите.

— Вашего величества дворцовая вотчина, — ответил псковский наместник.

В свите императрицы находился ее новый фаворит — двадцатилетний генерал-адъютант А. Д. Ланской.

— А почему бы нам не построить здесь новый загородный дворец? — обратилась Екатерина к Ланскому.

Фаворит потупил очи в знак согласия...

Царица уже давно подумывала об уединенном красивом месте, где можно было бы вдали от столицы пожить жизнью обыкновенной помещицы «на лоне сладостной натуры». Велье ей сразу понравилось.

— Ну что ж, быть по сему! — сказала Екатерина, и царский поезд двинулся дальше по направлению к Опочке.

Так возникла идея постройки еще одного царского увеселительного дворца, на этот раз в Псковском наместничестве.

Вскорости село Велье «со всеми принадлежащими до него деревнями, землями и угодьями» было пожаловано Екатериной Ланскому, а знаменитому архитектору Кваренги была заказана разработка проекта «громادного дворца в Велейской вотчине». Чертежи Кваренги сохранились. По проекту это очень большое двухэтажное каменное здание, длиною в сто тринадцать метров, с парадным двором и обширным парадным подъездом, к которому подводит широкая улица из двенадцати двухэтажных «кавалерских и фрейлинских» домов. В композиции, созданной великим архитектором, отразился прием планировки королевского дворца в Версале.

Но великолепному проекту не суждено было осуществиться. Вскоре после начала строительства, в июле 1784 года, Ланской скоропостижно скончался. Царица была безутешна. Строительство в Велье было приостановлено, а село вновь возвращено в казну. Проекты Кваренги сдали в гофинтендантскую контору, потом в архив, а оттуда они попали в Эрмитаж, где хранятся и поныне.

Проект дворца в Велье занимает видное место в творчестве Кваренги — основоположника классицизма в русской архитектуре XVIII века, строителя таких шедевров, как Александровский дворец в Царском Селе, Английский дворец в Петергофе, Смольный институт в Петербурге, и других зданий. Дворец в Велье мог стать яркой страницей истории зодчества России XVIII века. Надо полагать, что какие-то следы сооружения дворца сохранились до наших дней в самом Велье. Они ждут своего исследователя.

ПУШКИНСКАЯ МЕЛЬНИЦА

Михайловское... Когда мы произносим это слово, перед нашим взором встает торжественный пейзаж, открывающийся с балкона знаменитого дома поэта. В нем есть всё, составляющее понятие «истинно русский пейзаж». Всё в нем величественно и задушевно: небесный купол, осеняющий широкие луга и нивы, холмы, извилистая река, соединяющая озера, вдали рассыпанные на пригорках старинные деревни Дедовцы и Зимари.

Когда-то А. В. Луначарский, глядя на эту великолепную картину, воскликнул: «Да, этот кусок природы достоин быть колыбелью поэта!..» В этом пейзаже душа Пушкина. Всё здесь им воспето: и дороги, и воды, и ивовые кусты, словно богатырские шатры раскинутые тут и там, и вечнозеленый «холм лесистый», и древнее городище Савкино... Смотришь на это раздолье, и уста невольно начинают шептать стихи пушкинской «Деревни»:

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины...

Накладывая видимый глазом ландшафт на стихи Пушкина, мы ощущаем полное соответствие стихов пейзажу. В нем всё предстает так, как было при Пушкине, предстает почти с фотографической точностью. Только всё ли? Нет, не всё! Не хватает в пейзаже «мельницы крылатой», которая стояла на пригорке, «насилу крылья ворочая при ветре».

Пушкин считал ветряную мельницу неотъемлемой частью вида Михайловского, и не только Михайловского, но и всякого красивого русского пейзажа вообще.

Ветряную мельницу можно встретить во многих произведениях Пушкина, в которых он говорит о русской деревне, о житье-бытье простого народа: и в «Евгении Онегине», и в «Графе Нулине», в «Полтаве», «Капитанской дочке»...

Мельница в михайловском пейзаже — важная и характерная деталь. Но, увы, ее уже давно нет, только облик ее сохранился в творениях Пушкина да в памяти людей.

О восстановлении михайловской мельницы постоянно думали все мы, хранители Пушкинского заповедника. Думали вместе с нами и многие люди: ученые-пушкиноведы, музейные работники, паломники по пушкинским местам, читатели Пушкина.

Вот совсем недавно получили мы письмо от Г. Иванова — председателя колхоза имени В. И. Ленина Марийской АССР. Узнав о том, что в Михайловском предполагается восстановить мельницу, председатель решил предложить нам свою, «так как колхозу она сейчас не нужна...» Он пишет: «У нашей мельницы есть всё, что ей полагается иметь: и крылья, и жернова, и маховик, и ухваты».

К сожалению, Марийская АССР далека и переброска ветряка в Пушкинские Горы будет стоить очень дорого, ведь один строительный объем сооружения равен 550 кубометрам, да и от ближайшей к колхозу железнодорожной станции далеко. Такая операция нам не под силу. А предложение колхоза очень трогательно и патриотично. Оно является еще одним свидетельством народной любви к Пушкину и уважения к нашему заповеднику.

Мельницу мы думаем построить летом 1973 года. И она вновь встанет на свое место, как в наши дни встали многие детали материального мира пушкинской эпохи в Михайловском, Тригорском и других заповедных местах. Мельница

будет восстановлена не только потому, что это кусочек конкретного реального мира Пушкина и пушкинской России. Ведь русские мельницы — это «дорогие памятники жилья наших дедов и прадедов, это деталь нашей русской природы, деталь живописнейшая и красивейшая, хватающая за душу» — так недавно в газете «Комсомольская правда» (от 21 августа 1970 года) писал известный писатель В. М. Песков в своем очаровательном очерке «Старая, старая мельница...».

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Святогорский монастырь... Стертые каменные ступени ведут на верх древнего городища. Площадка у алтарной апсиды Успенского собора. Каменный крест — «жальник» — XVI столетия, приткнувшийся к белой стене. Могила Пушкина, похожая на огромный букет из ландышей, тюльпанов, сирени. Цветы возложили участники Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии.

Окна собора открыты. Поет Иван Семенович Козловский. Под сводами гудит перезвон колоколов, слышится протяжная русская песня «Вечерний звон»...

Сегодня этому храму исполнилось четыреста лет.

Много лет тому назад безымянный монах-летописец написал здесь в назидание потомкам «Повесть о явлении чудотворных икон пресвятыя владычицы нашей богородицы и приснодевы Марии во области града Пскова на Синичьей Горе, иже ныне завома Святая Гора». «Святогорская повесть» чудом сохранилась во время пожара, случившегося в середине XVIII века, когда в огне погиб почти весь архив Святогорского монастыря. Ее обнаружил уже в пушкинское время псковский епископ Евгений Болховитинов — известный ученый-историк, собиратель псковских древностей, автор целого ряда трудов по истории русской культуры. На основании этой летописной повести Болховитинов написал и издал в 1821 году в Дерпте книжку «Описание Святогорского монастыря».

постепенно влетают раскаты средних — теноров. Они гудят неотразимо, звон набегает на звон, и наконец в их гул врываются баритоны и гром густой басовой октавы — торжественной и богатырски мощной, как эхо древнего Воронича.

Звуки несутся по усадьбе, рощам, лугам и полям. И так каждый вечер, каждый час, до утра следующего дня. Звуки заливают дом, двор, усадьбу Пушкина — всю округу. Они плывут по Сороти. И все паломники слышат снова и снова эту древнюю русскую песню о вечности, о родине, о душе народной, о великом порте...

на заводе Давиды Тюленева в 1753 году. Ноября в 1-й день при державе благоверной великой Государыни Елизаветы Петровне Богоматери Честного Умиления тшцианием тоя обители игумена Иннокентия».

Незадолго до своего бегства из заповедника гитлеровцы подорвали колокольню, разбили колокола, а медь отправили в Германию на переплавку. Остался лишь кусок большого колокола, который они не успели увезти. Сейчас стоит он у паперти собора, рассказывая всем входящим о вражеском злодействе.

Теперь всё в монастыре восстановлено: ограда, светёлки, кельи, собор и колокольня. И вот, наконец, решено вернуть этому памятнику голос.

Не легкое это дело — найти нужные, подходящие по времени и по звучанию колокола. Долго мы их искали и наконец нашли. Нашли не где-нибудь, а здесь же, на псковской земле, а часть и совсем близко — в округе Святогорья. Два больших колокола «лил псковитянин посадский человек Фома Юрьев сын Котельпик, в лето 7080 (1572)», о чем свидетельствуют надписи и изображения псковских чудотворных образов на колоколах. Некоторые колокола были глухие, со сквозными трещинами и вырванными языками. Спасибо, помог нам ученый-металлург профессор Александр Юльевич Поляков. Он увез их к себе в Москву, сделал лабораторный анализ сплава, изготовил нужную «присадку» металла и «сосватал» нам литейную мастерскую института «Автогенмаш», где рабочие безвозмездно, в честь Пушкина, проделали очень хитрую реставрационную работу и вернули колоколам голоса.

Сейчас колокола подготовлены к подвеске на Святогорскую звонницу. Идет подстройка их друг к другу, настройка основной мелодии.

А пока каждый вечер звон этих колоколов летит над Михайловским. Слышится сначала голос молодых детских дискантов и альтов, в их легкое, мелодичное звучание

за скорое строительство обители царь одарил ее дорогими книгами, ризами, а звонницу — своим колоколом. Дарили колокола цари и позже: Борис Годунов, Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Петр I...

До гитлеровского нашествия монастырская звонница была убрана прекрасными древними колоколами. Когда в 1922 году монастырь стал заповедным местом, их стали беречь, как пушкинские реликвии. Они были взяты на особый государственный учет. Ведь это памятники не обычные, молчаливые, а поющие. Они гудели набатом в години лихолетья, когда землю Воронича топтали и жгли лихие люди, полчища Стефана Батория и Гришки Отрепьева. Они звенели во времена «многих мятежей». Их музыка направляла мысль Пушкина, когда ему стала являться тень царя Бориса. Эти колокола пропели Пушкину прощальную траурную песнь в 1837 году, когда его прах опускали в родную землю...

Встарь их было четырнадцать, и каждый из них — памятник искусства. Колокола были украшены богатым и разнообразным орнаментом. На многих были вылиты надписи. На том, что прозывался «Горюн», ибо «пел он жалостно», была надпись: «Лит в лето 7059 (1551) при державе благочестивого царя и великого князя Иоанна Васильевича 8 сентября на Рождество пресвятыя богородицы». Он-то и был прислан Иваном Грозным в ознаменование открытия обители. На другом была надпись: «Лит сей колокол в лето 7146 (1638) при благоверном князе Михаиле Федоровиче в обитель пресвятыя богородицы на Святые Горы». На третьем — «В лето 7197 (1689) при царях и великих князьях Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче всея Великие и Малые Руси, при патриархе Кир Иокиме и митрополите нашем Маркеле Псковском и Изборском в Святогорский богородицкий монастырь».

Самый большой колокол весил 151 пуд 10 фунтов. По нему шла надпись: «Лит в Святогорский монастырь в Москве

Этой книгой бойко торговали монастырские офени на ежегодных святогорских ярмарках. Экземпляр «Описания» был в библиотеке Тригорского, и его, вероятно, видел Пушкин, который любил рыться в ней.

Очень интересна судьба этого литературного памятника. Болховитинов, уезжая в 1823 году из Пскова в Киев, куда получил новое назначение, увез с собою много древних псковских рукописей, в их числе и «Святогорскую повесть». После смерти ученого его архив поступил в Киево-Печерскую лавру, а после Октябрьской революции — в библиотеку древних актов Украинской Академии наук. Во время оккупации Киева фашистами эта повесть, в числе других древних литературных памятников, была увезена в Германию, а после разгрома фашизма попала в руки американцев, которые вынуждены были вернуть награбленное Киеву по требованию нашего правительства. Эту рукописную книгу мне удалось увидеть и сфотографировать в Киеве в 1949 году.

«Бысть изволение божие при державе благоверного и благочестивого царя государя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, правящу ему тогда скипетр российского царства и при архиепископе Пимене великого Новгорода и Пскова, от создания же мира в летах 7077». Таков запов этой «Повести». Она рассказывает о том, как небесная сила ниспослала благодать на землю древнего Воронича, как явились людям разные чудеса и как люди стали рубить на месте открывшихся чудес сперва часовню, а потом храм и «честную обитель».

Псковский наместник Юрий Токмаков доносил царю Ивану Васильевичу о «небесной благодати», и царь приказал строить «обитель каменну», чтобы еще более укрепить литовский рубеж. И не ошибся. Монастырь стал не только местом обрядности, но и мощной крепостью под Вороничем. Не раз его монахи садились на коней и рубились с поляками, литовцами, немцами, пытавшимися захватить этот уголок русской земли и сам великий Псков. В благодарность

НА ОЗЕРЕ КУЧАНЕ

Закаржав, отлетела
Ватага черная ворон...

Пушкин

Дом, в котором я живу, стоит на окраине усадьбы Михайловского. Окна его расположены по четырем сторонам света. Через них я всегда могу видеть всё, что захочу, — пушкинский сад, голубятню, пасеку, Сороть и дали за ней, и «пруд под сенью ив густых», и кто куда идет и по какому делу... Дому этому уже более ста лет. В нем всегда жили управители имения. А теперь живу я, вот уже двадцать шестой год.

Зимой, когда от снегов всё вокруг бело, Сороть застывает и становится почти незаметной, сливаясь с озером Кучане. Тогда озеро кажется особенно большим, потому что его края растворяются в бескрайних заснеженных лугах.

Как только лед окрепнет, на озеро приходят рыбаки с удочками. Они вырубают во льду лунки, устраивают из хвой седалища и начинают трясти свои маленькие удочки. Трясут, пока не стемнеет. Ловят обычно всякую мелочь, и редко-редко кому удается поймать большую рыбку.

Тогда в Михайловском всё приходит в движение. Рыбину приносят на усадьбу, экскурсанты смотрят, ахают, пытаются торговать...

Заканчивая ловлю, каждый рыбак, прежде чем покинуть озеро, опускает в свою лунку жерлицу с живцом — маленькой плотицей или какой другой рыбкой: авось ночью жадная щука схватит рыбку с крючком.

Поглядывая на рыбаей, вижу я неизменных спутниц их — ворон, сидящих на низеньких прибрежных ивах.

Сидят вороны весь день, безмолвно и зорко наблюдая за рыбаками. Но вот рыбаки начинают сворачивать свои снасти, опускают жерлицы в проруби, подвязывают концы их к колышку или ледышке и уходят. И тут сразу же, как по команде, на их места прилетают вороны. Они тщательно всё осматривают, ищут, не осталось ли чего после рыбаков, какой-нибудь крошки, которой можно поживиться. А затем начинают таскать из воды жерлицы. Схватят за конец у колышка и тянут, пока не покажется живец.

Знает ворона, что вкусный живец — на крючке, потому, вытащив его, расправляется осторожно, чтобы самой не попасть в беду.

Много раз наблюдал я за этими птицами, но ни разу не видел, чтобы хоть одна из них попала на крючок. Очень сообразительная птица серая ворона, и живет она и трудится только там, где человек, хотя и относится к нему с большой опаской. Вероятно, поэтому у нее и повадки эдакие человечьи. Лесники считают ее вредной, потому что она не только ловит полевых мышей, но и разоряет птичьи гнезда, истребляет птенцов, зайчат и другую мелкую живность, населяющую заповедный край.

ДРЕВНИЙ НАСЕЛЬНИК

На усадьбе Михайловского издревле живет аист. Говорят, что эта птица приносит счастье тому месту, где она поселилась...

Много лет назад аист жил на огромной кривой сосне, стоявшей на околице, на выходе со двора в сторону озера Маленец. Когда эта сосна от старости засохла, в нее ударила гроза. Молния расщепила ствол дерева и повредила гнездо. Аист улетел, и сосну спилили. Тогда древний пушкинский насельник перебрался на другое место, во фруктовый сад, на старую березу, и жил здесь до войны. Когда же пришла война и фашисты стали рубить Михайловские рощи, аист отсюда ушел совсем. Он вернулся только вместе с людьми, когда фашистов не стало и в Михайловское вновь пришли тишина и мир. Это было весной 1945 года.

Аист вновь поселился на березе, гнездо было очень большое, а береза уже ветхая: во время войны немало ран нанесли ей осколки вражеских снарядов и пуль.

Летом 1956 года налетел на Михайловское ураган и повалил березу на землю вместе с гнездом.

Три года птицы летали над Михайловским, подыскивая для себя новое удобное место. Подыскивал для них новое место и я. Приказал поставить на шести разных деревьях — двух березах, двух липах и двух елях — колеса и бороны, как учит народная примета. И вот, наконец, птица остановила свой выбор на высокой липе, что стоит при входе на усадьбу с восточной стороны ее — там, где экскурсоводы

начинают свой рассказ о деревенском Пушкине. С тех пор на этой липе наши аисты вырастили уже десятое поколение.

Говорят, что аисты петь не могут, что они только трещат. Это неправда! Аист действительно трещит при встрече с другими аистами, при возвращении с полета в свое гнездо, при нападении на его жилище хищника. Треск его напоминает барабанную дробь. Но аист и поет. Это бывает рано утром, на заре, или вечером, при заходе солнца, в тот период, когда подрастает молодой выводок и когда вся семья в сборе. Поет он не очень громко. Пенье его жалостливое и очень приятное.

ПУШКИНСКАЯ БЕЛОЧКА

Белка там живет ручная,
Да затейница такая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет...

Пушкин

У Пушкина в Михайловском полным-полно всякой пернатой живности. Аисты, цапли, дрозды, клесты, синицы, дятлы разные, иволги, — одним словом, все сорок сороков русских птиц. А скворцам и счету нет. Их, почитай, с тысячу будет. Вокруг только моего дома висят пятьдесят скворечников. Когда осенью скворцы готовятся к отлету на юг, они любят собираться здесь все вместе, старые и молодые, усаживаются на ивы около пруда, голосят на все лады. И кажется, что это не только они поют, а поет и вода, и деревья, и сам воздух. После отлета скворцов к их квартирам-домикам немедленно устремляются воробьи, синицы, бежки.

Есть у меня под окном старая береза. Огромная, толщиной в метр, красавица. Она стоит рядом с прудом, на самом краю берега. Перед нею небольшая светлая поляна, вокруг которой венком расположились густые ивы, а дальше — фруктовый сад. Живет береза барыней, у нее всегда много и воды, и солнца, и защитников от ветров. Хотя она и старая, но выглядит очень молодо. Зелень у нее густая. Кора могучая, никакого сушняка не заметно. Из окна мне хорошо видна эта береза, я знаю все ее повадки и секреты, мне хорошо известно, когда и что с нею происходит, кого она прищипывает, кто у нее в гостях и о чем она ведет беседы с паломниками по пушкинским местам.

Я люблю делать для птиц скворечники, птички, дупляки. Просмотрел много книг с описанием, как некогда изготовлялись птички. А делались в старину, нужно сказать, чудесные домики — сказочные терема, и дворцы, и часовенки. Особенно понравились мне многоэтажные резные скворечники.

Вот я и соорудил в Михайловском скворечник-хоромы. Первый этаж с портиком, а второй — с резной антресолю. Уж не знаю почему, но домик показался моим скворцам подозрительным. Они долго его рассматривали и спереди, и с боков, и с крыши, заглядывали в окошко, но зайти внутрь не решались. Так мой домик и не был в тот год заселен. Я даже обиделся на неблагоприятную тварь.

Прошло лето, прошла зима, и наконец показалась новая весна. И вот в один февральский день я увидел, что в моем домике есть жильцы. Это были белки — самец и самка. Самец облюбовал себе верхний этаж — антресоли, самка поселилась внизу.

Целыми днями они таскали в свой дом какие-то мебели и оборудование. Бывали дни, когда часами они сидели в своих хоромках, высунувшись в окошки, и о чем-то беседовали, поглядывая на мой дом.

Ни я, ни домашние мои — никто их не тревожил. Мы старались делать вид, что ничего не замечаем. Всем нам очень хотелось, чтобы белки к нам привыкли. Так это в конце концов и получилось. Белки стали подбегать к садовому столику, который издавна стоит под этой березой, и принимали наши дары: желуди, шишки, орехи, сахар, сушеные яблоки и грибы, которые мы с вечера им подготавливали. Спустя некоторое время я увидел, что супруг белочки скучает в одиночестве, его благоверная куда-то исчезла. Выяснилось, что у них прибавление семейства — пятеро маленьких бельчат.

Наконец весна совсем разгорелась, стали раскрываться почки на березе, и в окошечке появились малюсенькие

зверьки. Когда они слишком высовывались из окошка, папа сверху угрожающе фыркал, мама кричала, в домике была слышна возня и писк. Вероятно, папа и мама прививали своим детенышам необходимые культурные навыки.

Проходили дни. Я непрерывно наблюдал беличье семейство, стараясь увидеть всё, что происходит в домике. И вот однажды вижу, как выходит из дому белка-мама, а за нею гуськом бельчата. Шествие замыкает папа. Вот все зверьки уселись на толстый сук. Папа о чем-то поговорил с мамой и вдруг сделал в воздухе сальто-мортале. Перепрыгнул на другой сук и велорхнул обратно. Потом он вновь перепрыгнул на сук, который поближе. Прыгнул медленно, словно показывая детям, как это нужно делать. И так несколько раз. Я успел разглядеть, что он присел на задние лапки, потом оттолкнулся ими от сука, выкинув лапки вперед. Мать и ребятки внимательно смотрели на папины упражнения. «Ну, вот так, — сказал папа, — давайте начнем...»

Бельчата запищали и стали растерянно ползать по суку, трясаясь от страха. Тогда разгневанный папа бешено запрыгал с сука на сук и стал зло кричать на маму и детей. Испуганная мама прыгнула, за ней стали прыгать и малыши. Но один бельчонок всё же не решался оторваться от сука, к которому прижимался, и ревел благим матом. Наконец и он прыгнул. Сделал всё так, как учил отец, — присел на задние лапки, кинулся вперед, выставив передние лапки, но чуточку не долетел, успел только схватиться коготками за кору дерева да так и повис.

Все семейство забегало, запищало. Вдруг малыш сорвался и полетел вниз на землю с высоты почитай десять метров. Я бросился к нему. Он лежал на боку, дергая лапками. Я осторожно взял несчастного зверька и побежал домой. Там положил его в мягкую шапку и стал думать, что же теперь делать.

Зверек оказался живучим и быстро отлежался.

На другой день утром я увидел, что скворечник на старой березе пуст. Вся беличья фамилия исчезла. Остался лишь мой малыш.

Неудачник был еще совсем несмышлениш. Нужно было его кормить. А как кормить? Взяли мы глазную пипетку, согрели молочка и дали ему сосать. Он сразу же догадался что к чему. Через несколько дней пипетка уже не годилась, потребовалась маленькая бутылочка с игрушечной соской... Наш питомец ловко схватывал ее лапками и, зажмурив глаза, сосал молоко.

А потом всё пошло как по-писаному. Наш бельчонок стал быстро расти, шубка его делалась все гуще и красивей. За лето он вырос в великолепную белку.

Подошла осень. Пospели яблоки, орехи, грибы — до всего этого бельчонок был большой охотник. Назвали мы его Ваней. Эту кличку он запомнил, и сразу отзывался на нее. Потом к клетке я пристроил дупленку, куда он отправлялся на ночлег и где у него было свое одеяльце и кормушка.

Сидя в своей клетке, бельчонок стал делать запасы на зиму, складывать под одеяло орешки и грибы. Стоило подойти к клетке и сделать вид, что хочешь подобраться к его зимним запасам, как он начинал сердиться и спустя некоторое время перепрятывал запасы в другое место.

Раз-два в неделю мы выпускали его погулять. Что тут делалось! Он носился по комнате, делал фигуры высшего пилотажа, забирался на мою кровать, под подушку и оттуда вылетал как пуля и снова влетал в свою клеточку.

Особенно Ваня любил сахар и конфеты. Он знал, что у меня в пиджаке есть для него заветный кармашек, а в том кармашке — сладкое. Стоило мне войти в комнату и открыть клетку, как бельчонок прыгал на меня и бросался в карман, ухитряясь залезть в него весь целиком, набивая за щеки сладости.

Ваня знал, что я возвращаюсь с работы в пять часов. Это время сторож в Михайловском отбивает пятью ударами

в старинную чугунную доску, и точно в этот час Ваня сидел у окна, поджидая моего прихода...

Так прошла долгая деревенская зима, и вот вновь весна. Наш Ваня затосковал, стал каким-то другим: то лежит соня соней, то вдруг как с ума сойдет, такие начнет выделывать фортели.

Однажды я уехал на несколько дней в командировку в Ленинград. Вернувшись обратно, я увидел, что мои домашние смотрят на меня виновато.

— А где Ванечка? — спросил я.

Ванечки дома не было. Что же произошло? Оказывается, убирая комнату, забыли закрыть форточку. Зверек воспользовался этим, выскочил через окно в сад, только его и видели.

И вот теперь, когда я гуляю по Михайловским рощам и иной раз вижу рыжую белочку, шелушащую шишку, мне всё кажется, что это мой зверек, и я кричу ему: «Ваня!.. Ванечка!..»

Может, это и не моя белочка, белок ведь в Михайловском много, только я думаю, что это всё же моя, мой пушкинский Ваня.

ЗУЁВО МЕСТО

За околицей Михайловского, на берегу озера Маленец, — сосновая роща. На вершинах древних сосен много больших гнезд, с полсотни, пожалуй, будет. В них живут серые цапли. Испокон веков так ведется. В старицу цаплю в здешнем народе звали зуём; вероятно, отсюда и деревенское название Михайловского — Зуёво. Так и Пушкин его называл.

С марта по сентябрь плавают в небе эти красивые птицы. Когда заходит солнце и всё в природе — травы, деревья и птицы — засыпает, цапли поют колыбельную песню своим детям: «Чи-чи-чи-чи...»

Цапля — птица беззащитная. Обороняться от недругов она не умеет. Природа наделила ее лишь истошным криком. Вот ястреб или орел налетает на зуёво гнездовье, и всё пушкинское село оглашается сплошным птичьим воплем. В другом месте этого не услышишь...

Иной раз бывают у цапли ссоры с надоедливыми посетителями Михайловского. Подойдет какой-нибудь суетливый человек поближе к сосне, на которой гнездо цапли, начинает кричать и хлопать в ладоши, чтобы заставить птицу помахать крыльями и дать голос. Тогда разгневанная цапля повернется задом к такому дяде, поднимет хвост и пустит в него большую белую струю...

Когда молодые цапли начинают учиться парить, они часто выпадают из гнезда. Я их подбираю, зову ветеринара, он осматривает птицу и, если есть в ней какая поломка,

накладывает лубок. Лечим ее, кормим свежей рыбешкой, лягушками. Птица живет в вольере, в саду Михайловского, а потом она выходит в сад, пробует летать, а там, смотришь, взмлет в небо и улетит к своим сородичам у озера Маленец.

В последние дни октября, когда ложится на землю осенний туман и «сребрит мороз увянувшее поле», птицы всей стаей собираются на своих соснах, отпоют прощальную песнь и улетают в дальний путь.

И тогда в Михайловскую обитель приходит грустное безмолвие.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Я давно заметил, что птицы своей кротостью и доверием к человеку часто напоминают нам, что в этом мире больше милосердия, чем зла.

Послушайте маленькую историю, поучительную и добрую.

В 1951 году в Михайловском рядом с основным домом восстанавливали флигелек, в котором некогда были кухня и людская. Оплели стены хмелем, поставили плетенёк, скамейку, рядом с крыльцом устроили собачью будку для Жучки, и получился не домик, а загляденье — сказка. Внутрь домика принесли всё, что свойственно ему иметь. Всякую деревенскую радость и рукоделие. Когда всё было готово, уселись строители домика на скамеечку, чтобы сфотографироваться на память, и вдруг видят: влетела на крыльцо ласточка, покрутилась-покрутилась и стала лепить свой домик на низеньком косяке входной двери.

В доме открылся музей, стали приходить люди, они шли сюда, чтобы посмотреть, как жили дворовые люди Пушкина, с которыми поэт особенно сдружился в годы ссылки. Здесь они видели вещи, названия которых обогатили поэтический словарь Пушкина: огромную деревенскую ступу, в которой баба-яга по ночам бродила в Михайловских лесах и рощах, расписные прялки, за которыми пушкинские девицы-красавицы пряли свою пряжу и друг другу сказки сказывали. Когда-то здесь слышалась музыка маленьких жерновов домашней мельницы, моловшей всё, муку любую.

Каждого человека, проходящего в домик, ласточка встречала веселой песней, в которой ясно слышалось: «Мир вам».

Не все сразу замечали птичку и ее гнездо. Стали замечать лишь тогда, когда появились птенцы. Они доверчиво глядели на людей любопытными своими черными бусинками.

Ласточка была очень чистоплотной. Никаких следов она не оставляла, всё убирала за собой и птенцами. Музейные уборщицы умилялись, видя такую ее чистоту и порядок.

Многие посетители, входившие в дом, не хотели верить, что гнездо и ласточка настоящие, думали, что это музейный макет, и пытались потрогать гнездо пальцем. Другие, сидевшие на скамейке, будто на часах, кричали на них: «Зачем вы трогаете гнездо, неужели не видите, что оно настоящее!» Какой-то заботливый дядя из Дома туристов однажды явился к домику, принес с собой фанерный щиток с тесемочками и подвесил его под гнездом — чтобы птицам было спокойней. Другой сделал объявление: «Граждане посетители музея, входите осторожнее. Здесь живет ласточка!»

С тех пор экскурсанты стали входить в людскую на цыпочках. Ласточкино гнездо стало одним из экспонатов деревенского пушкинского музея.

Но вот прошло время, младое племя выросло, и птицы покинули родное гнездо. Сказка кончилась. Одни лишь ласточки радовались. Они весело летали по пушкинской усадьбе и пели свою короткую красивую песенку.

Здесьние старики говорят, что у ласточки две песни: одна о том, что самое доброе на земле — мир, а другая — песня-скороговорка: «В нашем доме все сусеки хлебом посыпаны...»

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Подъемлю солнце я с востока...

Пушкин

У Поклонной горки, где стояла старая часовня Михайловского, — группа строгих великанов сосен. Они как часовые на страже. На одной — большое гнездо, прочное. Видно, что живет в нем птица не простая, суровая, гнездо не прячет. Каждый лесник хорошо ее знает. Это черный ворон. Говорят, что ворон живет на свете сотни лет. Кто знает, когда поселился ворон здесь! Сосна очень старая, двухсотлетняя...

В июне 1967 года была в Михайловском большая гроза. Сильная молния ударила прямо в вершину сосны, стоящей почти рядом с той, на которой живет ворон. От удара кора на дереве расщепилась и разлетелась в стороны, у земли вспыхнула голубым огнем молодая поросль, а стародавний ворон, сидевший в гнезде, даже не встрепенулся.

Утром на заре ворон поворачивается головой к востоку и приветствует восходящее солнце громким криком, и в этом крике явственно слышится слово «Аллах!». Не верите — послушайте сами!

Ученые пишут, что, когда к старому ворону приходит смертный час, он умирает глядя в ту сторону, откуда восходит солнце, — на восток.

Впрочем, так делают многие птицы и звери. Это одна из нераскрытых тайн природы.

МИХАЙЛОВСКИЙ СКВОРЕЦ ЗАЛЕТЕЛ В БОЛГАРИЮ

В Михайловском много птичьих домиков, штук триста будет. Деревья в заповеднике большей частью старые, ветхие, больные. На них постоянно нападают разные жучки-вредители — точильщики, пилильщики и другие всякие. Ученые говорят, что истинные спасители таких деревьев — птицы, что тысяча семей скворцов, например, за одно только лето уничтожает два вагона древесных вредителей.

Здесьние лесники — народ изобретательный, заботливый. Они понаделали птичников самых разных. Тут и маленькие терема, избушки, светлицы, колоды, — не только обыкновенные ящички. И всюду в них гнездятся пернатые друзья заповедного места.

Ставили как-то ранней весной в Михайловском новые домики для скворцов и синичек. Разница между теми и другими небольшая — дырка-лазок у синичников поменьше, вот и всё. Ставили новые на тех местах, где были старые, прохуdivшиеся.

В одном старом домике уже устроился скворец. Улетел рано утром из старого, а прилетел вечером и не заметил, что домик-то новенький. Как на грех, лесники сделали ошибку: на место скворечника поставили синичник. Подлетел скворец, сунулся к дырке, туда-сюда — пролезть не может. Решил проскочить сходу, разлетелся — ничего не получает. Он вновь и вновь. Наконец как-то втиснулся. Вскоре в домике послышалась возня. Что же произошло?

Оказывается, туда-то скворец залезть ухитрился, а вот обратно вылететь — никак не может, бьется, словно в тюрьму попал.

Смотрю, что дальше будет? Скворец и так и этак пробует вылететь — ничего не получается. Запищал даже с горя. Решил я помочь беде пичугиной. Взял лестницу, приставил ее к дереву и полез к домику, чтобы садовым ножом увеличить леток. Смотрю — скворец в ужасе забился в угол, притаился и глаза закрыл. Увеличил я дырку, спустился на землю и жду. Замер скворец, не показывается, да так долго, что и я уже стал думать: может, птица со страху богу душу отдала? Смотрю, нет. Появился в дырке кончик клюва, потом клюв, за клювом голова — и... скворец пулей вылетел из домика. Два дня мой сосед и близко не хотел подлетать к домику, а потом всё же вселился, вероятно, решил, что тюрьма ему приснилась.

В новом домике скворец уже вывел на свет пятое поколение. Я окольцевал одного праправнука, вырезав на колечке: «СССР, Пушкин. Михайловское, 24 мая 1965 года». А на другой год получил нежданно-негаданно письмо из Софии, от болгарских школьников — друзей Пушкина, с которыми переписываюсь. Они сообщали мне о том, что михайловский скворец попал в сети юных орнитологов и был ими выпущен на волю. Весною он снова явился в свои родные пушкинские края.

Сегодня на дворе март. Я сижу у своего окошка и нетерпеливо поглядываю, не прилетел ли мой друг скворушка в свое Михайловское.

СИМВОЛ ВЕЧНОСТИ

Деревенский дом Пушкина вскоре после смерти поэта дал приют его вдове и детям-сиротам. Но он был уже настолько старым и ветхим, что жить в нем было невесело, и его все покинули.

И вот в дом въехали другие жильцы. Над камином в кабинете Пушкина устроилась сова; в самом же камине поселилось семейство хомяков... Все они жили здесь, пока старый дом совсем не развалился и на его месте не стали строить новый.

Сто и еще много лет прошло после смерти Пушкина, но и теперь сова навещает место, где он жил. Каждый год осенью, когда усадьба и рожи Михайловского пустеют, она лунными ночами прилетает к дому поэта, садится между двух беленых труб, на коньке высокой кровли, и громко плачет. Именно плачет. Это подметил еще Пушкин, когда писал:

То был ли сон воображенья
Иль плач совы...

В старину русские люди называли сову «сирин — птица вещая». А древние греки и римляне считали ее символом вечности. Сова в Михайловском и есть символ вечности великого Пушкина.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>М. Дудин. Хранитель Лукоморья . . . . .</i>	5
Таинственные письма	13
9 августа 1824 года	15
Пушкин устраивает свой кабинет	24
Веселая трапеза	29
Из дневника игумена Святогорской обители	34
Поклонник Пушкина	47
Дворовые люди Михайловского	59
Жизнь	63
В конце «осадного сидения»	73
«Твоя от твоих»	78
«Без боязни обличаю»	84
Дядька Пушкина	90
«Отмщеня, государь, отмщеня!»	108
Страшный пилигрим	113
Пушкинские имения	121
Профессор и колхозник читают в Михайловском седь- мую главу «Онегина»	128
У лукоморья	133
Салют Пушкину	139
По следам героя	143
Как гитлеровцы сожгли дом-музей Пушкина в Ми- хайловском	145
Хранительница Михайловского	149
Рассказы деда Прохи	158
Чье владение?	160

Помпильник	160
Звогарь	161
Кулачный бой	162
Сладкая баня	163
Как строили дом в Михайловском	163
Песня	167
«Ель-шатер»	170
Чудо-юдо	175
Пушкинские сувениры	178
В садах Тригорского	182
«Скамья Онегина»	187
Цветы Михайловского	190
Заветный ларец Арины Родионовны	194
«Я помню чудное мгновенье...»	198
Об одной маленькой вещи Пушкина	202
В дар заповеднику	205
Памятник Пушкину	207
На Савкиной горке	222
«Савкин камень»	230
Находка	232
«Часовня ветхая»	234
«В деревне, где Петра питомец...»	238
Неудавшаяся затея Екатерины II в селе Велье	243
Пушкинская мельница	245
Вечерний звон	248
На озере Кучане	253
Древний насельник	255
Пушкинская белочка	257
Зуёво место	262
Ласточкино гнездо	264
Черный ворон	266
Михайловский скворец залетел в Болгарию	267
Символ вечности	269

**Семен Степанович Гейченко
У ЛУКОМОРЬЯ**

✱

*Редактор Н. А. Чечулина
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Т. П. Гладышева
Корректор В. Д. Чаленко*

✱

Сдано в набор 9/1 1973 г. Подписано к печати 19/IV 1973 г. М-13921. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 11,9. Уч.-изд. л. 11,22. Тираж 100 000 экз. Заказ № 14. Цена 38 коп.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57.

38 коп.